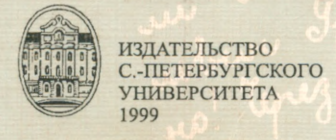
Жизнь в оккупации

Пушкин. Гатчина. Эстония.

Дневник Люси Хордикайнен



ИЗДАТЕЛЬСТВО
С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1999

Библиотека журнала "Новый часовой"

ЖИЗНЬ В ОККУПАЦИИ

Пушкин • Гатчина • Эстония

Дневник Люси Хордикайнен

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА • 1999

ББК 84.4
Ж71

Издается в редакции С.А. Нуриджановой

Издание осуществлено на средства С.А. Нуриджановой, Ю.А. Кривулиной, М.А. Хордикайнена

Жизнь в оккупации: Пушкин • Гатчина • Эстония:
Ж71 Дневник Люси Хордикайнен / Публикация и комментарии С.А. Нуриджановой. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. — 148 с. + 32 с. илл. — (Библиотека журнала "Новый Часовой"). — ISBN 5-288-02259-3

В историю второй мировой войны вошли дневники двух девочек: "Дневник Анны Франк" из Амстердама и "Дневник Тани Савичевой" из блокадного Ленинграда. Данная книга представляет дневник тех лет еще одной девочки.

Для широкого круга читателей.

ББК 84.4

ISBN 5-288-02259-3

История проходит через дом человека, через его частную жизнь. Не титулы, ордена или царская милость, а "самостоянье человека" превращает его в историческую личность.

Ю.М. Лотман
"Александр Сергеевич Пушкин"

Вместо предисловия

Дневники написаны моей сестрой — Кривулиной Юлией Александровной, в девичестве Хордикайнен.

Наша семья: отец, Хордикайнен Александр Матвеевич (1899–1943), мама, Тихомирова Юлия Федоровна (1890–1979), и мы, четверо детей, сестры-близнецы Софья (Зося) и Юлия (Люся) родились 16 апреля 1928 года, брат Андрей родился 10 апреля 1929 года, брат Матвей — 14 октября 1933 года, — жила до войны в городе Пушкине (Царское Село) на улице Колпинской, дом 5.

Папа родился в Ц. Селе, мама — в Рыбинске. Родители по делу Центрального бюро краеведения — они работали в ЦБК — были арестованы 17 июля 1930 года и сосланы в Сибирь. Вернулись в Пушкин осенью 1934 года.

Наш отец, инженер-экономист, до войны работал старшим экономистом в Гипролесхиме. Мама поступила на работу в сентябре 1938 года старшим статистиком в Трикотажную артель им. 2-й пятилетки, которая размещалась рядом с Александровским дворцом.

Мама окончила филологический факультет Петербургских Высших женских курсов (Бестужевских) в 1914 году, но учительницей работала очень недолго.

Нашим воспитанием, конечно, занималась мама. До школы ходили в "немецкую группу". К школе нас готовили дома, и восьми лет мы поступили сразу во второй класс. Тогда в школу принимали с восьми лет. Брат Матвей пошел в школу с семи лет на четвертую четверть.

Маме удалось внушить нам, что писание дневника — естественная потребность культурного, интеллигентного человека. А так как друзьями родителей были люди редкостной, высочайшей культуры, то уже тогда, довоенными девочками, мы понимали, что И.М. Гревс, Н.П. Анциферов, В.А. Поссе, Н.К. Бриммер (ур. Фандерфлит), да и весь круг их друзей и знакомых — люди из какого-то другого времени, другой, высшей культуры, другого стиля жизни, и видели в них идеал Человека. Хотелось ну хоть в чем-то приблизиться к своему крестному — Николаю Павловичу

Анциферову: много читать или вот — писать дневник... Вероятно, тема дневников Н.П. звучала в его разговорах с родителями.

К писанию дневника нас подталкивало и одиночество, отъединенность от других детей во дворе и в школе. Годы без родителей наложили грустный отпечаток на наши души: мы были робкие, неслышные дети. Да и бабушка (Высоцкая Софья Сильвестровна (1866–1941)), мать нашего отца, с которой мы, трое детей, жили во время их ссылки, нас стращала: "Вот приедут папа с мамой и..." Не уточнялось, что именно нас ждет, но что какое-то особое наказание — непременно. Мы боялись возвращения родителей. Когда однажды, во время их ссылки, нас навестила мамина приятельница по Бестужевским курсам Наталия Васильевна Педькова (она нам рассказывала это в поздние, студенческие годы), мы показались ей тихими-претихими детьми.

— А вы умеете шалить? — спросила она нас.

— Нет, не умеем.

— А хотите, я научу вас?

Мы отказались.

За калитку нашего сада нам выходить не разрешалось. Да и не тянуло, потому что во дворе соседнего дома целые дни раздавались истошные крики "Ванька! Манька!". С "дворовыми" мы сошлись только в предвоенное лето. В школе нам было тягостно. Мы были действительно одеты хуже всех: никто не ходил в голубовато-синих сатиновых костюмчиках, на девочках были шерстяные юбки, шерстяные кофточки, в косах — нарядные банты. У нас никогда не было на завтрак конфет, яблок, только — морковки и черный хлеб с маслом. С лета 1939 года в нашей семье было девять человек, так как приехала из Владивостока мать нашей мамы — Евдокия Дмитриевна (бабушка Дуня) с внуком Всеволодом. Мама всегда жила с долгами перед зарплатой.

Думаю, что свободными, самими собой мы были только в мире книг и в своих фантазиях. Читали сперва дореволюционную детскую литературу, конечно, Чарскую, а позднее — европейскую и русскую классику. Кино мы не знали. Папа крайне пренебрежительно относился к фильмам, которые шли тогда на экране. До войны мы посмотрели три фильма: "Три поросенка", "Дети капитана Гранта", третьего — не помню. В тех книгах, которые мы читали, девочки всегда "вели дневник".

Хотя нашим воспитанием, как я уже говорила, занималась мама, но принципы воспитания, установки давал отец. Например, "никаких телячьих нежностей!". То есть никаких ласковых прикосновений. Нас не целовали даже в маковку! Только требовательное исполнение своих обязанностей, своего долга...

Но... но в выходные дни в любое время года папа уходил с нами в дальние прогулки и часами читал наизусть стихи по-русски и по-польски (мать отца была полькой)... Образ отца слит с этими нашими долгими маршрутами и его певучими стихами. Этот светлый, приподнятый образ разительно отличался от его облика в обычные дни, когда он, усталый,

готовый к раздражению, приезжал на поезде с работы из Ленинграда. Но он-то и жив в душе и памяти.

Дневник сестры (мой пропал) — дневник обычной девочки. Его неоспоримое достоинство — бесхитростное фиксирование всего, что было с нами, вокруг нас. Почти беспристрастное. Внятный голос ОЧЕВИДЦА, СВИДЕТЕЛЯ. Недаром вслед за папой мы твердили:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые:
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир.

(Ф.И. Тютчев."Цицерон")

Безусловное значение дневника сестры в том, что в нем отразилось трагическое время. 17 сентября 1941 года город Пушкин был сдан вермахту, и мы оказались в оккупации. Юрий Щеглов в статье "Жизнь и смерть Вячеслава Кондратьева" ("Литературная газета", 1 сентября 1995, № 44) приводит слова писателя: "У нас нет о многих коренных вопросах войны настоящих книг. Мы совершенно ничего не знаем, например, о том, как жили обыкновенные люди в оккупации, чем питались, где работали [...] Как тогда жили люди — женщины, дети, старики?"

Дневник сестры дает ответ на этот вопрос. Отец был белобилетником по зрению, он был ранен и умер 14 мая 1943 года. Но в войну и при его жизни опорой семьи была мама. Дневник сестры — это отдание памяти мужеству, стойкости нашей мамы.

Дневник — это семь тетрадей. Необходимые пояснения, уточнения или дополнения к тексту "Дневника" даны курсивом, в самом же тексте — курсивом в квадратных скобках. "Дневник" печатается без стилистической правки; сохранены некоторые отступления от орфографии; расставлены недостающие знаки препинания.

Софья Нуриджанова

СОСТАВ "ДНЕВНИКА"

1. Пушкин. 29.04 (1940) — 7.05 (1940).

Отдельные записи в школьной тетрадке: 18.05. (1941), 18.07 (1941); 26.09 (1941), 18.07 (1942).

2. "Мои воспоминания" написаны на дореволюционной тонкой и плотной бумаге в широкую линейку, это часть какой-то более толстой тетради. Железных скреп нет, на их месте — расплывшиеся ржавые пятна, обложки нет.

"Мои воспоминания" написаны, вероятно, в апреле 42 года. Они прерываются отступлением в настоящее "Во время войны". Последняя запись в этой терадке сделана 3.05.43.

3. Гатчина. 14.05.43 — 27.06.43.

Обычная тонкая школьная тетрадь в линейку.

4. Начата в Гатчине 4.07.43 — окончена в Эстонии, Выруский уезд, Ласвинская волость, 5.03.44. Общая тетрадь в клеточку.

5. Эстония. 12.03.44 — 17.09.44.

Общая тетрадь в клеточку. Записи в каждой клеточке; заполнена половина тетради.

6. Эстония. 27.09.44 — 11.02.45.

Школьная тетрадь в клеточку.

7. Тарту. 20.02.45 — 20.10.45*.

---

* Последняя запись в "Дневнике" — от 9 мая 1945 г.

1940

29 апреля 40 г. День был хороший. Утром морозно. В школе дела сегодня плохи. Зосю спрашивали по русскому языку, она ответила плохо, поставили "пос*[редственно]*". Затем спросили меня, но я немного знала, и поставили "хор*[ошо]*". Хватит о пустяках. Сегодня папа уехал утром в Сибирь. Дочитала "Лесовичку" *[Чарской]*. Много фантазировала, и это очень занимало меня. Да, еще поросенок подох. Вчера папа посадил траву, морковь, петрушку. Матвей и Анд*[рей]* что ашалелые *[так!]* носятся, орут. Прибралась у себя на столе.

30 апреля. Сегодня день теплый, но как-то нечего делать. Ни книги, ни уроки — ничего не забавляет. Вечером мама копала гряды, Андрей вырезал разных солдатиков, Зося фантазировала.

1 Мая. Погода очаровательная! Утром оделись и пошли в школу.

7 мая. Сегодня день хороший. 100 лет со дня смерти Чайковского. Сейчас передают концерт из Москвы. Мама на концерте в Ратуше. Я нигде не была. Мама уже начала копать большие гряды на огороде. Сегодня от папы пришло письмо. В нем он рассказывал, как он пошел к нашему крестному *[Анциферов Николай Павлович (1889–1958) — выдающийся культуролог, историк, краевед; автор книги "Душа Петербурга" (Петроград, 1922)]*. Там он застал его среди его знакомых. Он *[Н.П.]* делился с ними воспоминаниями о поездке в Италию. *[Теперь о путешествии Н.П. в Италию можно прочесть в его книге воспоминаний: Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992.]*

Представляю: среди хорошо убранной комнаты стоит стол, на нем — лампа, дающая тень окружающим предметам. В креслах сидят люди, интеллигентные, красивые, пожилые. Все увлекаются рассказом его *[Н.П.]* о Италии за чашкой чая. Новый сюжет для фантазии. Скоро испытания. Крестный мне нравится своей медленной речью, ласкостью *[так!]* и опрятным одеванием. О, как печален тот вид!!! Перед вами стоит человек в оборванном, грязном платье, с загрубленными руками, но не потерявшим *[не потерявший]* своего величия. Кто бы подумал, что перед вами стоит некогда чистый, опрятный, хорошо одетый человек. С мягкими руками, ласковым голосом и лицом. Здесь не все фантазия, здесь есть и правда.

Здесь, в этой "фантазии" сестры, и отголоски домашних разговоров о возвращении Николая Павловича из второй ссылки, ведь он вернулся в Москву всего в декабре 1939 года, и смутные догадки о судьбе папиных знакомых, кто приходил вечером, не засиживался, о чем-то тихо говорил с папой. Звучали польские фамилии. Может быть, кто-то из них тоже возвращался из ссылки, может быть, кто-то приходил прощаться.

1941

18V. 17 мая мы ходили к Марии Александровне на французский. Как только мы пришли, М.А. известила нас, что Иван Михайлович Гревс умер. Это было так неожиданно! Через некоторое время приехала от них Лена *[дочь М.А.]*. Она рассказала, что И.М. долго занимался в этот вечер и что с ним раньше случались сердечные боли, и что одна из них была около 3-х часов ночи. И.М. говорил, что он начинает ощущать слабость, которой раньше не было, и что она для него неприятна. Мария Александровна говорила, что его далекие предки — англичане с примесью шотландской крови. Лена, а после нее и мама, которая была у Гревсов 17/V, говорила, что Мария Сергеевна, как пушинка, что она очень печальна и, идя, она слегка покачивается. Мама говорит, что И.М. и М.С. жили или созданы не для суеты теперешней, а для спокойной, высокой жизни. Иван Михайлович изучал Средние века, кроме того, он был Тургеневед *[так!]*. На гражданской панихиде, мы на ней были, говорили про него очень много.

На этом запись обрывается. Полстраницы чистые, следующая запись на новой, третьей странице.

Необходимые пояснения.

Только в последние, 90-е годы, мы больше узнали о жизни и судьбе Марии Александровны Сидоровой (1882–1947) от ее старшей дочери Анны Ивановны Сидоровой. Сейчас Анне Ивановне — 84 года.

М.А. была учредительницей Частного восьмиклассного коммерческого училища М.А. Шидловской. Шидловская — девичья фамилия М.А. Училище помещалось на Шпалерной (б. Воинова), д.7. "Здесь учились дети художника Кустодиева, сын Лозинского Сергей, дети музыкального критика Каратыгина, дети Каменева, Троцкого, брат и сестра Шостаковичи. Дмитрий Дмитриевич [Шостакович] сохранил на всю жизнь любовь и уважение к маме. В 1940 году побыл как-то долго, обедал. До самой маминой смерти писал ей в Харьков, посылал фотографии детей".

Муж М.А., Иван Иванович Сидоров (1884–1949), был специалистом по приборам измерения давления. В "маминой" школе преподавал естественные науки. До войны работал в нескольких вузах Ленинграда, из эвакуации был направлен восстанавливать Харьковский университет.

Мария Александровна, православная, состояла в "двадцатке" (совет прихожан храма) Сергиевского собора. Собор стоял на углу улиц Сергиевской (ул. Чайковского) и Захарьевской (ул. Каляева). Храм был разрушен, на его месте построен Большой дом. Мария Александровна была арестована вместе со всей "двадцаткой", просидела на Шпалерной ("Большой дом") девять месяцев, была сослана на Соловки. Пробыла там с января 1924 года по октябрь 1926. Дома оставались дочери: Ася — родилась в 1913 г., Зина — в 1914 и Лена — в 1920.

Сидорова Анна Ивановна (р. 1913) — кандидат физико-математических наук, доцент Ленинградского университета.

Сидорова Зинаида Ивановна (1914–1992) — окончила Харьковскую консерваторию по специальности "хоровое дирижирование".

Сидорова Елена Ивановна (1920–1991) — окончила Высшее Художественное училище им. В.И. Мухиной, художник по текстилю.

"На Соловках мама сдружилась с Еленой Михайловной Нефедьевой, близкой родственницей химика Бутлерова. Она и обратила маму в католичество. Е.М. после Соловков отбывала долгую ссылку

в Каргополе, жила после окончания ссылки там и умерла в 1952 году. Доводами за принятие католицизма были высокая культура, подвижная философская мысль у католиков и отсутствие что ли ее у православных. Все родственники и друзья были против маминого вероотступничества".

"В Пушкине, в Детском Селе, мы поселились 1 июня 1930 года на улице Широкой, потом Вокзальной, теперь — Ленина, которая ведет к вокзалу.

Это жактовский дом, на первом этаже в отдельной квартире жила семья железнодорожного инженера Домашева. В ней-то летом и жили "наши Гревсы". Так это говорилось у нас в семье". И.М. Гревс — троюродный брат матери М.А. Сидоровой, К.Ф. Черепановой.

"Другие года неоднократно, когда наши уезжали в город Виноград под Ейском, Гревсы жили у нас".

Гревс Иван Михайлович (1860 – 16.05.1941) — историк-медиевист, профессор Петербургского—Ленинградского университета и Высших женских (Бестужевских) курсов, любимый учитель многих поколений студентов; основатель экскурсионного метода изучения города, крупнейший деятель краеведческого движения в России в 20-е годы.

По-видимому, наши родители познакомились с семьей Сидоровых через И.М. Гревса. Наша мама училась у И.М. на Бестужевских курсах, а в середине 20-х годов работала в Центральном бюро краеведения (ЦБК), в его Экскурсионно-справочном бюро, председателем которого был И.М. Гревс, а секретарем — наша мама. Наш отец Александр Матвеевич Хордикайнен в эти же годы — деятельный научный сотрудник ЦБК, частый автор краеведческих журналов тех лет.

М.А. занималась нашим католическим воспитанием, готовила к конфирмации, учила нас французскому языку, руководила нашим чтением, подготовила к школе.

18/VII/41. Много времени прошло с тех пор, как я не писала, и много произошло событий. 22/VI был яркий солнечный день; бы-

ло жарко, по небу клочьями были разбросаны облака. Мы были в саду *[сад около нашего дома с клумбами и грядками, сиренью, жимолостью, туями]*. Вдруг на балкон быстро выходит бабушка Дуня *[Тихомирова Евдокия Дмитриевна (1870–1959) — мать нашей мамы]* и говорит, чтобы мы слушали радио. По радио выступал Молотов. Он говорил, что утром немцы напали на СССР и захватили несколько городов. Сразу же по лавкам образовались очереди, и теперь в лавках ничего нет. Вечером мы пошли смотреть на шедшие танки. Ребята стояли, махали красноармейцам и кидали сирень. У нас в этом году ее не было, так как папа подстриг кусты, и мы боялись даже, что некоторые из них не отойдут, но все оправились. Этой весной у нас цвели тюльпаны и нарциссы. На огороде все более или менее в порядке. Мы помогали сажать картошку и окучивали. Тут как-то пошли я, Зося, Сева *[Базанов Всеволод Михайлович (1921–1942) — сын маминой сестры Надежды Федоровны Базановой (1895–1995). После расстрела отца — семья жила во Владивостоке — тетю Надю посадили в тюрьму, детей, Наталью и Доната, отдали в детдом в г. Канске, а бабушка Дуня со старшим внуком приехала в 1939 году к нам. Сева окончил 10-й класс в Пушкине и поступил осенью 40 года в Политехнический институт. Погиб в ополчении в 1942 году]* и потом пришел Андрей. Небо все было покрыто тучами. Оглядев небосвод, мы решили, что будет дождь. И действительно, скоро он хлынул. Я и Зося присели в межу, подставив спину очень неприятному душу. Ливень был короток, но ощутителен. На Севе была тонкая рубашка с запонками, так она вся смокла, и ему пришлось ее выжать. После этого мы много смеялись, и окучивание прошло очень быстро. Андрей напевал нам романсы, аккомпанируя на ведре. Сева много смеялся *[...]*. Сева в июне ездил на практику и сильно там загорел. Приехав домой, он поступил на какую-то работу с жалованием в 300 рублей, а потом — 450. Работа у станков, и потому, приходя с работы, он черен, как араб.

К концу августа — первым числам сентября относится письмо — "записочка" Н.К. Бриммер маме. Оно без даты, написано карандашом на листке в длинненькую клеточку с водяным знаком "Polar Bear" (англ. — "Белый Медведь") и тремя силуэтами: на первом плане — белого медведя, на втором — контуры двух ледяных гор...

Наталия Константиновна (1901–1998) — самый близкий друг нашей мамы. Н.К. — график-ксилограф, автор иллюстраций и станковых гравюр

на дереве, книжных знаков... Виднейшим графиком 20-х годов был ее первый муж — Николай Леонидович Бриммер (1898–1929).

Н.К. подписывала свои работы Фан-дер-Флит (до войны), позже — Фандерфлит.

Любимый мой Юлич. Мой единственный. Уходя из дома, в который не знаю вернусь ли взяла из своих, остающихся тут вещей вот эти два подарочка Вам и девочкам.

Мне захотелось как-нибудь переслать Вам любимой — мою эту любимую брошку и нитку памятных мне бус, которую надо разделить на две — девочкам.

Как мне хотелось бы самой увидеть Вас теперь и поцеловать крепко.

Все что я делаю сейчас кажется мне нереальным и странным.

Я Вам напишу еще, а эту записочку прилагаю к посылке, которую м.б. Мария Ивановна Вам свезет.

Н.

Эта серебряная брошка-семилистник с хризопразовым кабашончиком посерединке и бусы из старой слоновой кости с нами до сих пор.

"Записочку" привезла маме домработница Наталии Константиновны.

Не расставляю знаков препинания, оставляю текст, как он есть. В других сохранившихся письмах Н.К., послевоенных, ВСЕ знаки препинания не только присутствуют, но и выполняют особую роль, подчеркивая напряженность монолога.

26/IX. Из продажи исчезли все продукты. Были введены карточки. Мне полагалось 400 граммов хлеба. Этого было мало нам, и начали сбавлять, сначала — 300 гр, потом — 250, а потом — ничего. 29 июля мы поступили на работу, на полку. Перед этим папу сократили, и он только иногда ездил в Ленинград возить дорогие вещи. Сева, служа на заводе, был зачислен в истребительный батальон. Ночевал он или в Ленинграде, или на чердаке. Работу нам доставил И.И. Пересвет-Солтан. *[И.И. Пересвет-Солтан работал в Сельскохозяйственном институте в Пушкине. Его жена, очень высокая, крупная и, наверное, болезненно полная, всегда ходила с внуком Юрочкой. Высокий мальчик выглядел необычно: он носил гетры и "оксфорды". Так назывались короткие широкие брюки на*

манжете под коленкой. О его родителях мы, дети, ничего не знали. В 70-х годах нашим корреспондентом в США работал Юрий Солтан. Я слышала его фамилию по телевидению.] Работали мы до 10 августа. Он иногда приходил к нам, и выглядит он старым английским лордом. На этом участке были посажены огурцы, которые мы часто таскали. Всего денег мы получили 135 рублей. Окончив прополку, мы приступили ко второй части — убиранию. Работа очень трудоемкая. Примерно в числах 25–26 августа вечером, возвратясь с картофельного поля, мы застали дома Е.В. Поссе *[Поссе Екатерина Владимировна (1897–1975) — врач-рентгенолог, кандидат медицинских наук, доцент Военно-медицинской академии, полковник медицинской службы, дочь В.А. Поссе (1864–1940) — публициста, просветителя, редактора журналов "Жизнь" и "Жизнь для всех". Он бывал у нас до войны. В Екатерину Владимировну папа был влюблен в начале 20-х годов. Сохранилась тонкая самодельная тетрадка папиных стихов, посвященных Е.В. Поссе. Вторую жену В.А. Поссе звали Альма (Альвара-Альма Николаевна, урожденная Борман (1867–1919)]* со своей племянницей Альмой. Альма была дочь Арчибальда Поссе. Они жили в Орше. За месяц до объявления войны она поехала в Ленинград к тете лечить ногу, у нее плоскоступие *[так!]*. Мать Альмы — еврейка.

Красивого в ней глаза и зубы. У нее был хороший слух и голос. Работая, она часто пела. Нам очень нравились "Я люблю тебя, Вена!" и "Застольная песня". Непосредственными нашими начальниками были К.Я. и Ю.Л. Горощенко. Первая — добрая, ласковая. При ней мы почему-то работали быстро, тогда как при Ю.Л. работали медленней. Иногда, раза два, к Ю.Л. приходил некий Борис Сергеич. Когда он пришел первый раз, то всем очень понравился, и мы дали ему прозвище "Принц Шотландский", но К.Я. спросила, не подходит ли он под прозвище Дон-Кихот. И в самом деле, в его фигуре было что-то, напоминающее Донкихотство *[так!]*. Его небольшие глаза были чрезвычайно живы, голос немного писклив, но это только первое впечатление, потом же, когда вслушаешься, найдешь его очень приятным. У него были небольшие усы, одет он был как джентльмен. Во второй раз он появился в небольшой шапочке, и из его разговоров мы узнали, что служит он в лесном ведомстве и всю стрельбу пережил в своей даче. Зося, встретив его однажды в булочной, нашла, что одет он очень бедно. Всего за работу-прополку мы получили 135 рублей, а за прочистку — каждый по 95. Продуктов нет. Картошку воруют страшно. Мы решили выкопать ее всю. Мы закупаем морковку и капусту на солку. Купили 40 килограммов в садоводстве у бани.

Правительство занимается тем, что сгоняет людей *[рыть]* гигантские щели. Папа достал справку, что он — "научный работник", и сим отделался. В саду третьего дома роют щель *[для]* укрытия от осколков. Мы роем тоже.

Однажды день был наиболее удачен. Мы достали крупы, яиц, моркови. За обедом Андрей сказал, что немцы в городе. Город перед этим сильно бомбили. Мы сидели в щели. В промежутках рыли свою. Сева говорил, что это только трата времени, однако помогал. Рыть было очень трудно, так как было очень много кирпичей. Через каждые четверть часа бегали в большую щель, потому что немцы все бросали бомбы. Они летели в почту *[совсем рядом с нашим домом]*. Воды в городе нет, и мы ходим на пруд. Бомбардировка настолько сильна, что мы переходим в большую щель. Все наши тюки перенесены в нее. Спим мы скрючившись или, вернее, только дремлем. Кто занял места раньше, тем хорошо, но мы думали, что у нас будет своя щель. 16 августа *[описка — сентября]* Сева говорит, что пойдет в Ленинград. Мама и папа его отговаривают, но он стоит на своем, отвечая, что его расстреляют. Мы смеялись над его трусостью, но он все-таки ушел. На дорогу ему дали немного крупы и сахара. В городе все заняты обчищиванием магазинов. Но нас мама с папой не пускают, говоря, что это нечестно, нехорошо. Подвальные *[из дома №3]* едят пирожки с капустой, конфеты, мужчины курят табак. Однажды утром дядя *[пропуск]*, отец Толи *[мальчик из дома №3]* приглашает нас идти за мукой. Я и Андрей против воли папы и мамы идем. Идти опасно. Снаряды свищут и рвутся, но мы идем. Придя на место, это около Филиппова *[булочная Филиппова]*, находим там много знакомых. Шум, гам, свалка. Мешки все цельные, и их никак не выволочить. Мы с трудом надрезали один мешок и насыпали в свой. Большого труда стоило их вытянуть. Выйдя на улицу, оказалось, что я потеряла калошу.

Полстраницы пустых. 17 сентября немцы вошли в Пушкин, и мы оказались в оккупации.

1942

Мои воспоминания

Когда нам было лет 6–7, мы ходили заниматься к Марии Александровне Сидоровой. Что касается меня, я не любила ходить к ним, потому что очень смущалась, а они *[дочери Марии Александровны Лена и Зина; Ася видела нас редко, так как училась в университете]* смеялись над этим. Занимались мы арифметикой, писанием и французским языком. М.А. читала нам "Хижину дяди Тома", но так как она была написана для взрослых, то слушать было очень скучно. У них было большое Евангелие в кожаном футляре, со множеством цветных картин. Мне особенно нравилась та, на которой изображен Христос, шедший с двумя поселянами. М.А. рассказывала, читала нам Священную историю, но странно: я ничего не помню и не знаю.

Мы приходили к ним часам к 10–11, и в это время они топили печку. Я очень любила смотреть, как сгорала бумага и получались разные фигурки. Мне теперь смешно, как я вспоминаю наши прятанья. Лена или Зина открывали дверь, и мы оказывались за нею. Затем нас оттуда извлекали, и мы шли к М.А., с которой целовались, здороваясь, что было также неприятно для меня. В это время М.А. еще ходила, и часто занимались мы на веранде. С ними, а до них — с бабушкой, ходили мы в костел, от нашего дома он был недалеко. Обыкновенно сидели мы на лестнице, ведшей на балкончик, с которого говорились проповеди. По праздникам и воскресеньям в костеле бывали процессии. В них должны были участвовать и дети, подсыпая цветы. Мне казалось, что, если я буду это делать, так на меня все будут смотреть, и тогда мне делалось очень неловко. Мы с Зосей не хотели подсыпать цветов, а

бабушка называла нас за это "буками". Особенно много народу приезжало в Иванов день *[Престольный праздник]*. Мне помнится один день, когда масса народу отдыхала на лужайке перед костелом и завтракала. Мальчики играли в мяч. В этот день справлялась свадьба тети Сони *[Оболикито Софья Клеофасовна (1902–1969) — двоюродная сестра отца, жила с нами во время ссылки родителей]*. У нас было очень много народу за обедом. Да, кажется, в этот же день и крестили Матвея. В этом же году *[1938]* мы первый раз ходили к исповеди. К этому дню нам сшили белые, очень хорошенькие платья, а Андрею — белый костюм. По приходе домой мама нам подарила: мне — чернильницу, Зосе — такую *[же]* коробочку *[cloisonne — китайская перегородчатая эмаль; коробочка со мной в Уфе]*, а Андрею *[пропуск]*.

У нас при доме был сад. Каждую осень папа подрезал деревья, и сучья сваливались в одну кучу. Мне очень нравилось на них качаться. На грядках у нас садили много салата, которым я однажды объелась.

В 36 году папа завел поросенка. Соседи давали нам очистки, и поросенок превратился в большого борова. В это лето приезжала В.П. *[Фандерфлит Вера Петровна, урожденная Ивашева, (1875–1966) — мать Н.К. Бриммер. В Оренбурге находилась в ссылке]*. Бабушка ее очень любила, да и мы тоже. Когда не было папы и мамы *[родители были в ссылке]*, она часто к нам приезжала и привозила много сухарей.

Читать, будучи маленькими, мы не любили. По утрам нас мама причесывала, а мы должны были читать. Читали мы "Маленького лорда" *[Ф. Бернетт "Маленький лорд Фаунтлерой"]*. Книга эта мне тогда не понравилась, а потом я прочла ее с большим удовольствием. Первый роман я прочла, когда мы учились в пятом классе. Это был "Всадник без головы". Этот роман мне очень понравился, хотя толстых книг я не любила читать. Мне вообще нравятся спокойные, тихие книги, вследствие чего я многих интересных книг тогда не читала, боясь всяких волнений.

Когда мы учились в 3–4 классе, мама нас учила штопать. Я никак не могла понять этой премудрости и, когда потом догадалась, как это делается, мне было смешно своей глупости. Штопать потом я научилась довольно сносно.

Восьми лет мы поступили в школу во второй класс. Подготовляла нас М.А. Домашние уроки мы готовили с мамой. Первое время мы ходили с одним портфелем, а потом папа привез нам из Москвы сумки в виде чемоданчиков. В классе над ними очень смеялись и называли их патефонами. До пятого класса у нас были разные платья и больше все одинаковые. Потом папа купил нам

синие сатиновые костюмы. Когда приходилось подниматься по лестнице в класс, мне все казалось, что на нас смотрят и смеются нашим платьям. Поэтому мы большей частью стояли у дверей класса.

7/IV/1941. *[Год здесь, без сомнения, не 41, а 42. Эта описка объяснима тем, что писать приходилось крайне редко, и Время ощущалось протяженно, без конкретных ориентиров.]*

Во время войны

С вечера я очень хотела спать, так что, как легла, так и заснула. Мама вдруг меня будит и говорит, чтоб я скорей вставала. Как только я очнулась, меня поразил шум, как будто бы бросали бомбы. Одевшись, я пошла к Е.В. *[никто из нас не помнит, кто это]* в комнату. Зося еще дремала. Но вдруг снаряды стали разрываться совсем близко, и посыпались осколки. Папа велел всем одеваться и идти вниз. Это "бомбоубежище" находится в нижнем этаже нашего дома. Стоя там, я больше думала не о том, что я могу быть убита, а о том, что вдруг загорится дом, и все мои кофточки могут пропасть. Свист снарядов чрезвычайно неприятен: кажется, что вот он *[снаряд]* сейчас разорвется здесь, перед самым носом, но он все же перелетает. Свист и разрывы были настолько сильны, осколки сыпались так быстро, что мы решили идти в нашу "крепость", т.е. красильню. Она состоит из нескольких комнат, расположенных в один ряд, так что, если снаряд упадет в стену, то ему придется пробить их несколько, чтобы попасть в последнюю, но это невозможно. Чтобы достичь красильни, надо пройти поляну перед домом, потом будут сараи и, наконец, красильня. Мы пустились почти бегом. Но посередине пути мы услышали вдруг свист, и огонь на мгновение озарил все. Засим последовал взрыв. Мы так прямо и легли. Было слышно, как сыпались осколки. Как только утих гул, мы побежали дальше. По дороге бабушка Дуня заохала: "Ка-ак меня оглушило!". Затем ее куда-то кольнуло, и она видела свет. Хотя обстановка и не способствовала смеху, но мне было смешно. Придя туда, грохот еще продолжался. Папа предполагал, что это шли танки. Мне было холодно, и я ужасно хотела спать. Сидя там на трубе *[в красильной]*, я пыталась читать молитвы. Но из этого ничего не получалось, и в голову лезли мысли, весьма неподходящие. Наконец, стало стихать, и мы пошли домой. На следующий день Е.В. удивлялась, что мы побежали, оставив все свои вещи, даже маленький чемоданчик. Следующая ночь была бурная, но все-таки менее.

[Продолжение "Моих воспоминаний"]

Я очень не любила ходить в баню. Это было для меня сущее мучение. Большую часть нас мыла мама или бабушка Устинья. Иногда люди в бане смеялись, что таких больших девочек моет старушка. Но у нас были большие волосы, и промыть их самим было очень трудно. Бабушке же Устинье давали два-три рубля. Тогда на них можно было купить три килограмма хлеба, теперь же — стакан клюквы нельзя.

Расчесывая волосы после бани, очень много приходилось выдирать. Меня мама причесывала до пятого класса, но и потом я не могла хорошо заплести косу. На осмотрах в школе говорили, что у нас хорошие, чистые волосы. Это потому, что каждое утро мама нас чесала, на что папа очень сердился.

Через год или два после того, как папа и мама вернулись из ссылки, за городом купили землю. *[Думаю, что это было позже, году в 37–38. И не "купили", а просто получили место под картошку.]* Каждую весну мама копала там землю, и мы садили картошку. *[...]* Осенью, числа 24 сентября, картошку выкапывали. Обыкновенно в этот день мы в школу не ходили. Картошка большей частью у нас была хорошей, может, оттого, что землю мы удобряли. *[...]*

Во время войны

В феврале *[1942 г.]* мы переехали на новую квартиру.

> *Переезд на новую квартиру был связан с тактикой немецких войск, объявлявших запретной зоной все новые и новые кварталы города. Когда мы жили на Колпинской — теперь улица Пушкинская, — то противоположная нашей четная сторона считалась запретной зоной. Теперь запретной зоной стали следующие два квартала. Пришлось искать новое жилище.*

Однажды являются к нам панна Юзефа с тетей Катей *[Панна Юзефа и тетя Катя, из бывшей прислуги ксендза, жили в доме № 3. Катя, племянница тети Кати, приехала к ней жить незадолго до войны]* из Павловска за сервизом. Его нам дали Баран *[Баран — латышская семья из дома № 3]* от имени Юзефы и тети Кати. Мама только что привела в порядок сервиз, то есть переложила, завернула. Мы все восхищались его рисунком, и тут вдруг приходят

за ним. Папа его отдал. Потом они опять к нам приходили, говорили, что Катя молодая их объедает. Мама давала панне Юзефе ячменя, семени. Через неделю приходит панна Юзефа и говорит, что Катя умерла, а что она, панна Юзефа, придет к нам умирать. Это было 14 мая. Я, Андрей и Зося подумали, как это она придет к нам, ведь мы ей не родня, и они, когда уезжали, то всем дворовым что-нибудь да подарили, а нам — ничего. Но через три недели является панна Юзефа к нам и говорит, что у ней никого нет других знакомых, кроме нас, что ей осталось недолго жить и чтобы мы вырыли ей могилку у костела. Пришла она под вечер, так что эту ночь ей нужно было ночевать у нас. В этот день папа утром уехал в Гатчину *[что-нибудь из вещей сменять на продукты]*, сказав, что, может быть, он придет вечером, а может, и нет. Вообще я не очень жду его возвращений, так как при этом всегда какое-то напряженное состояние. Но в этот раз я его ждала. Кроме того, пришла Лина Николаевна и сообщила, что с 15 июня всех домашниц переводят в цех. Для мамы — это гроб. Но потом сказали, что возьмут только бездетных, так что эта гроза на некоторое время отошла. Наши опасения не сбылись — папа приехал. В те три дня, что он пробыл дома, положение не изменилось. Панна Юзефа собирала крапиву на щи, молола ячмень и льняное семя.

В тот день утром, как папа должен был уехать, входит бабушка Дуня и говорит, что молоко украли. Его накануне купил папа в Павловске. Оно было стоплено. Почти в то же время Евдокия Васильевна спрашивает: "А где же хлеб?" Дело в том, что мы получаем плесневелый хлеб и сушим его на окне. Накануне был выдан паек, и я положила его на окно сушиться: три немецких буханки и одну русскую буханку. Ночью, вероятно, окно было не закрыто на задвижку, и воры могли свободно достать хлеб, подставив лестницу. Мы подозревали одну семью, живущую в соседнем доме. Она состоит из мальчиков 15 лет, 7 лет и девочки 12 лет. Их подозревали не один раз, и управляющая нас предупредила, что они нечисты на руку. Кроме хлеба и молока, были утащены очистки и снетки около 2 кг. Еще до чая мама пошла в управу попросить сделать обыск. К 9 часам пришла управляющая, и они пошли на квартиру этих воров. Но она была заперта, а взломать не позволялось. Управляющая объяснила, что это такие проходимцы, что оставлять продукты в своем жилище они не будут и что обыск делать бесполезно, а этот случай взять себе в урок. На этом мы и порешили. В этот же день, часов в 11, заезжают к нам два тирольца. Мама с ними беседует. Старшему из них 34 года, а второму — 28. Мне больше понравился старший. Он женат и име-

ет дочь четырех лет. Они, почти как все немцы, показывают свои фотографии. Я, к сожалению, их не видала. Мама рассказала им историю хлеба. Первый австриец заинтересовался. Я забыла написать, что оба они относятся к полиции, состоящей при коменданте. Мама послала Зосю сходить в Павловск узнать, не продают ли мальчишки хлеб.

После трудных колебаний я все же решаюсь привести здесь два случая из моей жизни.

В эту же зиму в Пушкине — из истории войны всем памятны морозы той зимы — немец на улице велел мне снять валенки. Бабушкины, большие, серые, подшитые. До дому я добежала в носках...

Другой эпизод. Морозный солнечный день конца 41 года. Я иду по Колпинской. Немец подзывает меня: "Brot! Brot!" (нем. —"Хлеб! Хлеб!"). Зовет с собой. Он переводит меня на другую, нежилую сторону, где для населения начинается запретная зона, ведет в дом. Усаживает на диван в пустой большой комнате. Мне кажется, что он хочет отнять у меня мамин английский двухцветный дореволюционный шерстяной шарф, и я не даю расстегнуть пальто, спасаю шарф... Немец насилует меня... Видимо, кто-то шел по улице, мои крики испугали немца (в окнах не было стекол), и он оставляет меня...

Это было совсем недалеко от дома. Мама отвела меня к врачу. Кажется, это был дом, где жил композитор Дешевов, или рядом с ним. Я долго спала, потом все забыла. И только во взрослеющей юности стало проступать в памяти случившееся, даже какие-то слова о том, что что-то во мне еще уцелело. Таков был смысл. Как потом оказалось, это "что-то" действительно не до конца было разорвано, но ведь я этого не знала.

Маму ни о чем не спросила, просто стала осознавать себя другой... И судьба оказалась не такой, какой могла бы быть...

Но в общем-то сейчас, в январе 1998 г., когда моя работа над Дневником, считаю, полностью закончена, я пишу об этом не ради полноты картины нашей жизни в оккупации, меня волнует позиция мамы. Как могла она послать меня одну в Павловск!?

У нас не было с мамой ни одного разговора о нашей девичьей безопасности. Ни разу. Никогда.

Осенью 44 г., по дороге в Тарту, я оказалась в товарном вагоне один на один с советским офицером. Только Бог мог меня спасти, и Он спас меня: поезд замедлил ход на остановке, меня услышали и негодяя увел военный патруль.

Но даже и это событие не повлияло на наше бездумное бесстрашие. Может быть, потому, что ни о чем подобном мы не читали в своих книгах.

А с другой стороны, что было бы, если бы мама внушила нам вечный страх оказаться во власти насильника?! Мы жили свободными. И пусть будет:

— Мама послала Зосю сходить в Павловск...

Ну, а может быть, играла роль и отупелость некоторая от фантасмагории бытия как единственное условие сохранения необходимой энергии жизни.

Австрийцы сказали, что придут позже узнать результат Зосиной прогулки. Но после обеда шел дождь, и они приехали на другой день. Зося их *[мальчишек]* не видала. Мама просила их *[немцев]* не делать шуму, и объяснила то, что сказала нам полицейская. Мама еще прибавила, что они могут тогда захотеть отомстить, а для этого бросить спичку, и дом загорится. На это тиролец сказал, поигрывая винтовкой, что он может их и пристрелить.

В это время решилась другая проблема. Мама рассказала управляющей историю прихода панны Юзефы и просила, чтобы управляющая доказала п.Ю., что уход ее обратно в Павловск есть единственный благоприятный выход из ее положения. Управляющая сказала, что в городе людей не прописывают, что можно оставаться только на одну ночь, а в противном случае берется штраф в 500 р. Таким образом, на другой день после обеда панна Юзефа покинула нас. Для нас это было большим облегчением. *[...]*

В нашем дворе жила Муся Боровская *[Боровские Мария Владимировна (1922) и ее мама Вера Михайловна (1897–1980) жили в доме № 3]*. С ней мы часто ходили гулять. Она рассказывала нам сказки, и мы ее любили. Однажды осенью мы пошли в Александровский парк. Мы учились тогда в третьем классе. Я, Зося и Муся шли по дубовой аллее. Была уже поздняя осень. Ветер завывал ужасно, но нам было тепло. На нас были пальто зимние, которые

сшила Ольга Алексеевна, и теплые капоры. Гуляющих не было никого, только впереди какой-то господин вместе с дамой занимался фотографированием. Мы прошли уже мост и приближались к ним. Оба они, мужчина и женщина, смотрели на нас.

Мы уже прошли их, когда, оглянувшись, Зося увидела, что они зовут нас. Мы повернули и пошли назад. Подойдя ближе, дама попросила нас сесть, чтобы муж ее мог бы нас сфотографировать. Меня это крайне забавляло, но мы послушно уселись на скамейку. Дама *[мама говорила, что в эту даму в юности был влюблен наш отец]* села между мной и Зосей. Когда мы были сняты, дама сказала, что пришлет нам фотографии на Рождество. Мы поблагодарили их, или, вернее, Муся, и пошли дальше. Мы уже забыли об этом случае, когда в самый день Рождества приносят нам письмо. Вскрыв его, мама обнаружила две фотографии.

Я помню один день. Это, вероятно, было в июле. День был очень жаркий. Тени в саду нигде не было. В этот день мама сушила белье. Я помню это оттого, что тогда приехала Вера Петровна с Ефремом и Ладой. Их я совершенно не помню, но сам день представляется так, как будто это было вчера. Они потом жили в Оренбурге, и В.П. каждый праздник присылала нам открытки.

С одним из приездов бабушки Дуни у меня связано воспоминание об извозчике *[?]* и тележке. Он с вокзала привез ее вещи. Бабушка Дуня производила впечатление очень живой, веселой старушки. *[...]*

В четвертом классе экзаменов мы не сдавали. Зосю освободили по болезни, а я, сдав один экзамен, была тоже освобождена по карантину. В пятом классе у нас было несколько учителей. По-русски была Антонина Степановна Шлепакова. Когда она заговорила первый раз, мы все были удивлены ее громким голосом. Она ходила обыкновенно в костюме и белой блузке. Прически у нее не было. Она не была красива, но очень обаятельна. Ребята ее все любили и как-то блаженствовали на ее уроке. Урок, хотя бы и самый скучный, был у нее весел и интересен. Ее вообще все обожали. Когда она улыбалась, так всем становилось весело, хорошо. Уроки она рассказывала очень живо, и, когда он кончался, всем становилось грустно. Диктовки она диктовала громко, внятно. Почерк у нее был разборчив и крупен.

Однажды нам был задан довольно трудный урок про глаголы. Там надо было выучить много глаголов. Зося недавно достала "Отверженные" Гюго, зачиталась и не выучила уроков. Она, имея одну отметку, думала, что ее не вызовут. Но случилось наоборот. Ее вызвали, и она ничего не знала. Зося всегда имела хорошие отметки, и потому ей поставили не пл*[охо]*, а посред*[ственно]*. Я

всегда очень волновалась, когда ее вызывали, и потому, когда вызвали меня, голос мой дрожал, я немного перезабыла. Зосю потом спросили еще два раза, и за обои *[так!]* она получила по "5". В ту зиму *[39–40 год]* морозы стояли очень сильные, больше 25 градусов, и ребятам, живущим далеко, позволялось не приходить в школу. Но мы жили близко и потому ходили. Уроки проходили только так, для видимости, и А.С. рассказывала нам биографии писателей или читала. Время проходило очень весело.

На этом "Воспоминания" обрываются.

18/VII *[1942]*. Мы устроены на работу. Вот уже два дня, как за нами приходит немец и берет 30 человек, в числе которых и мы. Работа трудная: надо копать землю или носить доски. В первый же день нас, меня и Зосю, послали к немцам убирать землянки. Мне надо было черпать воду, что было довольно трудно. Надо отдать справедливость: Зося очень хорошенькая. Я часто ловлю себя на том, что с разинутым ртом любуюсь на нее. И немцы всегда смотрели на нее с восхищением. И тогда сначала взяли Зосю, а потом меня. Во время моей работы забежала Зося и сказала, что немец ее очень хороший. Софи была очень мила. Как только она ушла, слезы готовы были течь у меня. Я думала, что, казалось бы, небольшое различие между нами *[я на 20 минут старше сестры]*, а какая большая разница в обращении. Воду ей таскать не надо, она очень мило беседует с немцами в то время, как на меня и не смотрят. Меня спрашивают, где моя сестра. Разве это не несчастье? За обеденным перерывом Зося говорила, что начальник был очень любезен, спрашивал, сколько нам лет, где работал папа и т.д. Он говорит, что где-то видел ее много раз, но где, не знал. Между собой говорили они нам, что нам 17 лет и хорошо бы нас в "кухарочки".

Мой немец сказал мне затопить печку, не оставив ни спичек, ни дров. Зосе же немец их наколол и показал, как зажигается зажигалка.

После обеда мы копали землю, Зося очень устала, у нее болело сердце, и на следующий день она на работу не пошла. На этот раз приходил тот же офицер и взял опять 30 *[человек]*. Сначала я стала копать, но скоро Зосин немец позвал меня убрать его бунку *[бункер!]*. Она была куда изящнее и уютнее той, где я была вчера. Работы было немного, и, убрав все, я стала затоплять печку, но она долго у меня не растоплялась. Немец сам принес дрова и был очень вежлив. Через некоторое время пришел мой старый хозяин, и вместе с новым стали для согревания пить шнабс *[так!]*, угощая

и меня. Я наотрез отказалась, они уговаривали, говоря, что это не водка, а ликер. Так как работа была здесь кончена, старый немец позвал меня к себе. На этот раз он был предупредительнее, сам наколол и принес дров, и помог растопить печку, подбрасывая порох. Он вспыхивал, что было очень красиво. Он *[немец]* сказал мне, чтобы я не выходила наверх, т.к. там холодно. Когда я иногда выходила, он говорил Голубевой, чтобы я смотрела за печками, а не работала наверху. Так прошло дообеденное время.

1943

26/IV/43. Сегодня встала утром в четыре часа. Я вымылась, одела с вечера приготовленное платье. Хотя встали мы рано, но спать совсем не хотелось. Утро было теплое, но небо было покрыто тучами. По дороге *[в церковь]* нам встретились Старостина с другими артистами и своей матерью. Они шли, громко разговаривая и смеясь. Мы решили их обогнать и побежали. По дороге мы всех обгоняли и скоро пришли к церкви. Гатчинская церковь расположена на кладбище — это бывшая часовня. Кладбище менее богатое, чем в Пушкине *[Казанское кладбище]*, но все же очень милое место. Церковь совсем маленькая, но очень уютная, очаровательная и нарядная. Мы старались проникнуть на клирос *[правильнее сказать, на хоры]*, что нам и удалось. Там уже было достаточно народу, и, приди мы немного позже, нам негде было бы стоять. Когда я взбираюсь на клирос, у меня такое чувство, будто я делаю это беззаконно *[мы были девочками католического вероисповедания]*. Священник о. Михаил преподает у нас в школе Закон Божий, он мне очень нравится. Мне вообще всегда нравятся пожилые мужчины, раньше был Игнатий Илович. На священнике было очень красивое облачение из розового муара. Ему, священнику, прислуживает его племянник. Народу было очень много. Хор был стройный, пели очень хорошо. Мне очень понравился момент, когда священник с крестом и тремя свечками, кланяясь, говорит: "Христос Воскресе! Христос Воскресе!" Затем, когда священник стоит перед алтарем, подняв руки кверху. Вообще служба мне очень понравилась, если бы не невыносимая жара, то все было бы прекрасно. На хоре было много артистов. Особенно выделялся голос одной женщины. Певчие все были хорошо одеты. Когда исповедуются, священник покрывает голову исповедуемо-

го, крестит ее и читает молитву. Может, в связи с военным временем, но причастие в православной церкви менее нарядно, чем у католиков. Мне хочется бывать еще в церкви. Служба длилась довольно долго, и по окончании все целовали крест.

Дома было уже все прибрано, когда мы пришли из церкви. Мама, папа, Андрей и Матвей уже сели за стол, не дождавшись нас. На утро у нас был студень из шкурок, купленных осенью, кофе *[желудевый]* с бутербродом с сыром. Молоко было немножко подкисшее, но это не помешало мне выпить три чашки. До обеда занимались чтением. На обед был суп из телячьей головы и ножек, на второе — тушеная картошка и мясо. Всего было очень много и вкусно. Обед был замечателен. Мама подарила нам по пачке конфет. После обеда делать было нечего, и я от скуки занялась рисованием. Но из этого ничего не вышло. После обеда погода испортилась, и пошел дождь с громом и молнией. Это первая гроза в этом году. Гроза была очень сильная. В комнате стало темно, иногда молния на мгновение освещала ее. На ужин сделали жареные кишки и гречневую кашу и еще простоквашу. Андрей переел и потом сильно мучился болью в животе. В конце концов, его вырвало, и он улегся спать.

Вообще день прошел по-праздничному, все было прибрано, чисто. Андрей утром набрал цветов, и они красовались посреди стола.

26/IV/43. *[Эту описку, эту накладку — одна и та же дата двух разновременных событий — можно объяснить таким образом: посмотрев на дату предыдущей записи, сестра машинально вписала ее в начало новой.]* Сегодня в 11 часов пошли мы, все четверо с папой, на католическую службу. Мы немного опоздали, и, когда пришли, служба началась. Она происходила в большой комнате. Впереди помещался алтарь. Над ним висела икона Спасителя, и стояли свечки. Патер представлял собой мужчину лет 40, худощавый, с впалыми глазами и складками около губ. Он мне понравился. Народу было не очень много, и все как-то плохо были одеты. Большинство были старухи и дети. Патер крестил детей, среди которых была девочка лет 13. Эта служба навеяла много воспоминаний о наших поездках в костел, когда мы рано вставали, шли к Марии Александровне, с ними — уже на вокзал. Езда в поезде была очень приятной, только сердце сжималось при мысли, что надо исповедоваться. Потом езда в трамвае, всегдашняя давка и, наконец, тихая улица, по которой идем в костел *[в Ковенском переулке]*. Около самого костела стоял часовой, и мне было очень неловко проходить мимо него. *[Может быть, часовой стоял по-*

тому, что в те давние годы в костеле служил священник из французского консульства.] Костел был очень большой, посередине стояли ряды стульев. Мы никогда не сидели. Лена или Зина всегда вели нас ближе к алтарю. Там всегда было много народу, но нам обыкновенно давали место. Меня очень смущало, что, стоя в церкви, у нас не было ни молитвенника, ни ружанца *[польск. — четки],* а стоять с пустыми руками было неловко. Службу я не понимала *[служба велась на латыни],* да и теперь тоже, так что время тянулось очень долго. Патер мне очень нравился, у него был красивый голос, голова и т.д.

30/IV/43. Я нахожусь в страшно плачевном состоянии. В городе вывешен приказ об осмотре всех лиц с 14–27*[-летнего]* возраста, и все, признанные годными, отправляются на работу. Куда? Неизвестно. Одни говорят — в Псков, другие — в Германию, на лесозаготовки, и в общем никто не знает. Я стараюсь не думать обо всем этом, но, как только вспомнишь, сердце уходит в пятки. Что там будет? Зося говорит, что разлука будет тяжелая, меня же тревожит мысль о еде, спанье, да и обо всем. Мне ничего не хочется делать, даже читать. Сейчас мы все заражены Тютчевым. У него оказалась масса замечательных и очень таких это философских стихов, например, "По дороге во Вщиж", и много других. Зося говорит, что они заменяют ей книги, служат молитвой. Я думаю совершенно сериозно *[так!],* что лучше было бы умереть, чем ехать куда-то, жить где-то, есть — не знаю что. "Жизнь, как подстреленная птица, подняться хочет и не может", — слова, которые звучат неотступно у меня в ушах *[стихотворение "Ницца. Декабрь"].* Не знаю, что со мной было бы, если бы мне сказали, что этот приказ — вздор.

2/V/43. Гроза эта несколько унялась. Теперь говорят, что ученики пока что будут учиться, а работать пойдут летом. Это известие, хотя необъявленное официально, несколько успокоило. Сегодня во дворе Яковлевых папа засадил грядку салата. Огород нам дали где-то за кладбищем. Скоро должны начать копать, хотя нет ни хороших лопат, ни других инструментов. Погода все та же. Завтра идем в школу. Уроки выучены плохо. Мало желания. Самое главное: не сделано черчение за неимением инструментов. Учителем наш пушкинский учитель рисования — Ф.И. Кирсанов.

3/V/43. Ходили в школу. Директор подтвердил хорошие вести. В понедельник должны идти на осмотр. Папе прислали повестку на литературное представление. Там будет В.И. Яковлев *[Яковлев Всеволод Иванович (1884–1950) — первый хранитель Детскосель-*

ских дворцов-музеев. Его жена, Татьяна Ивановна, в Пушкине часто заходила к нам, к маме, попросту и всегда долго о чем-то рассказывала. Это была полная дама, но именно, как писали в романах, "со следами былой красоты"].

14/V/43 г. Вчера случилось великое несчастье. Папу ранило. Он шел по Петербургской улице, и там разорвался снаряд. Вообще вчера очень много летало снарядов. Мы узнали о ранении папы только около трех часов. Приехала какая-то девушка и сказала, что здесь ли живет Тихомиров *[Тихомирова — фамилия мамы]*, спросила, сколько у него детей, где работает и так далее. Наконец, сказала, чтобы мы сообщили маме, что папа ранен. Это было так неожиданно, что я сначала не поняла, что она сказала. Придя в комнату, я рассказала эту весть, Матвей заплакал. Я тотчас же побежала в больницу, по дороге плакала. Там мне сказали, что папа в операционной. Затем я пошла к маме, а с ней опять в больницу. Я видела папу, он спал. Лицо его было страшно бледно, осунулось. Около висков и на лице виднелись маленькие шрамы с булавочную головку. По временам он открывал глаза и, силясь рассмотреть, все моргал ими. Я сидела и смотрела на его лицо, я его страшно любила, мне было его безумно жаль. Он опять на мгновение открывал их, а потом закрывал. Я принесла ему одеяло, белье, воду, сахарный песок. Его мучила сильная жажда, но после выпитой воды его рвало. Мама ходила к немецкому врачу просить его посетить папу, но он сказал, что не может пойти в русскую больницу. Уход за папой был самый отвратительный. Доктор после операции не показывался, сестер тоже не было. Мама осталась ночевать у папы.

Папу тяжело ранило: оторвало правую руку. Он умер от потери крови и непрофессиональной помощи врачей. В маминых бумагах сохранилось письмо ей от Наталии Ивановны Колюбакиной:

Дорогая Юлия Федоровна!

Трудно мне передать Вам то чувство, которое охватило всю мою душу и мое больное сердце при известии о гибели Александа Матвеевича! Очень страдаю, что сейчас не могу быть вместе с Вами, чтобы последний раз взглянуть на него, поклониться ему и проститься с ним.

Вы знаете, чем был для меня все это время Александр Матвеевич, он заходил к нам почти ежедневно, каждый его приход был для меня душевною радостью, любую тему разговора он умел сделать интересной и зна-

чительной, и его приходы и его теплое отношение ко мне скрашивали мое жалкое существование.

Погиб человек такой высокой ценности, как Александр Матвеевич, а я, 75-летний инвалид, лишний груз для других и для себя, продолжаю еще жить!?

Поистине, пути Божии неисповедимы. Дай Вам Бог, Вам и детям, силы стойко перенести это тяжкое горе с тою бодростью, которая во всем отличала дорогого Александра Матвеевича.

Я сохраню навсегда чувство благодарности и глубокого уважения к его памяти и чувство теплой привязанности ко всей Вашей семье, которую полюбила как родных.

Господи, как тяжело думать, что его уже нет!
Ваша всем сердцем
Нат. Колюбакина.
16 мая 1943 г., г. Гатчина.

О Н.Н. Колюбакиной (1868–?) мне сообщила Вера Михайловна Дзевонтовская 2 VIII 1996 г. в Царском Селе. Сама В.М. родилась в 1911 г. в Ц. Селе. "Н.Н. была начальницей женской Мариинской гимназии в Ц. Селе; в 1929 г. директором средней школы № 5 (б. Женское духовное училище). Жила при школе. Казалась очень жесткой, все ее боялись".

23/V. Вот уже неделя, как умер папа. Его похоронили в воскресенье, в 10 часов утра. За ночь он очень изменился. Лицо все распухло, и из большой раны текла кровь. На лбу у него тоже были маленькие ранки и, когда откроешь лицо, *[из них]* тоже выбивает кровь. Но вечером, в пятницу, когда тело его привезли домой и омыли, одели в синий костюм и когда я посмотрела на его лицо, оно было необычайно спокойно, на нем была радостная милая улыбка. Омывала его Галя, Надежда Дементьевна и кто-то еще из соседей. Папа умер в беспамятстве, но до последнего времени был в сознании. Он был очень бледен. Мама всю ночь просидела с ним. Папа говорил, что если бы не мама, он не знал бы, что с ним было бы. Он спрашивал маму, сколько дней он должен пробыть в больнице, и, когда мама ему сказала, что при благоприятных условиях дней десять, он сказал, что это много. Потом он просил маму пойти посмотреть его очки, что он не знает, куда они делись во время этой катавасии. Еще просил купить ему два последних номера "Нового Слова".

"Новое слово" — газета, издававшаяся в Берлине под редакцией В.М. Деспотули. Ее можно было купить в книжном магазине. Эта информация почерпнута из книги В.А. Пирожковой "Потерянное поколение" (СПб.: Нева, 1998. С. 138).

Папа спрашивал у мамы: "Как реагируют дети?". Он был очень слаб, но, когда мама спросила его, не позвать ли священника, он сказал: "Что ты, мать, я чувствую себя совсем хорошо". Ночью он все время просил пить: "Пить, мать! Дай пить, мать!" Мама просила его не пить, что его будет рвать, но он просил, и мама ему давала.

В пятницу я и Андрей отправились на огород. К обеду мы пришли домой. Во время работы, ходьбы я все просила Бога, чтобы папа остался жив. "Господи, дай папе остаться в живых", — повторялось в голове бесчисленное множество раз. Придя домой, мы пообедали и хотели уже в скором времени идти опять на огород. Вдруг раздались быстрые шаги. Я не знала, идет ли это Зося или мама. Вошла Зося с однообразно-красным лицом, со следами слез. Мы все кинулись спрашивать ее: "Ну что?" Дальше было страшно что-либо спрашивать. "Все кончилось", — ответила она. Мы все заплакали. Зося сказала, что нужно достать телегу, и ушла. Мы подождали-подождали ее и пошли в больницу. Мы шли почти бегом. Андрей как-то сразу растерялся и все повторял дрожащим голосом: "Боже мой, что нам делать? Сироты мы теперь, некому и хлеб резать" и т.д. Он говорил так, точно нищий приговаривал. По его грязному лицу протянулись полосы от слез. Подходя к больнице, мы увидели двух подъезжающих велосипедистов. Они вошли в одно и то же время вместе с нами. Это были врачи, которые пришли от Пропаганды осмотреть папу. Но было уже поздно. Папа лежал, завернутый в простыню. Ноги, самые ступни его были оттопырены. Немцы постояли немного и уехали. Папино лицо в больнице я видела мельком, потому что нельзя было открывать его. Мы заплакали. Через некоторое время пришла Зося и привела с собой возницу. Андрей пошел в Пропаганду. Папа ничего не ел из принесенной еды, и ее отвезли домой. Дома бабушка Дуня с верхними старушками приготовила комнату. Хозяйка дала табуреты и доски, их покрыли простыней и на них положили тело. В тот же день, в пятницу вечером, мама ходила на лесопильный завод попросить досок для гроба. Ей разрешили, и в субботу утром она поехала вместе с Галей и Андреем туда. Мама говорила, что папа даже в бессознании молился. Она слышала, как он произносил отрывки молитв. Мама все-таки послала Зосю

поискать священника. Зося пошла к компаньону Шевкуна узнать, где живет патер. Он ей сказал, что патер живет на Берлинской улице в доме № 22. Зося пошла туда, но ей сказали, что священник еще не возвращался с обеда. Она стала ждать. Через некоторое время появляется группа офицеров. Зося спросила: "Есть ли среди них патер?" Один молодой офицер сказал: "Я священник". Немец более старше попросил его не шутить. В это время появился священник и спросил Зосю, что ей нужно. Она ответила ему, что папа "hat gestorben". Немец, знающий по-русски, воскликнул: "Уже, умер!" Софи поняла ошибку и сказала, что еще нет, но просит священника идти скорей. Таким образом, он сотворил миропомазание. Причастить он уже не успел. Папа на его же глазах и умер. Пожав руки Зосе и маме и сказав, чтобы они надеялись, он уехал.

С вечера в пятницу мы набрали ветрениц и нарезали веток черемухи. Гроб сделал Ершов, и ему очень помогала Галя. Гроб принесли рано утром в воскресенье. Обит он был коричневой материей, и я дала черную ленту на крест. Матвей все боялся придти к папе, даже плакал, но потом все-таки пошел. Вечером мама читала у папы по бабушкиной ксенджке молитвы и очень плакала. В субботу приходил папин знакомый из Пропаганды и Цвелев. Потом пришла Софья Николаевна *[врач из городской больницы]*. Она привела несколько примеров из жизни, и это несколько нас утешило. Ее рассуждение о кресте мне понравилось своей правдивостью и очень глубоким смыслом.

В субботу мама ходила к священнику и просила его сделать отпевание. Он согласился, но попросил, чтобы Зося зашла за ним к часам 10. Зося и пошла к нему к этому часу. В это время к нам стали собираться люди. Пришла Козловская с несколькими другими старушками и стали читать молитвы. Потом пришли Чернобаев *[Чернобаев Виктор Михайлович — "профессор литературы в 5-й школе в 20-е годы в Детском Селе", — сообщено В.М. Дзевиантовской. Папа говорил, что ему больше подходила бы фамилия Краснобаев]*, Тюркин, Лина Николаевна, Леля, Чеботарева и др. В это время все перешли в большую комнату из кухни. Там тоже пели псалмы. Около 11 часов приехал патер. Сначала вошла Зося, а потом священник. Он был в мундире и служил в фуражке и перчатках. Молебен продолжался недолго, но пение его было прекрасно. Он служил с чувством, хотел, казалось, чтоб его поняли. Потом он сказал, что поедет на кладбище, а тело повезут сейчас же. Телега уже приехала, тело перенесли быстро, мы положили цветы и ветки на гроб и двинулись. Лицо было закрыто, мы не хотели, чтобы его видели. Андрей нес впереди черный крест с распятием, который дал маме в субботу патер. Утро было не холод-

ное, но обложенное серыми тучами небо не пропускало солнечных лучей. Телега ехала довольно медленно. Три дня назад мы шли по этой же дороге на огород. Папа, да и никто из нас не думал о таком скором, ужасном конце. Когда мы уже подъезжали к кладбищу, увидели священника с книжечкой в руке, шедшего навстречу нам. Начиная от изгороди, он шел все время впереди Андрея.

Там же, на кладбище, ждали гроб представители от Пропаганды с венком из еловых веток и красной ленты. Могила была вырыта, и около нее поставили гроб. Священник стал читать и молиться по книжечке. Он был опять в фуражке. Было грустно, тяжело, как-то не хотелось думать о действительности. Священник бросил два раза землю в могилу, поданную ему на лопате помощником. Затем стали зарывать гроб могильщики. Священник кончил отпевание и встал поодаль. Жена Вишневского подошла к нам, сказав, чтобы мы подошли к патеру и поблагодарили его и поцеловали бы ему руку. Но, пока мы решали подойти к нему, он уехал.

Домой мы шли очень медленно. Бабушка Дуня не провожала папу на кладбище, и потому, оставшись дома, она приготовила обед. Галя, Мария Макаровна и Надежда Деменьтьевна обедали с нами. Клюквенный кисель с молоком был очень вкусен. После обеда я с Зосей пошли отнести крест патеру. Но его не было дома. Вернувшись, мы в скором времени пошли на огород, а оттуда зашли на кладбище. Зося ушла раньше нас, с тем чтобы опять пойти к патеру. Грабли и лопаты мы оставили у о. Михаила. Уже подходя к дому, мы встретили Зосю, шедшую нам навстречу. Она застала патера дома. Зося говорит, что у него в комнате очень хорошо убрано, как у нас в Пушкине, мягкая мебель, картины. Зося поблагодарила его за присутствие на кладбище, поцеловав ему руку. Он много раз желал нам лучшего и на прощанье подарил Зосе открытку, выбранную ею.

27/V. 23 мая ходили к исповеди. Целое утро все собирались и одевались. Пошли туда около 10 часов. Утро было довольно свежее, но потом разогрелись. Служба проходила в доме компаньона наверху. Мы пришли еще рано. Священник вышел навстречу. На нем был плащ от дождя. Служба еще не начиналась, а только пел хор. Патер говорил проповедь о душах умерших на небе, о блаженстве праведных людей. Он отслужил еще заупокойную обедню. Мы причащались, и Матвей также, по желанию патера, хотя и не был подготовлен. Он причащался отдельно. По окончании обедни старший прислужник, вероятно, тоже священник, раздал детям маленькие ружанцы и медалики. Служба мне очень понравилась, и я страшно жалею, что она бывает так редко. Следующая

будет 27 июня, и надо дожить до этого дня. Когда мы шли утром по парку, то там повалило ветром елку, и мы думали, что, возвратясь домой, сходили бы за ее ветками. Но ее убрали, и мама попросила патруль позволить нам потаскать веток. Он позволил, и мы после обеда занялись сим почтенным делом.

Вчера Андрей достал на бойне готового фарша, и вечером у нас были котлеты. В школе более-менее все в порядке. Отец Михаил сегодня подарил нам три католических изображения святых. У него странные какие-то выпуклые глаза. Кажется, что они не видят. Сегодня я пошла в школу в синей юбке и белой блузке и, наверное, имела странно-приличный вид. Вчерашней ночью случился у нас довольно сильный переполох. Теперь вообще много стреляют. А той ночью снаряд попал в склад маленьких пулек, и они взрывались, но самое главное, что это недалеко от нас, и мы имели опасение, что может загореться наш дом. Я всегда, когда слышу ночью стрельбу, то, просыпаясь, прошу Бога, чтоб снаряд или бомба не попали в наш дом и мы бы не были убиты. После этого я засыпала. Когда же я проснулась в эту ночь, то, услышав страшный грохот, подумала, что это едет обоз, и заснула. Я проснулась, разбуженная мамой, которая говорила, что надо вставать. Я встала и посмотрела в окно. Вправо от нашего дома все небо над парком было розовое. Тысячи маленьких звездочек летело на небо, и все это по лазурному небу. Береза ярко выделялась на всех этих красках. Некоторое время мы бодрствовали. Я уложила постельное белье, чтобы легче было выносить в случае пожара. Но вскоре пожар утих, и мы улеглись спать. Мама на следующий день на работу не ходила. Всю ту неделю мы ходили на огород, и нас все время сопровождала Галя. Картошку мы всю засадили и гряды привели в порядок. После огорода мы заходим на кладбище к папе прочесть молитвы, а оттуда к отцу Михаилу отнести лопаты. Он с нами приветлив, и однажды мы, придя к нему с лопатами, застали его сидящим на скамеечке около дома в фиолетового цвета рясе и читающим газету. Он очень напоминал папу в таком виде. Сам он тоже проводит часто время на огороде, садя картошку.

30/V. Сегодня день моих и маминых именин. Но я почти целый день была занята. Сначала самовар, потом мытье посуды, уборка комнаты, затем я убрала свои башмаки, которые принесла мама из починки. Только около двенадцати смогла переодеться. Андрей ходил на бойню, но ничего не достал. Мама, как и всегда, сегодня работала. Сегодня сделали бисквит из яиц, полученных в пайке, и печенье на молоке и двух яйцах. Все было приятно нашему отвыкшему от таких вещей вкусу. К чаю пригласили Галю.

После обеда мы устроили "сиесту" — отдыхали около часа. Потом проектировалось пойти к патрулю попросить сучков. Но патруль не позволил, и мы на поляне стали играть в штандар. Через некоторое время патруль сменился, и мама попросила нового. Он позволил, и мы натаскали домой некоторое количество зеленых веток. Сейчас мама пошла заказывать Матвею сапоги. Скоро пойдем на кладбище. Погода с утра была ветреная и холодная, сейчас разгулялась, и луч солнца даже жжет мне щеку. Ту неделю мы получали немецкий паек от Пропаганды. Теперь, вероятно, не будем. Также давали там суп, но тоже неизвестно, что будет теперь. Андрей иногда там менял лук на хлеб. Сейчас мы питаемся картофельными супами, которые нам кажутся райскими. У Стеклянникова мы не обедаем, а берем из дома по кусочку хлеба. Читаю я теперь очень мало. Недавно прочла "Мемуары Потоцкой", мне очень понравились. Зося увлекается немецким языком. Она достала хрестоматию на немецком языке и читает из нее стихи. Иногда и я занимаюсь им. Сейчас отужинали. Бабушка Дуня говорила, что сегодня очень выл чайник — дурная примета. За столом у нее просыпалась соль — тоже плохо. И посему мной овладели весьма неприятные настроения. Как-то опять теряется надежда на лучший конец, усиливается беспокойство о завтрашнем дне. Боже! Не оставь нас своим милосердием! Эти слова служат мне молитвою. Жизнь такова, что не знаешь не только, будешь ли жив завтра, но через час иль два. Иногда это неприятное беспокойное чувство как-то дремлет, о нем забываешь немного, но когда оно проявляет свои признаки жизни, тогда ужасно! Хочется думать о другом, фантазировать, но оно все время выглядывает, его все время видишь и не знаешь, что делать.

2/VI. Скоро мы кончаем ученье. Теперь, последнюю неделю, все надо будет писать контрольные.

3/VI. Вчера Чернова сказала, что к ним приехал Всеволод Викторович. Мы очень этому обрадовались. После уроков Зося пошла к ним, чтобы привести к нам В.В., но его не было дома. Вечером все пошли на огород, у меня же болела нога. Я занималась плитой, когда кто-то постучал в дверь. Я отворила и изумилась: передо мной стояла фигура В.В., но уже осунувшегося и постарелого. Но усы его по-прежнему были представительны, и фигура вся величава. Но я не растерялась и весьма смело стала с ним разговаривать. Он уже знал о постигшем нас несчастье и все повторял: "Как нелепо погиб А.М.!" Живет он в деревне, ничего, говорит, что сыт. Дровами обеспечен. Он говорил, что все его в деревне полюбили, и, говоря это, он потупляет взор и улыбается...

Совсем как юноша. После ужина мы его проводили. В следующий раз он пришел к нам в пятницу вечером. Но вскоре мы пошли на огород, и его речами наслаждалась только бабушка Дуня. После ужина он развивал перспективу дальнейших действий немцев и русских. По его мнению, война будет еще длиться порядочно. Мама подарила ему китель и еще кой-какие вещи.

5/VI. Сегодня были экзамены по немецкому языку. Все крайне просто, то, что мы писали в четвертом классе. Вчера была история и химия. История была очень веселым уроком, потому что ребята несли всякую чушь, например: Мюлляринен назвала страну Торландию, Грибалев — народ "налетел" на гугенотов, католическая церковь — "капиталистическая". Раньше еще Кильпи сказала, что во Франции "упадок процветания" и т.д. У меня на правой ноге натерлась пятка и получился пузырь, из-за которого я должна ходить босиком, что крайне мне неудобно. Андрей достает с бойни копыта и продает их, но сегодня его забрали в полицию из-за того, что они у него испорченные. Насколько это верно, не знаю. Но потом его выпустили. Матвей страшно ленится, не хочет убирать комнат, чистить картошку. Но вчера мы ему пригрозили поркой, и сегодня он все убрал и сделал. Он мальчик ничего, но, находясь среди всех этих дворовых ребят, он портится. Мама думает его отдать учительнице и попросить о. Михаила хоть раз в неделю с ним заниматься. Если бы это удалось, то было бы просто прекрасно. Матвей хорошо читает, но совсем не умеет писать.

7/VI. Позавчера сажали и поливали рассаду капусты. Гряды очень заросли, и мы каждый день ходим полоть. Работа очень трудоемкая. Вчера после обеда занимались ноской сучков. Теперь во всей своей широте стал вопрос о работе. Работы такие, что не знаешь, откуда выбирать. Все огороды очень далеко. Сегодня на большой переменке мы с Зосей и Галей пошли к Цвелеву в комендатуру спросить о комендантских огородах где-то в городе. Результатом этой просьбы явилось наше хождение к одному из главных немцев Хауфману *[думаю, что это не фамилия, а название должности: Hauptmann — капитан]*, который выслушал нашу просьбу через посредничество Марии Николаевны. Она сказала, что у нас умер папа, что нас четверо детей, что мы далеко живем. Он сказал, что постарается нас устроить на том огороде, а может, и подыщет что-нибудь другое. На Закон Божий мы опоздали, но о. Михаил любезно позволил нам войти. В конце урока я сказала ему, что у нас еще нет отметок. Отец Михаил же возразил, что от души поставит нам по пятерке и что мы будем ему резервом для более трудных вопросов. Меня сегодня спросил по зоологии, по-

ставил букву "Е". Мы все очень боимся алгебры, потому что он задает очень трудные примеры. В четвертом и шестом классах он наставил около 11 двоек.

11/VI/43. Я решила заниматься немецким языком, хотя Зося не дает мне ни книги, ни словаря. Надо все это доставать. Зося, наверное, порядочно уже читает. Андрей очень огорчает маму своими грубыми словами и показываньем кулаков. Сегодня она даже заплакала на огороде. Андрей — такой свинья, такой грубиян, что представить себе невозможно. Доктор сказал, что у мамы очень слабое сердце, а она целые вечера проводит на огороде, очень мало спит и плохо ест в течение дня. Не знаю прямо, что делать со всем этим. На огороде всходит картошка, но она вся заросла, и ее очень клюют птицы. Чтобы этого хоть сколько-нибудь избежать, надо ее полоть и немного окучивать. Работа очень медленная. Мама очень устает. На экзамене по алгебре получила двойку, хотя и понимаю ее. В четверти, наверное, будет тройка. Недавно на урок черчения пришли комендант, Хаупман (не знаю, как писать) и М.Н. в качестве переводчицы. Они говорили что-то про нас, М.Н. говорила им, что Зося на 20 минут старше меня. Комендант смотрел мою тетрадь, в которой все были одни пятерки. Уходя, они весьма милостиво улыбались. О. Михаил нашел адрес той учительницы, к которой хотят отдать Матвея. Он очень часто употребляет выражение "елки-палки". Какая гадость! Недавно был большой скандал. Бабушка Дуня, подогревая щи из Пропаганды, недосмотрела, и они у нее здорово подгорели, что черные пластинки плавали. Мы спросили, что, наверное, она была наверху и недосмотрела. Тут-то и началось! Зося говорила потом, что можно было опасаться, чтоб она не стала драться. Но обошлось без этого, но зато какой красноречивый поток слов, самых сильных и самых ужасных! Доселе никогда не приходилось слышать ничего подобного!

Маме пришла в голову мысль снести патеру букет сирени, но ее сейчас нет, нет хорошей. Может, завтра на рынке купим. Сейчас пойду поливать огурцы в Галин сад. Сегодня мы положительно выкрали из школьной библиотеки три французских учебника. По вечерам мы занимаемся по-французски.

13/VI. Вчера вечером Зося отнесла букет шиповника патеру, но его не было дома. Вчера мы все убрали в комнатах, вымыли дверь и пол, окна, причем Зося рассадила себе руку. Вечером же мы узнали, что в воскресенье будет служба. Утром, как и в предыдущий раз, все приводили свой туалет в порядок. Я с Зосей были в белых кофточках и юбках, Андрей в белом френче. Мы должны

были сегодня исповедоваться и утром ничего не ели. Накануне Андрей купил на 60 рублей ландышей, которые мы взяли с собой в церковь. По дороге мама должна была зайти к доктору за рецептами. Она пробыла у него довольно долго, как нам показалось, и Андрей с Матвеем успели поссориться. Мы пришли до приезда патера. В комнате было очень жарко и, сразу же, как пришли, пот полил ручьями. На алтаре и вокруг было много цветов, туда же поставили и наши. Патер сегодня был без молодого прислужника. Он говорил проповедь о Святом Духе, очень красиво и сильно, приятным произношением. Потом, после исповеди, он говорил что-то о священнике, знающем польский язык, и о количестве служб в месяце, но мы этого хорошо не поняли. Следующая служба будет 20 июня, в день молебна в школе. После ухода патера прислужник его патер Роберт раздавал образки, мне удалось достать их несколько. Вишневская подарила маме русскую буханку хлеба. Патер изъявил желание иметь цветы, стоящие на алтаре, и потому после окончания службы я с Зосей и несколько других полек пошли к патеру отнести цветы. Он был очень доволен ими, тем более что там были лилии, желтый шиповник, сирень. Польки вскоре удалились. Зося стала разговаривать со священником. Он был только в рубашке, но при нашем входе одел френч. Он спросил про маму. Зося сказала, что она плохо себя чувствует, имея плохое сердце, а работать она должна, потому что мы имеем большой огород и т.д. Среди этих немцев один был, вероятно, доктор. Они говорили между собой, что он должен был бы посмотреть маму или что-то в этом роде. Патер все время улыбался и был, видимо, доволен цветами.

Небо не предвещает солнечной погоды, а дождь не идет, хотя это очень желательно. Скоро пойдем на огород.

14/VI. Целый день шел дождь, и потому утром мы не ходили на огород. С утра я начала стирать белье и кончила только к двум часам. Наволочки вышли неплохо. Маму отпустили в 12 часов, и после обеда она с Зосей ходили рассаживать свеклу. За ужином была Галя. Сейчас посылали Матвея послом к маме о разрешении взять по конфетке. Разрешение получено, и я уже выпила кофе, или, вернее, коричневую бурду, так как этот кофе доливается несколько раз. Мама получила бюллетень, и завтра не идет на работу. Матвею учительница найдена по рекомендации о. Михаила. Маме она очень, очень понравилась. Завтра он пойдет познакомиться с нею. У Гали на огороде какой-то слизень ест огурцы и начал уже есть наши. У мамы на работе нам с Зосей сшили тряпчатые туфли. У Зоси они очень милые и приличные, у меня какие-то рыже-буро-малинового цвета. Я думаю найти какой-нибудь

материал и попросить сшить новые. Бабушка Дуня по-прежнему обшивает себя. Теперь она шьет передник. Я пишу, и что-то приятно действует на меня, что-то светлое кажется впереди. И это светлое — образки, которые я и мы все получили на богослужении. Я о них как-то все время думаю, может быть, не совсем ясно, но ощущаю их. *[Среди тех образков, которые дал нам патер Роберт, был один, видимо, дорогой для него, отпечатанный на память о его посвящении в сан священника в соборе города Трира (Trier) — 6 августа 1938 года и его имя и фамилия "P. Robert Anton Arnrich".]* Раньше, до войны, я не особенно любила ездить в костел, чего-то смущалась, было неловко. Но в костеле это чувство проходило. Теперь я жду с нетерпением того дня, когда будет месса. И, когда уже служба окончена, становится грустно, что все прошло так быстро. Такое же чувство у меня бывает, когда прощаешься со знакомыми.

16/VI/43. Сегодня с утра пошли на огород. В 11 часов Матвей принес нам картошки. Перед самым уходом пошел ливень, с градом, крупные горошины. Мы все отчаянно вымокли. После обеда легли спать и проспали до шести часов. Встав, пошли опять на огород. На бойне была большая облава, но Андрей ее миновал. Он принес два кг жира и сегодня пошел продавать. Мы все очень беспокоились, не забрали ли его там.

20/VI. Сейчас пришли из церкви. Богослужение справлял новый священник, говорящий по-польски. Нам он страшно не понравился. Насколько предыдущий говорил проповеди с чувством, убеждая, всем своим существом веруя в свои слова, настолько этот говорил даже спокойно, и тема его проповеди заключалась в том, что скоро откроются костелы, в которых будут играть органы, все люди будут посещать церкви и т.д. Потом он поет не как капеллан. Тот пел нежно, трогательно, одно его пение заставляло молиться, веровать сильно; теперешний патер поет скоро и говорит не громко, а вполголоса. Этот одет более по-праздничному, во всем белом, но у него почему-то нет выбритого места на затылке. Капеллан был более старее, с проседью в волосах и с плешью (мне нравятся мужчины с такою же плешью, как у папы), а этот еще молодой, с черными волосами. Но народу больше нравится теперешний священник.

23/VI. Вчера праздновалось двухлетнее освобождение от большевизма. С утра был большой молебен во всех трех церквах и с крестным ходом от кладбища до собора. Потом в час было торжественное заседание, на которое и мы были приглашены от

Пропаганды, и в три часа был парад. Затем в различные времена киносеансы. Чтобы пойти на заседание, мы должны были очень рано пойти на огород, придти домой в 11 часов и потом пойти на огород после него. Придя в половине двенадцатого, мы оделись, вымылись, пообедали и пошли. Маме очень не хотелось идти, потому что Андрей и Матвей больны. У них была высокая температура, головная боль и тошнота. Матвею сегодня лучше. Оказалось, что мы опоздали, и нам пришлось подпирать стенку в партере. Заседание длилось очень недолго, наверное, полчаса. Пел хор народные русские песни. Ораторами были комендант, который говорил то же, что и 22 *[22-го]* из Пропаганды на концерте, т.е. что война ведется не против русского народа, а против большевизма, что русская молодежь (так говорил переводчик) имеет прекрасный случай вступиться за родину и т.д. Какой-то толстый немец читал новую земельную установку, т.е. что земля передается в частную собственность. Переводчик последнего очень забавно выговаривал слова. Третьим оратором был городской голова. Повторилась старая история, ругались большевики и евреи, результатом чего служило предложение вступать в добровольнические отряды. Во время всех этих докладов из народа подавались реплики: "Правильно! Верно!" А на выступлении головы какой-то "господин" с галерки сказал, что он предлагает записываться всем мужчинам до 50 лет. Если бы знали, что будет именно это, так лучше бы легли спать и не ходили. Мама с Соф*[ьей]* Ник*[олаевной]* и Ан*[ной]* Гр*[игорьевной]* пошли домой смотреть Андрея, а мы с Зосей к Нат*[аше]* Цв*[елевой]* за выкупленным хлебом. Дома был чай с вином, сахаром и сухарями. Давно мы не пили такого чая, а, главное, от него веяло Пушкиным. У Андрея не могли определить никакой болезни, и мама сегодня утром отвезла его на лошади Лукина в больницу к Соф. Ник. Позавчера мы пошли на огород вечером. Вдруг приходит Матвей и говорит, что принесли три билета на концерт. Мы решили пойти. Публика там все была более-менее приличная. Пел Печковский *[знаменитый довоенный тенор]* и Миловская. Печковский, хотя я слышала его впервые, мне не понравился. Миловская пела замечательно.

27/VI. Мама работает сегодня и потому не могла с нами идти в церковь. Андрей пришел сегодня утром из больницы и тоже не смог пойти. Пошли мы с Зосей. Ксендз исповедовал. В комнате было сделано три алтаря, которые представляли собой стол с иконой и цветами. Людей сегодня было меньше, и потому менее жарко. Патер сегодня нам более понравился, может быть, потому, что образ того патера стал менее ясным и голос его звучал в душе не так отчетливо. После проповеди он сказал, что по недостаточ-

ному знанию языка он не может говорить так, как ему бы этого хотелось, и должен только обращать внимание на внешнюю обстановку праздника. Сегодня было нечто вроде крестного хода, при котором обходили все алтари. Мы с Зосей переносили свечи, неся их перед патером. Но цветов не подсыпали. Козловская сказала потом, что желательно, чтобы пели все присутствующие, и священник тоже пожелал этого. После службы мы пошли за обедом. Дали гороховый суп, одна вода. После обеда пошли на огород. Небо — непрерывные тучи, и, поработав немного, мы были застигнуты ливнем, который промочил нас до мозга костей. Мы пошли домой, но мама там еще осталась "выполнять долг", но наработала мало, потому что лил непрерывный дождь. Мотыги мы отнесли о. Михаилу, который, как и матушка, всегда любезен с нами и приветлив. Часто мы застаем его в домашней рясе, сидящим на скамейке и читающим книгу. У матушки очень добрые и лучистые глаза. Вчера вечером Зося снесла букет жасмина патеру, но опять не застала его дома. На столе у него с немецкой аккуратностью были разложены воротнички и манжеты, а также лежали рисунки, изображающие некоторые виды парка. Цветы она положила на стул и, уже спускаясь по лестнице, услышала шаги. Кто-то стоял наверху, но она не оглянулась. В церкви сегодня присутствовал молодой прислужник. Хотя этот священник не так уж мне не нравится, но я продолжаю просить Бога, чтобы был старый патер. Огород, кажется, приобретает несколько христианский вид. Но все-таки у нас получается по пословице: "Хвост вытянешь — голова увязнет!" Теперь свекла так заросла, что ее надо немедленно полоть. Самое печальное, что капусту и особенно огурцы очень едят червяки. Из-за того, что приходится много работать, мы все недосыпаем и потому очень страдаем, особенно мама. Читать немецкий совершенно нет времени, а французский читаю прямо-таки в полусонном состоянии. Матвей страшно ленится что-либо делать, и потому каждый день скандалы. Зося попрежнему с азартом читает нем*[ецкий]* яз*[ык]*, хотя бывает очень усталой. Часто идут дожди, и почти каждый день бывают радуги. К маме на работу пришли девочки из нашей школы и очень устают, так как приходится все время сидеть. 20 июня был заключительный акт. Там директор делал доклад об успехах наших и потом был молебен. Среди певчих были из Пропаганды артисты, но о. Михаил и о. Федор (Пушкинский) были очень уставшими. Немец, забавный переводчик, раздавал всем хорошим ученикам книги. Зосе — "Казаки" Толстого, а мне "Смерть, чека, студенты" — какая-то галиматья. У меня на экзамене по алгебре два. Первой ученицей была Зося, второй — я, четвертой — Трушкова, которая

работает у мамы на работе. Удастся ли когда еще учиться — не знаю. Но хорошая церковь может несколько заменить школу и, если бы со старым священником, то вполне. Тетрадь заканчивается. Безумно хочу спать, а еще надо читать франсе. Я очень мало читаю книг, только сегодня и вчера читала М. Волконского.

До свидания, с новой тетрадкой.

4/VII/43 г. Уже неделя, как мы работаем. Уходим к семи часам и собираемся во дворе комендатуры. Там нам дают по куску хлеба. Затем идем работать. Первое время работали на огороде при самой комендатуре: пололи салат, свеклу. Потом нашей резиденцией стал огород на Майнцерштрассе. Обыкновенно мы берем с собой чего-нибудь поесть часов в 11.00, чаще картофельных лепешек. К двенадцати часам шли на обед в столовую. Там нам дают гороховый суп. Однажды мне дали суп без единой горошины. Перерыв длится 1,5 часа, и оставшееся время мы проводим в библиотеке. Теперь я стала больше читать. Пока нам ухитрялось читать на огороде, когда там никого нет. Особенно во время дождя, который шел эти дни не переставая.

5/VII. Мама заболела. У нее страшнейший грипп с высокой температурой.

9/VII. У меня очень болит нога. Я порезала ее стеклом, и она стала уже заживать, но вчера я побежала, и ранка снова открылась. Теперь нарывает, и больно ступать. Сегодня работали в саду у комендатуры. Все время ходят офицеры, и невозможно посидеть. Пололи клубнику. Теперь с нами работает одна девушка 18-ти лет, Лида. Она нам нравится. Сегодня мы развлекались рассматриванием эстонских артистов. Для нас они одеты совершенно по-заграничному, и у всех прически с взбитым передом. Мужчины в низких шляпах. Сегодня было необычное явление: к утреннему хлебу дали сыр. Но оказалось, что он испорчен, с зелеными краями. Зося показала сыр Мюллеру, сказав, что ведь мы не животные, а люди. С раннего утра разгружали прицеп с дровами. Но потом пришел немец, который разрешил нам работать до трех часов, и сказал, чтобы мы шли делать легкую работу. Он немного говорит по-русски и некоторые слова произносит очень чисто. Вчера мы работали за Мариенбургом *[предместье Гатчины]*, обчищали картошку от земли, после окучивания *[плугом]*. Работа нетрудная. Туда мы ехали на лошади, и нас немилосердно трясло. Это было в четверг, и много чухон *[так!]* спешило на рынок на своих двуколках. В Мариенбурге мы увидели несколько домиков очень милой архитектуры, в глубине густого зеленого сада, совсем, как в

книжках. С нами ехал мальчик Лева, очень похожий на Андрея. Все время смеется. Очень милый мальчуган. Работали мы немного. Недалеко от поля находятся кустарники, в которых растут великолепные колокольчики. Мы их набрали домой. Потом я находила довольно много земляники, сначала мелкой, полевой, ее я ела сама, а потом крупную, которую принесла домой. Все напоминает речку Александровку *[куда мы ходили гулять с папой до войны]*. Вернулась я к работе в половине 12-го. Зося с Левой уже ушли: Лева за обедом для нас, а Зося должна была пойти к бабушке Дуне и отнести лук к маме на работу и в Пропаганду. Мы остались с Лидой и с дядей Колей. Мы работаем и вдруг видим: останавливается легковая машина. Из нее вылезает "шпиц" *[от нем. Spieß — фельдфебель]* и еще два немца. Они осмотрели поле и спросили нас, "хорошо ли работать". Одна тетка пошла просить "шпица" позволить ей косить траву для козы. Тетка эта объяснялась по-русски, и они недостаточно понимали друг друга. Тогда немец позвал меня: "Маленькая!". Я с грехом пополам объяснила, чего она хочет. Вскоре после обеда я пошла домой — это по крайней мере версты четыре. По дороге я вся вымокла — шел сильный дождь. Зося сменяла на лук две буханки белого хлеба и килограмм муки. Я поела и легла спать до шести часов. А там все вместе пошли в церковь. Пришли рано, и народу было немного. Мы боялись, что ксендз может не придти из-за дождя, но он пришел. За службой он мало произносил громко слов, все больше шепотом. Перед отходом *[уходом?]* Зося, Андрей и Матвей поцеловали у него руку, я же как-то не успела. В прошлое богослужение святили *[освящали]* цветы и благословляли детей.

В среду, 7/VII, Андрей устроился работать на бойне. Они ходили вместе с мамой просить инспектора о зачислении Андрея на бойню. Путем долгих метаний на биржу и обратно удалось все оформить. Одному унтеру Андрей дал серебряный подстаканник, а другому — серебряный рубль. Шефу хотели преподнести букет хороших цветов, но мама ходила сегодня в оранжерею, и ей их сегодня не продали. Эти два дня он принес колбасы, полбуханки хлеба и костей. Все это было бы прекрасно, если бы Андрей не "зазнавался". Он считает, что, принеся чего-нибудь домой, его миссия окончена. Ни сходить куда-нибудь, ни попросить его нельзя: "Он целый день на нас работает, как вол! А мы?!" Меня это бесит. Вот надо идти на огород, а Зося говорит, что должна сначала читать немецкий язык. Дело на огороде, вероятно, никогда не иссякнет. Одно растет, другое подрастает.

В прошлую субботу в поселок *[Приоратский, в котором мы жили]* приходил патер в очках *[патер Роберт]* за цветами. У нас

было пять букетов полевых цветов для продажи, и мы предлагали Зосе их отнести ему. Но, не зная еще причины его прихода, Зося не решилась. Когда Андрей сказал, что было причиной его прихода, Софьюшка захотела сходить к патеру отнести цветы. У него Зося застала целое общество офицеров. На столе стояла шахматная доска. Патер был благодарен цветам и, вынув открытки, сказал Зосе выбрать одну для меня. Потом он обещал приехать в ближайшие дни, но прошла неделя, он не приехал.

11/VII. В церковь пошли к половине 11-го. Зося пошла отнести кости и салат С.Н. и Ан.Гр. *[врачи в больнице]*. Мы с Матвеем, как всегда, торопились, а пришли до начала, но патер сегодня приехал поздно, и служба была без проповеди и такая же немая. Матвей и Ольшевский прислуживали. Зосю я не видела, она стояла при выходе. Оказывается, она купила на обратном пути букет васильков и пошла отнести их патеру. Он был дома. Зося поражается чистотой его комнат. Отдав ему цветы, она уже собралась идти, но он появился в дверях с маленьким свертком и хотел ей его отдать. Но Зося должна была спешить в церковь и сказала, что не имеет времени *[калька с немецкого!]*. Патер попросил ее зайти после. Он опять предлагал ей его *[сверток]*, но мадемуазель сказала, что цветы — это подарок, и ничего за них она взять не может. У Андрея флюс. Нету сучков, и надо идти их таскать. Надо еще идти на огород. Много дела.

Сучков натаскали. Вечером пришла Лин. Ник. и принесла мне одежду: рубашку, трусы, чулки и нижнюю юбку.

15/VII. Вчера было нечто вроде "парти де плезир". Приходим мы на работу, и Кустов говорит, что сегодня хотят послать "zwei Frau" *[нем. — двух женщин]* за ягодами. Мне очень захотелось пойти. Но вскоре толстяк нас и назначил. Он зовет нас "маленькими". Мы сели в машину, взяли с собой сумку с завтраком (хлеб с колбасой) и котелками. С нами еще ехала девушка с кухни. Она взяла хлеб и бутылку кофе да еще огромное ведро для ягод. Итак, началось наше путешествие. Нас очень трясло, но все-таки это нечто новое. По дороге посадили какого-то немца. Мы разговаривали с одним дяденькой, который был в лагере и, кажется, знал дядю Юру *[дядю]*, Шуру и *[дядю]* Павлушу. *[Двоюродные братья папы: Оболикшто Юлиан Клеофасович (1911–1974), белобилетник по зрению, Александр Клеофасович (1904–1942) — погиб в лагере в Рождествено; муж двоюродной сестры отца Павел Антонович Иванов (1901–1942).]* Мы ехали по той же дороге, что и зимой ходили в Войсковицы. Приехали мы в 10 часов и сразу же пошли за ягодами. Спрашивали у тамошних маль-

чиков, где их больше. Вскоре, несмотря на ауканье, мы растерялись. Я напала на хорошее место и стала с остервенением их *[ягоды]* собирать. Ела я мало сначала: очень удручало огромное ведро. Я послала Зосю сходить к машине, узнать, не приходила ли Юля. Но ни ее, ни Зоси я не видела потом. К часам 11 я пошла за завтраком и тогда встретилась с ними, и больше мы не терялись. В общей сложности, наверное, мы набрали по два котелка да по несколько грибов для себя. Иногда спина, точно после окучивания, не сгибалась, и, самое главное, болела голова. Но пейзажи, полянки и группы деревьев были подчас очаровательны. Все время сияло солнце, и на небе были мои любимые кучевые облака. Но воздух не был свеж, так как попадаются болотистые места, их испарения и запах цветов, особенно сильный белых болотных, делают его душным, густым. Время от времени мы ложились на спину, и я уже стала есть много ягод, так что под конец мне совсем их не хотелось. К двум часам должны были привезти обед, и мы пошли обратно. По дороге нам встретилось несколько немцев, разыскивающих убежавших русских солдат. Обед еще не привезли, и мы сели отдохнуть. Вскоре пришел шофер, и через некоторое время русский работник с баландой, Ганс, повар, с котелками супа для немцев и двух девушек и один дал нам. Но мне совсем не хотелось есть, и, кроме того, было неудобно чужих людей. Зося пошла спать, а меня немец заставил съесть суп, а не баланду. Но баланда, действительно, имеет весьма отталкивающий вид: черная, с кусочками хлеба. Для брезгливого человека особенно. Он дал нам еще пачку конфет, и мы сегодня утром пили с ними чай. Сами немцы запихивали бутерброды из белоснежного хлеба с сыром. Выехали мы в половине пятого. Но теперь тряска была куда сильнее, так как машина была с грузом. На небе появилась полная радуга, и где-то шел дождь. Пыль сделала нас серыми. На щеках, точно у персиков *[И где это сестрица к 43-му году успела повидать живые персики?! Просто такая начитанная!]*, ресницы сделались большими и пухлыми. Мы едем, нас немилосердно трясет. И вдруг! пыли нет, и кругом лужи. Оказывается, здесь шел дождь, а у нас нет. Дорога сделалась блестящей, и воздух бодрый. Мы ехали очень быстро. Вот Парицы, Колпаны, Киевская улица и... комендатура. Мы, как только сошли с машины, так сразу же пошли домой. Маме дали бюллетень еще на месяц по состоянию сердца. Каждый день льет дождь, Самсоний прав.

17/VII. Зося носила патеру васильки и застала его молящимся. Он молился! А я: я, когда молюсь, то часто без чувства, как барабан. Весьма печальное настроение.

18/VII. Утром ходили в церковь. Пришли — уже ксендз объяснял катехизис: самое первоначальное. Больших детей было мало, а маленькие — какие-то мазюльки. Потом началось богослужение, во время которого он говорил проповедь о французском графе, но самую сущность я не поняла. Мы причащались, хотя не исповедовались. После службы, при выходе, мне удалось поцеловать у патера руку. Матвей был одет великолепно: в белой рубашке с черным бантом, черных шерстяных штанишках, чулках и в русских сапогах, которые ему недавно сшили. Он очень хорошо прислуживал. После службы мы пошли отнести цветы патеру. Ну и цветы уж! Какой-то сброд. Патера не было дома, и мы оставили их на стуле. Одно только, что в них было много мяты, так она будет пахнуть. При выходе мы встретили Козловскую, которая сказала, что он уехал в Никольское к патеру Адольфу (с которым был знаком отец Михаил). Вчера мыли полы. Сегодня ходили за дровами. Теперь там патрулями будут грузины. С ними трудно столковаться, они говорят, что надо бумагу из комендатуры. Огород не терпит отлагательства, как говорит мама. С завтрашнего дня начнем там работать. В субботу мама купила десять стаканов земляники и молока. По дороге один пожилой немец спросил: сколько все это стоит. Мама сказала, и он спросил: откуда же столько денег. Мама ответила, что мы продаем свои вещи. Немец вопрошает тогда: "Но ведь вещам когда-нибудь придет конец, что тогда?" — Да, что же тогда? Одному Богу известно. На днях мама провернула большую стирку. У нее белье получается гораздо чище, чем у бабушки Дуни. У нас был большой розовый сарафан, который вчера мама отнесла Над. Дем. для шитья мне платья. Андрей очень кричит и раздражается по малейшим пустякам. Небо все обложено тучами. На дворе как-то немо и темно. Но дождь еще не идет.

21/VII. Вчера был проливной дождь. На улицах все затопило. Я ходила в Мариенбург и, возвратясь, легла спать. Я только стала засыпать, как по коридору раздались мужские солдатские шаги. Я подумала, что, наверное, какой-нибудь солдат пришел мыться, а мы все спим. Он дошел до нашей комнаты, и я узнала в сем солдате патера Роберта, в очках. Он был с портфелем и, как только вошел, сказал, что он от патера, от кригсфарера, и принес хлеб. Я вышла и стала сидеть в нашей комнате. Зося спала. Мама попросила его сесть, и они стали разговаривать обо всем. Он спрашивал, как у нас с едой. Мама сказала, что Андрей работает на бойне и приносит кое-что. Он спросил, жили ли мы всегда здесь. Мама ответила, что нет, что мы жили в Пушкине и там у нас был прекрасный дом. Я буду писать диалогом, так легче.

Мама: Мой муж был географ, инженер. Он ездил в Сибирию *[так!]*, на юг и на север, где строились заводы, чертил планы. Он был ученый.

Патера, вероятно, это удивило: Имеете ли вы какую-нибудь нужду?

Мама сказала про Зосины глаза, и он сказал, чтобы она сходила в четверг к патеру. Мама сказала, что мы много работаем и, кроме того, у нас большой огород. Он хотел как-нибудь нас навестить в нем. Мама рассказала, что Зося каждый день читает немецкий язык и что мы занимаемся французским языком. В это время проснулась Зося и вошла к ним, а за нею и я. Он, пожимая руку, спрашивал: "Kennst du mich?" *[нем. — "Ты узнаешь меня?"]* Мама сказала ему, что, когда он придет в следующий раз, то мы покажем ему наши фотографии. Он спросил, когда можно придти, и порешили, что в пятницу. Мы пошли на огород, и он нас проводил. У него довольно объемистая фигура, но очень симпатичный и добрый вид. По дороге мама расхваливала патера, говоря, что он хороший проповедник и мы понимаем его, когда он говорит по-немецки. Он сказал, что он тоже священник, мы попрощались и пошли на огород.

22/VII. На работу сегодня не ходила, а с утра пошла на огород. Пришла в час и легла поспать до обеда. Около трех часов слышу сотрясение, звон стекол. Но я встала, будто так и надо, вышла в коридор и, о Боже, он весь засыпан штукатуркой. Первая моя мысль была о разрушенном доме. Но, как потом выяснилось, это была только волна. В нашей комнате окна были закрыты, и стекла все вылетели. В маминой комнате были целы. Я принялась все убирать, а мама пошла в магазин за стеклами. Но стекол там не оказалось. Вскоре пришла Зося и принесла васильки. Так как она должна была взять их с собой, то я принялась их складывать. Но вдруг опять самолет, и бомбы стали сыпаться совсем близко. Дом наш трясся. Я, точно сумасшедшая, выскочила в кухню, вопя: "Мамочки! Мамочки!" Зося прикрикнула, чтобы я перестала кричать, а стала бы молиться. Вдруг Игорь Николаевич вскричал: "Пожар!" Я бросилась с мешками к веранде, но окна не открывались. Тогда я побежала в холодную комнату, там тоже все закрыто. Я вылетела на двор. Там все люди таскали воду и заливали ею крышу. Я увидела, что большой опасности нет, пламя *[так!]* вообще не было, и общими усилиями пожар был потушен. Напротив нас тоже упала бомба, и несколько человек ранило. Сейчас Зося пришла от патера. Она ходила насчет глаз. Патер был с нею несколько не так приветлив, как раньше. И вообще Зося несколько

“разочарована” в нем. Он уже не кажется ей таким высоким на пьедестале, который был ею воздвигнут.

23/VII. С утра я и мама пошли в магазин за стеклами. Их было всего десять, но мы достали. В девять пошла на огород, сделала пять рядов и вернулась к обеду. Верхние дали книгу “Княжна Дубровина” — очень интересная. Сегодня обещал придти патер Роберт. Мы все прибрали. Поставили цветы на столах. В пять часов пошли на огород. Патер не приходил. Погода страшно изменилась. Небо стало однообразно-серым, и страшный ветер. А так как у нас стекла не вставлены, то весьма прохладительно *[так!]*. У Андрея на бойне с мальчишками драки. Он очень устает, особенно по вине сапог, они у него очень тяжелы. У нас мало хлеба, так как на маминой работе платят мукой, а не хлебом. Третьего дня ходила к Над. Дем., и она сняла с меня мерку. Мама хотела продавать белую шерстяную юбку, но мне этого очень не хочется. На огороде осталось сделать всего десять рядов. Работая сегодня, Зося сказала, что ее вчерашнее настроение было вызвано, по всей вероятности, переменой погоды. Сейчас лягу спать, хотя не читала немецкого. Не могу: очень устала.

25/VII. Утром ходили в церковь к половине одиннадцатого. Но патер пришел очень поздно. Он сказал, что у него очень много дела и очень мало времени. Проповеди не было, но он сказал, что сегодня день его посвящения. Он очень торопился. После церкви мы с Зосей пошли отнести старому (прежнему) патеру цветы. Они были не очень плохи, белые. Я отдала Зосе свой букет, и в комнату вошла она одна. В коридоре какой-то немец разговаривал по телефону. Патер презентовал Зосе какой-то сверток в газете. Когда мы развернули его, то там оказался хлеб, тот самый хлеб, который давал патер Зосе в прошлый раз, и банка консервов. Зося сказала опять, что цветы — это подарок, а не “tauschen” *[нем. — обмен]*, хотела она сказать, но патер ответил, что это тоже подарок. Я эти три дня не ходила на работу. Но сегодня, в воскресенье, дали баланду и на меня. Сегодня она была сравнительно хорошая. После обеда ходили за дровами. Но патрули-грузины не позволили. Тогда мама сходила к унтер-офицеру и попросила его. Он пришел вместе с ней. Сегодня сучков очень мало, все бревнышки и отрезки досок. До ужина все время очень хотела есть, хотя пили чай с молоком и с конфетками. Ужин состоял из четырех блюд: остатки обеденного супа из ботвы и молодою картошкою (15 шт.), нашей собственной, баланды, жареного молотого мяса и “erbsena” *[нем.— горох]*, поэтому я была сыта. Да, сегодня еще пан Вишневский презентовал мне, Зосе и Матвею по кусочку

сдобного пирога с рисом и яйцами. Это восторг, "тридцать три упоения". Мама достала Марлитт "Золотую Эльзу" и др., "Княжну" я уже прочла.

30/VII. Вчера ходили в церковь, и я надела новое розовенькое платье, которое сшила Над. Дем. Зося говорит, что оно мне очень идет. Мы пришли рано и потому пошли прогуляться к гимназии. Навстречу нам попался патер, и мы пошли обратно. Народу было немного, детей тоже совсем мало. После общего причащения патер спросил, не желают ли дети, бывшие раньше "декомини", причаститься, хотя не исповедуясь. Так что мы причастились, во время чего патер читал молитву очень хорошую, а мы за ним повторяли по-русски. После службы все бывшие с ним распрощались, кто пожатием руки, кто, как мы, поцеловав ее. Матвей прислуживает и очень забавно наклоняет голову. Мы отправились домой. Уже у красной будки нам навстречу шел какой-то немец. Мне он почему-то показался патером Робертом, что и оказалось в действительности. Он подал нам руку и спросил, откуда мы идем, не из церкви ли. Потом Зося принялась объяснять, что мы причастились. Ей это как-то не удавалось, и я сказала тогда, что это, наверное, "генеральная абсолюция". Тогда он понял. Потом он поискал в карманах что-то и вынул пачку конфет и дал Зосе. Она сказала, что нет, тогда он дал Матвею, тот наотрез отказался, после чего последовало "Los!" *[нем. — побудительное "Ну!" или "Хватит!"]*, и Зося должна была взять ее. Он обещал сегодня придти около пяти часов, но не пришел. На работе все то же. Эти дни мне удавалось приносить красной смородины с Майнцерштрассе. Но вчера Ганц (повар) велел все обобрать: и зеленые, и красные. Из некоторых ягод сварили нечто вроде варенья на сахарине. Ничего, кажется, теперь вкусно. Мужчины, работающие на поле и в лесу, будут получать сухой паек, так что с обедом ходить не надо. Эти два дня баланда ничего, без салата, но пересоленная. Дома тоже салат и листья белой свеклы. Но дома это съедобнее. С хлебом нас затирает. Уже две буханки купили. Но у мамы на работе дают муку, а закваски у нас нет. Вчера получали паспорты *[так!]*, и утром имела возможность зайти на рынок. Там было очень много ягод и грибов, и вообще многолюдно. Сегодня около шести часов прилетел русский самолет и кидал бомбы. Они были сброшены как раз во дворе патера, и Андрей был там. Были убитые и раненые. Андрей с ними здоровался и говорил, что патер Роберт пришел только что из лазарета и потому, может быть, не смог быть у нас.

1/VIII. Уже две недели как в Гатчину приехала тетя Шура *[жена Юлиана Клеофасовича Оболикшто. Валя — их дочь. Оболикшто Иван Клеофасович — двоюродный брат отца]* с той частью *[немецкой военной частью]*, которую она обслуживала на Сиверской, где они живут с дядей Юрой и Валей. Выглядят они хорошо. Тетя Шура рассказывала, как все дяди жили в лагере *[в Рождествено]*, как голодали и как их после выпуска возили из деревни в деревню. Тетя Шура помогала им в смысле еды, но дядя Павлуша все-таки умер. И умер он также нелепо. Дядя Юра с дядей Ваней достали ворон, сварили их и съели, не оставив их дяде Павлуше. Он обиделся, и, когда их распределяли по деревням, он не захотел с ними пойти и пошел в другую деревню. Когда он шел (он был очень ослабнувшим от голода), то часто падал. Они возвращались с работы без патруля, и, когда он упал, то другие немцы, думая, что он партизан и не хочет потому идти, пристрелили его. Тетя Шура рассказывает, что дядя Юра с дядей Ваней ходят по помойкам, собирают очистки, картошку какую-нибудь, а дядя Павлуша ленится. Я думаю, что это неверно, что он более щепетилен или просто думает, что судьба. Я бы тоже не пошла по помойкам. Так я думаю, но что может быть — не знаю. Дядя Юра занимается столярничеством. Тетя Шура говорит, что у него уже растет "брюшко". Валя совсем не изменилась, но глаза у нее стали раскосистей. Сегодня она была у нас второй раз. После обеда мы пошли за сучками, но унтера не было, и мы ушли не солоно хлебавши.

5/VIII. Все эти дни стояла хорошая погода, было жарко. Но сегодня день испортился, и сейчас идет дождь с громом. Настроение у меня в эти дни нехорошее. Когда приходим с работы, то, уставши, ничего не хочется делать. Французский я не читала, немецкий — тоже. Зосе и мне платья уже все сшили.

7/VIII. Работали в саду комендатуры и занимались рассматриванием немецких артистов. Они довольно оригинальны. Среди них есть один пожилой, который каждое утро умывается в одних трусах, делает гимнастику и облачается в короткие штаны, чулки до колен и туфли. Одна молодая особа сидит с молодым человеком в бюстгальтере и трусиках. Вообще, женщины очень вольного поведения. Около 12 часов начали стрелять, обстреливая центр города. Сначала рвались очень близко, и потому мы отправились в бункер. Стоя у двери, мы увидели двух офицеров, шедших по направлению к нам. Оказалось, это был сам генерал в сопровождении адъютанта (старого коменданта), который уехал в Германию. Подойдя к нам, адъютант сказал, что вот, мол, "zwei

Schulerin" *[нем. — две ученицы]*, но в это время где-то поблизости разорвался снаряд, и генерал ринулся в бункер, но потом опомнился и важно прошел в свою комнату. Адъютант стоял совершенно спокойно, хотя он гораздо старее генерала. Потом, вероятно, соскучившись, он *[генерал]* вошел в общую комнату, которая разделилась на две половины: одна для генерала, вторая — для прочих смертных. Вскоре пришло много немцев, и инспектор привел артистов. Все они разговаривали и были несколько интересны. Потом мы пошли в слесарку за котелками. У ворот стоял генерал, офицеры и Шварц (немец, бывавший у нас в школе). Он вошел к нам в слесарку, мы поздоровались, и он спросил, как дела. Зося сказала, что мы здесь работаем, что начальство хорошее, но еда плохая. Причем он нас потрепал по щекам: "они не свидетельствуют о плохой еде". Потом она сказала, что мы будем учиться, но что у нас нет папы и мама больна. Он вышел и принес по пачке конфет, "чтобы были веселыми". Он очень милый господин. На Гартенштрассе горел двухэтажный дом, но помощи в тушении никакой не было. Снаряд еще попал в дом Вишневского, там, где была церковь, так что завтра, наверное, службы не будет. Зося пошла за цветами для патера, и еще сегодня должны пойти за дровами. Я не написала, что вчера адъютант (очень милый и добрый человек, совсем не похожий на "немца"), делая обход, подошел к нам и дал по ириске. Рука у него старого джентльмена, чистая, небольшая, с обручальным кольцом. После обеда мыли пол, за неимением тряпок, носовыми платками. Зося купила букет за двадцать пять рублей. Патеру вышли два изумительных букета: белые пахучие цветы с одной желтой лилией и желтые цветы с синими и еще остались цветы для дома. Зося застала патера дома. Они очень смеялись над Зосиным рассказом о генерале и были в очень благодушном настроении. Патер дал Зосе маленькую коробочку, сказав, что там есть письмо. Письмом оказалась маленькая записочка, на которой было написано: "Бог да благословит Вас. До свидания", а в коробочке было печенье. Все это было послано патеру, так как на ней есть адресат: Езоф Хюбортв. Печенье было очень вкусное и, наверное, домашнее.

8/VIII. Ночью стреляли... Бабушка Дуня пошла на рынок, но вернулась, т.к. там разгоняют, потому что есть жертвы от утренней стрельбы. Я очень боюсь, чтобы это не было причиной для эвакуирования мирного населения. Немцы в своей тактике часто применяют "планомерное отступление". Вчера писалось об оставлении Орла. В семь часов утра мы пошли за дровами, но так как Мозе там не было, то мы ушли ни с чем. К 11 часам мы пошли в церковь, хотя не надеялись, что будет служба из-за вчерашнего

снаряда. Нас встретила пани Вишневская и сказала, чтобы мы *вошли и что, может быть, служба будет, и во всяком случае кригсфарер [от нем. Kriegspharrer — военный священник, капеллан]* обещал придти попрощаться, так как уезжает в Эстонию. Мы вошли наверх. Но Боже! Какое было чувство тоски, горя. Зося даже заплакала. Хотя я его давно не видела, но как-то чувствовалась его близость. Зосины посещения его в субботу, ее рассказы, его подарки. Очень грустно. Но во время службы как-то все улеглось, и стало незаметно стоять перед глазами это событие. Мы причастились по генеральной абсолюции. После службы мы все же снесли цветы патеру. Его не было дома, но сегодня, ввиду перемен, я тоже вошла в комнату. Там было довольно пусто в смысле безделушек, но стояло четыре букета цветов, из которых одни были наши. После обеда пошли за дровами. Путем долгих пререканий между грузином-патрулем и Мозе мы натаскали много дров, нам помогал доброволец. И мы с половины второго до семи часов занимались их тасканием. "Heilige Geist" *[нем. — Святой Дух]* — эти слова очень долго и часто, с болью звучали у меня в душе. Это была проповедь, которую он говорил незадолго до своего ухода. Я вот так и вижу: его рука, которой он жестикулировал, когда говорил, глаза, глубоко впавшие, и их взгляд. Он был такой далекий и, когда он говорил, то взгляд этот как бы просил: поймите! ведь это так хорошо! Лицо у патера было бледное, и из-за страшной жары пот струйками стекал со лба по щекам... Он молился... Я думаю, что не увижу больше такого священника. В его голосе было всегда столько чувства, просьбы и истинной мольбы, что, не молясь, как-то молился. Я не склонна к слезам, но при его службе хотелось плакать о своем каком-то ничтожестве что ли... Он пел, и в душе защемливало. Потом я вспоминаю, как он шел перед телегой *[на которой везли гроб с папой на кладбище]*. Шел он не быстро, опустив голову в офицерской фуражке, стройной фигурой. Затем на могиле он читал отходную *[так!]*. Было весеннее утро, не солнечное, но серое, теплое. Акации начинали зеленеть и, как папа любил выражаться, "как будто пухом зеленеют". По правилам, он должен был три лопаты земли кинуть в могилу. Кончив отпевание, он встал поодаль от дорожки, вид у него был очень печальный.

Гроб был оббит коричневой материей с черным крестом. Всякое грустное событие со временем заживает, делается более спокойным.

Так и это, наверное. Когда мы узнали, что патер не будет служить, то тоже было очень грустно, но постепенно прошло. Зося после дров ходила к патеру отнести рецепт и ту записку. Патера

не было, был только Роберт и несколько солдат. Он сказал, что патер уезжает в Нарву и обещал прийти, но мы этому не верим.

9/VIII. Мама копает картошку, и варим суп. Сегодня на огороде срывали горох и принесли домой. Баланду дали хорошую, но полкотелка.

11/VIII. Среда. Вчера с мамой отправились в шесть часов за картошкой на огород. Патер Роберт не пришел в понедельник, а во вторник до шести часов тоже. Было неприятно, что он говорит, что придет, а сам не приходит. Картошка у нас довольно крупная, по 5–8 штук на кусте. Кроме того, нас заели комары. Когда пришли домой, то Софьюшка с веселым лицом сообщила, что père Роберт был *[père, фр. — отец, патер]*. Зося оставалась дома кухарить. Он был очень короткое время. Подходил к бабушке Дуне — она заболела, у нее понос, и она лежала в постели, щупал пульс и голову. Он сказал Зосе, чтоб зашла к нему за таблетками, потом спросил, как у нас с хлебом. Они стояли у столика. Зося открыла чемоданчик, и там было две наших пайки и кусочек русского хлеба. Он сказал, что даст хлеба. В комнате у нас были цветы и прибрано. Почти целый день шел дождь. После работы Зося пошла за таблетками и понесла букет цветов. Он *[Роберт]* разбирал бумаги на столе патера.

13/VIII. Утром адъютант дал нам по конфетке. Затем таскали салат на кухню. Теперь мы будем получать сухой паек, но убавленный. Этому несколько способствовала Зося, разговаривая с комендантом, который к нам подходил и расспрашивал о папе: кто он был, чем занимался? Он спросил, что мы здесь получаем. Зося ответила, довольно красочно расписывая нашу баланду. После этого он ходил на кухню. Он представляет собой мужчину лет 50-ти, но выглядит очень молодо. Он немного заикается. Зося говорит, что от него приятно пахнет духами. Нам удается стянуть огурцов. Когда мы ходили на Майнцерштрассе, то в окне лазарета видели голову ксендза. Он сидит и чем-то занимается. Эти два дня я стала больше смеяться. Теперь мы решили, чтобы не иметь такого живота, как у Гали, есть не очень много и на ужин стараться делать густое. Не знаю, что из этого выйдет. Мама сегодня стирает. У нее даже косточка выскакивает на руке.

15/VIII. Сегодня получили паек на неделю: дали буханку хлеба, полкило муки, 200 граммов крупы, чайную ложку масла, столовую ложку паштета, 2 ложки соли, полчашки варенья. Мы освобождены! Ходили в церковь. Там служили два патера, наш и потом пришел другой. Он молился с большим чувством и, когда

наклонялся поцеловать алтарь, то делал это серьезно и по-настоящему. Он тоже брюнет. И был еще другой патер, но он молился сам, один. Зося говорит, что у него были слезы. Кстати, я вспомнила, что, когда мы были маленькие, то играли в службу. Андрей надевал красное пурпурное одеяло, и мы ходили по комнате, трезвоня в колокольчик. Это одеяльце служило Андрею еще раз. Он одевал его на спину, на голову берет М.Ст. и — шпага, которая проходила под плащом-одеялом. Я прочла "Варфоломеевская ночь". Мне очень понравилось. Андрей идет работать на окопы, т.к. нет бою.

17/VIII. Матвей меня ужасно рассердил сейчас. Надо рубить сучки. Я ему сказала семь раз: "Матвей, иди рубить сучки". Он так и не пошел. Это может ангела вывести из себя. Причем я говорила совершенно спокойно. Тогда, взяв его за руку, я повела его к двери. Он уперся ногами в пол, завопил и не пошел. Вообще он очень упрям и своеволен. Когда ему говоришь что-нибудь, то он всегда передразнивает. Какой-то волчонок. У него еще манера: убегать, и приходится всю глотку надрывать, ища его. Андрей — тип вахлака. Он с трудом моется, не хочет менять белье, увалень, медвежист, ходит, стуча сапогами. Почти ничего не читает. Софьюшка — ахиллесова пята у которой — немецкий язык. Она читает его каждый день. Она бывает весьма хорошенькая, весьма. У нее длинные косы, и когда она хорошо одета, то получается очень миленькая девочка. А я — не знаю. Вероятно, чухонка.

20/VIII. Несколько дней тому назад приходил père Роберт с евангелическим священником. Они пришли за цветами ко дню рождения нового патера. Я вела себя медвежонком. Зося принесла белых флокусов, и père Роберт сказал, что она лучшая девочка в Гатчине. Маме он сказал, что она умная женщина. Вчера ходили в церковь и до службы прикрепили цветы к груди. Это было очень пикантно, но мне было страшно стыдно, так что я их потом сорвала. Сегодня Зося на работу не ходила. У нее болит голова, и она ходила к доктору. Мы стараемся достать билеты на концерт Миловской. Она очень хорошая певица. На бойне нет скота, и потому Андрей ничего не приносит домой. Сегодня Бог послал мне некоторое утешение в яблочках. Дело в том, что в саду комендатуры есть яблоня, и мы каждое утро осматриваем под ней грядки: не упало ли яблочко. И иногда находим. Но сегодня пришли Ульяна с Гансом, и они всю яблоню обтрясли, сорвав все яблоки. И вот вечером, когда я уже собралась уходить, он пришел и сказал, что надо обрезать свеклу. Я обрезала, и он дал мне бутер-

брод. Теперь мы иногда берем домой дров, т.к. издан эдикт, по которому воспрещается брать дрова из парку *[так!]*.

25/VIII. Среда. В воскресенье запасали дрова с восьми часов утра до четырех часов вечера, а вечером хотели пойти в концерт. Мы оделись и пошли. С нами пошел еще Володька, который работает вместе с Андреем. Но по дороге встретили женщину, сказавшую нам, что концерт отменили по причине болезни Миловской. Вечер мы провели, играя впятером в карты. Вольдемар напевал, и было всем весело. Вчера мы вязали овес, как и несколько дней раньше. Андрея вечером еще не было, но так как было поздно, мы сели ужинать. Мы только начали мамину баланду, как открылась дверь, и тяжелые медленные шаги стали приближаться к нашей комнате. Вошел, как и ожидала Зося, père Роберт. Он вошел и сказал, что имеет нечто дать Зосе, а именно очки. Ну мы, конечно, благодарили. Мама попросила его перейти в другую комнату. Она попросила его принести перевод *[с латыни?]* молитвы о доброй смерти. Он очень скоро собрался уходить, чтоб не мешать нам ужинать, но Зося через маму сказала ему, что мы ужинаем каждый день, а он приходит редко. Роберт ответил: "Richtig, Sophie!" *[нем. — "Правильно, Софи!"]*. Потом я сказала Зосе, что надо было бы его угостить сахарной свеклой, сваренной с крыжовником, что было приведено в исполнение. Ему это понравилось. Потом он вспомнил про фотографии. Мама ему показала несколько: нашу с Зосей, Матвея, Андрея и нашей семьи. Он с видимым интересом рассматривал портрет папы. Потом он сказал, что имеет к нам просьбу, а именно, чтобы мы написали ему наши имена, чтобы он смог вспоминать о хорошем семействе в России. Когда они разговаривали, Роберт хвалил Софьюшку, и я засмеялась. Он спросил маму, чего, мол, я смеюсь? Мама ответила, что я стесняюсь, а это как бы проявление чувств.

28/VIII. Суббота. Сегодня большой праздник — Успение, а по сему случаю у нас утром был творог и по ложке сметаны, а вечером был винегрет, второй раз, и лепешки с сахарной свеклой. Но погода плохая, дождик, но зато я уже вымыла голову. Работать мы кончили уже до обеда. Последние дни было невыносимо тяжело. Вчера я набрала шиповника, плодов, для варенья. Когда я сделала, то получилось очень вкусно. Матвей ходит к учительнице.

30/VIII. Сегодня первый день, что мы не работаем. Утром пошли за билетами в кино, но их не было. По приходу домой я очистила зерно, которое набрала, работая на огороде, и мы пошли на огород за картошкой. После обеда спала два часа до шес-

ти часов вечера, затем чистила картошку для лепешек к ужину, так как нет хлеба, а теперь пишу. Сейчас идет дождь. Мама еще не пришла. Зосе перешивают ее летнее пальто. Вчера вечером пришел Вовочка, мы с ним поиграли в карты, а потом пошли на кладбище к папе.

1/IX. Третьего дня, ложась спать, я вспомнила, что теперь уже мы не будем ходить в церковь, не будем принаряживаться и, придя туда рано, не будем ждать начала службы. Не будем стоять в церкви, слушать проповедь ксендза и стараться понять ее. И все это потому, что новый кригсфарер находит, что солдат, хотя бы и священник, не должен служить в церкви для прихожан. Насколько это верно, не знаю. Я видела его на улице. Это небо и земля: тот патер и новый. У того было духовное лицо, он был худощав. У нового довольно солидная фигура и вообще немецкий вид.

Вчера я сшила себе поясок, но он неудобен тем, что сползает. Потом до обеда была в кухне. Зоси и Матвея не было дома, и мне пришлось все делать одной. Я сварила кашу из тертой картошки на молоке, купленном на наши деньги. Она у меня пригорела в мгновение ока, пока я сливала мелкую картошку для супа. Кашу пришлось переложить в другую кастрюлю и потом все время мешать. Она получилась довольно вкусная, вроде манной. После обеда ходила в баню, читала химию, историю, немецкий язык и литературу.

3/IX. После обеда я спала, что очень приятно. Около шести часов я была в полудремотном состоянии, когда прилетели самолеты. По ним стали стрелять, но безрезультатно. Я открыла окна и вышла в коридор. А бомбы летели непрестанно, все время шипя, и при этом грохот от зениток. Неприятное ощущение! Эти самолеты улетели дальше, прилетели другие, около семи штук. С них все время строчили с пулеметов. Было такое впечатление, будто сейчас влетит в дом. Но и они улетели. Теперь мое писание сопровождается взрывами снарядов в запретной зоне, куда, по всей вероятности, попали бомбы. Матвей сегодня сдавал экзамены в четвертый класс. Он говорит, что сдало всего три человека. Бабушка Дуня стирает. К завтраку делали картофельную кашу на молоке, вроде манной.

6/IX. Понедельник. Вчера хоронили двух мальчиков: Ольшевского и Самсонова. Они были убиты во время бомбардировки. Самсонов был сначала ранен: ему оторвало ногу и руку, и, пока летали самолеты, ему не была оказана первая помощь.

Ольшевский был убит моментально. Мы пошли к двум часам на кладбище, взяв по букету цветов. Там были Галина Констан-

тиновна, Циркуль и другие. Священника не было, так что пропели только "Здровас, Мария". Самсонова отпевал отец Михаил. Его мать производила удручающее впечатление. Это был их единственный сын, "изумительно хороший мальчик".

В субботу к нам зашел Роберт. Он попросил только Зосю принести букет цветов и чтобы он имел побольше зелени. Зося предложила ему картошки, но он сказал, что ему не надо, а вот от огурцов не отказался. Зося принесла штук шесть, за которые он был очень благодарен. Тогда-то мы и узнали про Ольшевского от учительницы, к которой Зося ходила за цветами, но их у нее не было. Мне не хотелось оставаться дома, и я пошла вместе с ней за цветами к старушке. Ее не оказалось дома, и, пока мы ее поискали и получили цветы, было уже половина седьмого, вместо половины шестого. Роберт был дома, букет ему понравился. Он сказал Зосе (я стояла внизу у дома), чтобы мы завтра, в воскресенье, приходили бы в церковь к 11 часам, что новый ксендз должен приехать. Он дал ей пачку конфет.

7/IX. В воскресенье мы пошли к 11 часам, но потом узнали, что священник из Луги еще не приехал. Бабушка Дуня заставила маму готовить еду, так как ушла на рынок, хотя нам это совершенно не было нужно. Но зато ей это принесло барыш: например, однажды за продажу одного платья она получила 150 р. и все взяла себе. Иногда я не могу с ней разговаривать. Невинность в словах, а за ними бездна... я не знаю общесобирательного слова. Если мы делали себе по картофельной лепешке, то она будет громко говорить, что они горят, что надо их шевелить и т.п., для того, чтоб обратить внимание всех. А сама каждое утро пьет чай с сахаром и т.д.

Все годы войны и сразу после войны многие знакомые, соседи старались поддержать маму и нас, четверых детей. Но все подаяния, как правило, передавались через бабушку Дуню. А она принимала их как гостинцы лично себе. Мама это знала, но оставляла все как есть.

Вечером у нас были мальчики — Ленька принес патефон, но все советские пластинки, причем одну они разбили, и надо купить новую.

Вчера с мамой на работе произошел сильный сердечный припадок, и ей дали бюллетень на 10 дней. Завтра, в среду, восьмого,

она думает копать картошку. Но теперь вопрос, куда ее складывать, во что.

13/IX. Вчера около двух часов приехал мальчик, "кавалер", и сказал, что мы должны явиться к двум часам в школу. Зося ушла за цветами, и потому я пошла одна. В учительской мне сказали, что я и Зося должны будем сегодня прийти к девяти часам в городское управление, чтобы идти с кружками собирать деньги в пользу детдома или РОА *[Российская освободительная армия, созданная генералом Власовым].* Я сказала, что Зося, может быть, не придет по состоянию сердца. Маме очень не хотелось, чтобы мы шли, и я решила, что утром схожу к Гале, попросив пойти ее с Зосей. Утром, до вставания, меня начинало брать сомнение, но я пошла к ней, и она согласилась. Потом они все ушли, и я осталась одна с мамой. Бабушка Дуня тоже выкинула штуку: ей захотелось идти на рынок, хотя неизвестно было, будет ли он, и нам нечего было продавать. Сегодня на обед будет каша с тыквой и пшеном. Зося вернулась довольно скоро, так как в управе никого не было, а встретив "Евгеньюшку" *[учительницу из гимназии],* узнала, что для сбора денег надо ходить с кружкой по городу. Ну, и она пошла домой. Картошку мы копали два дня с Марией Макаровной, выкопали 15+11 мешков. В понедельник копали и выкопали 12 мешков.

15/IX. Вчера ходили в баню. Вымылись неплохо, и мама нашла, что наши телеса должны напоминать женщин Рубенсовских картин. Вечером мы пошли в церковь. Мы очень торопились и пришли, когда уже все были в сборе. Первое, что бросилось в глаза, это нечто *[вроде]* рояля. Мама была тоже там и сказала, что это фисгармония. Перед нами туда вошел мужчина, тот самый, которого Зося назвала Герценом в концерте. У него большая голова и черные длинные волосы. Зося говорит, что в его фигуре есть нечто несовременное, артистическое.

Службу справлял новоприбывший священник из Луги. Он представляет собой тип старичка с жидкою бородкой. Но, несмотря на это, проповедь его сильно отличалась от *[проповеди]* патеров-немцев. Он призвал к вере, и проповедь его была очень фанатична. Иногда он очень повышал голос, так что становилось прямо-таки страшно. За "органом" сидел новый кригсфарер, он играл и пел вместе с одним немцем-певчим песнопения. Тут же стоял и Роберт. Если бы, вместо этой проповеди, была проповедь того кригсфарера, то лучшего и желать не надо было. Зося обещала ему *[Роберту]* принести цветов и сейчас отправится. Роберт пожал нам там руки, и мы его поблагодарили.

Сегодня, 15 IX, мы отправились в школу для молебна. Там все то же. Но молебен будет завтра, а сегодня "Циркуль" только проповедовал и совсем не изменился. Галя осталась на второй год. В нашем классе будет учиться Люся Пучель, внучка Козловской. У нас будут преподавать латинский язык, но никаких пособий нет. Мама с утра пошла освобождаться от работы на биржу. Пробыла она там до часу, и ничего путного не вышло. Хотя докторская комиссия и освободила ее от работы на три месяца, но немец на бирже сказал, что пришивать пуговицы — легкая работа. Сейчас она опять пошла туда. Еще неизвестно, чем это кончится. Она принесла с собой письмо Иванова-Разумника *[Иванов-Разумник Разумник Васильевич (1878–1946) — выдающийся критик, публицист, историк русской литературы и общественной мысли]*, полученное посредством Пипошкова. Он знает о кончине папы и не может написать большого письма, так как меняет адрес. Мы часто вспоминаем их... Тот год, холодная, морозная зима *[зима 41–42 годов];* мы ходили с Зосей перетаскивать к ним дрова, коптилка при спуске в подвал; как он называл нас: "Юлия Александровна и Софья Александровна". Портрет их двоих детей у них в комнате, сам Разумник Васильевич и его жена. Жена его производила впечатление немного легкого существа; тип супруги — спутницы жизни. Потом они были у нас на Рождестве. Тогда же зашел и Отто, тот самый немец, который сказал: "Das Leben ist Langeweile" *[нем. — "Жизнь — это тоска"].* Мы говорили стихи, которые были выбраны папой. Я говорила, кажется, Аксакова про церковь "И звон смиряющий всем в душу просится, окрест сзывающий в полях разносится", Зося -- какое-то философское, а Матвей — не помню какое.

Елка у нас была очаровательная, со свечками и много красивых и дорогих игрушек. Кроме того, мы получили подарки: по несколько монпансье, печенинке и конфетке большой. И пили чай с сахаром. О, что это было за время! Это не ужас, нет. Наоборот, мне вспомнилось это довольно милым. И вот, как потом папа пошел их провожать. Дома у нас было тепло, по-своему уютно. А на улице (было около четырех-пяти часов) наступил полусвет, он как будто садился, спускался, в глубине деревья были неразличимы, и только в тесном кругу зрения было все видно, а дальше вглубь становилось страшно взглянуть.

У меня это Рождество 25 декабря 1941 года осталось в памяти строчкой "Осень — рыжая кобыла — чешет гриву" из стихотворения, которое

прочел Разумник Васильевич, маленький, худенький старичок в кресле.

Поразило грубое, почти неприличное слово "кобыла". Мы с сестрой тогда были жуткими чистюлями в языке!

И только лет через двадцать я узнала, что это было стихотворение Сергея Есенина "Осень", посвященное Р.В. Иванову:

Тихо в чаще можжевеля по обрыву.
Осень — рыжая кобыла — чешет гриву.
Над речным покровом берегов
Слышен синий лязг ее подков.

Схимник-ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным
И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу.

1914 г.

Потом, когда мы их провожали уже совсем *[в феврале 1942 года],* когда они уезжали в Германию. На них обоих была очень ветхая одежда, а мороз был порядочный. Они были оба не совсем здоровы. День был морозный, солнечный, и народу было очень много. Но вот они сели в автобус, мы сунули им их чемоданы (санки остались нам, также как и три книжки стихотворений Фета), и они покатили. Бог ведает, как им удалось добраться до Гатчины, а потом до Германии. У нас же руки и ноги были довольно промерзлыми, и мы вприпрыжку пустились домой.

Посадка происходила у Александровского дворца, а мы жили на ул. Революции.

Сестра ошиблась: посадка в автобус происходила в Собственном садике, у южного фасада Большого дворца, под окнами "Зубовского корпуса". Я сказала сестре об этой ее неточности сейчас, в мае 1996 г., и она согласилась со мной: "Да, конечно, уезжали из Собственного садика".

Мне важно именно точное место отъезда, потому что оно ведь последним запечатлевалось в памяти покидавших родное Царское — Детское Село, город Пушкин... Высокие стеклянные окна-двери второго этажа были открыты, и немецкие офицеры

сверху, как с балкончиков, наблюдали суматоху отъезда.

Уезжали те, кто мог доказать свое немецкое происхождение. Их назвали "фольксдойтчами" (от нем. Volk — народ, deutsch — немецкий) — "народ немецкий".

Жена Р.В., Варвара Николаевна Иванова, — урожденная Оттенберг, поэтому Р.В. и В.Н. уезжали как фольксдойтчи. Как фольксдойтчи тогда же уезжала Танечка Анциферова, дочь Н.П. Анциферова, со своей тетей Аней, сестрой жены Н.П. А.Н. Оберучева смогла удостоверить свои немецкие корни.

Думаю, что теперь, через 55 лет после события, можно, никому не повредив, сказать, что "уезжали", а не "был выслан", "были угнаны". Сейчас мы не в состоянии даже отдаленно представить себе трагизм этого выбора.

О своей судьбе в Германии Р.В. Иванов-Разумник пишет в предисловии к книге "Тюрьмы и ссылки": "Вместо концентрационных лагерей, война занесла нас с женой за проволочные заграждения немецких "беобахтунгслагер" в городках Коннице и прусском Штатгарте — на полтора года" (журнал "МІръ", СПб.: "Глаголъ", 1994. № 1. С. 149).

У меня после всякого рода проводов остается неприятное ощущение на душе. Его хочется чем-нибудь приглушить, но это всегда плохо удается. Дома нас ждал гороховый суп, первый после нескольких месяцев пищи св. Антония.

20/IX. Сегодня воскресенье. С утра запасали дрова. Ночью шел дождь, и потому дорога утром была отвратительная. Возили дрова на стопудовой тележке и уставали потому неописуемо. Мозе позволил растащить кучи досок и горбылей, и вообще он очень милый человек. Андрей помогал очень мало, т.к. в половине 10-го ушел в кино. Провозились до половины первого. Потом я пошла захватить последние дощечки. По дороге я встретила Андрея и, придя к пням, села его подождать. И тут случилось нечто, после которого я могла бы остаться там навсегда. Прилетел русский самолет и сбросил две бомбы в очень близком от меня расстоянии. Я слышала, как она летела, и потому сообразила, что она в меня

саму не попадет. Я ринулась бежать, потом легла на землю, так как кругом что-нибудь да падало и, весьма вероятно, осколки. Мною овладело одно чувство — бежать! бежать!, хотя это могло быть и пагубным. Я прибежала к канаве, в которой обосновалась уже какая-то парочка. Но, сидя там, я обозревала дождь мельчайших частиц дерева и земли.

Андрей тоже был очень близко от разрыва. Дома все стекла выбило — таинственный полумрак.

21/IX. В субботу Андрей принес масла и полкило пены *[масляной]*. И сегодня бабушка Дуня сделала печенье — божественное, как пирожное. Читаю Гейне — довольно сухая книга. В ней описывается быт и люди, с которыми он сталкивался.

22/IX. Вчера на последнем уроке пришел директор и сказал, что все мальчики 27-го года рождения должны явиться на биржу. Оказывается, они призываются или идут добровольно в трудовые батальоны. Из нашего класса трое мальчиков. Мама встревожена этим, т.к. неизвестно, что будет дальше. Погода стоит ужасная. Льют дожди, и холодно. Мама думает сделать в окнах перегородки, чтобы вставить маленькие стекла. В нашем меню преобладают картофельные пирожки с капустой и котлеты. Утром эти дни мы едим по-буржуазному, наверное: картошка, мало хлеба, кусочек колбасы и сладкий чай.

Мы в ужасном волнении. По городу ходят слухи об эвакуации.

3/X. Сегодня воскресенье. Я по распределению обязанностей готовила обед, и к половине двенадцатого у меня все было готово. Эти дни совсем не хотелось ничего делать, а писать — тем более. Мы находимся в ожидании эвакуации или какой-нибудь отправки девочек на работы. По городу ходит много слухов, один страшнее другого. Немцы постепенно уезжают, все забирая с собой. Вчера, в субботу, мы не ходили в школу, а пошли на огород снимать капусту. Капуста посредственная, но ведь мы ее все время ели. Сахарная свекла очень маленькая, а какая покрупнее, так очень корявая от пересадки. Обедали в пятом часу и были очень сыты. Эту неделю Матвей был немного болен и в школу не ходил. Андрей очень мучит маму своими вставаниями. Она начинает его будить с пяти часов, а он, хотя и проснувшись, все же не встает. Один день мы читали с Зосей "Симон Дэль". Это то же самое, что Д'Артаньян в "Трех мушкетерах", только в Англии. Я страшно увлеклась этой книгой, даже читала вечером. Сейчас читаю "Былое и думы" Герцена, университетские годы его. Очень тяжело и больно читать про эти аресты, ссылки. Как-то сердце сжимается

в сознании того, что это правда. Но читать надо обязательно и знать, чем все это кончится.

К событиям этих дней относится наше хождение в кино. Мама купила билеты на "Средь шумного бала" по Чайковскому. Мы были необычайно рады этому, так как все говорили, что фильм замечательный. И на самом деле — время действия, бал, дамские туалеты с открытым лифом (кажется, так говорят) и самое главное — музыка. Правда, содержание почти не содействовало *[соответствовало?]* истине, так как Чайковский женат не был *[?!]* и никогда не виделся с Екатериной фон Мекк. Но тем не менее нам всем этот фильм очень понравился, и сегодня после обеда мы идем смотреть его второй раз.

10/X. Сегодня воскресенье, и сейчас пришли с урока алгебры. *[Мама договорилась о частных уроках для нас по алгебре.]* Уже около пяти часов, закат совершенно осенний, как в Пушкине. Елки пропускают этот свет оловянный горизонта. Листья с деревьев опали, часто идут дожди; дома холодно, со всех щелей дует — настоящая осень в природе, да, пожалуй, и в теперешнем существовании.

Несколько дней тому назад ходили мы в кино на новый фильм. Причем билеты были достаны "с боем" и благодаря Зосиной инициативе. Она пошла к цалмейстеру *[от нем. Zahlmeister — казначей, администратор]* и попросила его дать на класс билеты. Фильм начинается в шесть и кончается в восемь. Идти обратно очень темно, но потом, попривыкнув, ничего. Играла Зара Леандер. Фильм был представлен по пьесе Зудермана. Действие происходит в 1885 г., и она играет певицу, приехавшую из Америки в родительский дом. Фильм так же хорош, как и тот, но в Чайковском она мне больше понравилась. Мы сидели среди артистов и *[сотрудников]* биржи труда, так что, по всей вероятности, эти билеты были предназначены для кого-нибудь.

Сейчас мама рассказывала Над. Дем. свои юношеские годы. Но тогда и была жизнь другая. Я все время себя спрашиваю: где те хорошие, благовоспитанные мальчики и юноши? Где они? Наверное, эвакуировались, работают, и в результате их нет. Андрей работает, а по приходе домой представляет *[из себя]* хозяина-труженика и на этом основании кричит, отнимает у Матвея пистолеты и при всем том невинно смеется. Он *[Матвей]* стал лучше читать. Бабушка Дуня продает на рынке и берет себе проценты. Зося отнесла фарерам *[от нем. Pfarrer — священник]* цветы, но их не было дома. Мы познакомились с Люсей Пучель. Она весьма милая девочка.

12/X. Вчера у мамы поднялась температура, и было плохо с сердцем, и поэтому я не пошла сегодня в школу, оставшись готовить. Сегодня ей лучше, но большая слабость. Зося по приходе из школы сказала, что сегодня в три часа будет католическая служба. Я с Матвеем была раньше готова, и мы ушли, не дожидаясь Зоси. Священника еще не было, но мы, услышав звуки "органа", вошли в комнату. Органист был тот самый "прекрасный незнакомец", который так заинтересовал Зосю да и меня. Он бывает у Козловских, его познакомил с ними фарер. Служит службу новый фарер. У него очень громкий и звучный голос.

Сегодня, 14 октября, день рождения Матвея. Ему исполнилось 10 лет — целый этап жизни. Он пережил то жуткое время в Пушкине, когда он, в зимнем пальто, стоял, прижавшись к плите. Он боялся холода и редко выходил на улицу, от этого да и еще от дурного питания лицо его было бледно-зеленое, и только красный нос *[отмороженный в младенчестве в Сибири, где он родился во время ссылки родителей]* освещал его. И как только затопляли печку, мы усаживались около нее, и Матвей читал "раскладки", книгу, в которой описывались различные всевозможные блюда и сколько чего *[в них]* класть. Потом я начинала фантазировать на тому подобные темы, и время шло очень быстро. Но иногда этого не удавалось делать, так как приходилось идти пилить дрова с папой. Обыкновенно это было вечером, зимой. Кругом тихо, только пила визжит, и в промежутках слышно, как ходит часовой у "испанского дома" *[дом напротив, где жили дети, вывезенные из Испании во время Гражданской войны]*.

На небе звезды, и иногда Млечный Путь появляется и прячется в облаках... Я обыкновенно использовала это время для молитв и просмотру текущей жизни. После пилки был ужин, далеко отличавшийся от яств "раскладок".

Несмотря на Покров, мы сегодня учились и пришли домой после шести уроков. На обед была манная каша с изюмом и с сахаром, качества довоенного. Сейчас бабушка Дуня печет печенье к чаю, к которому мы проектировали пригласить Аллу и Алика. Вчера Циркуль задал таких два примерчика, что никто в классе не смог решить. Он решил их сам. Немецкого языка у нас нет, так как не могут достать учителя. Латинский язык идет ничего, но он всех возмущает своими словами: "А что значит это слово?" А откуда же мы можем знать! Мама делает свечки из того парафина, который Андрей натаскал в прошлом году. Мое зимнее пальто стало очень коротко, и потому мама решила сшить мне новое. Но, к сожалению, материал довольно грубый драп-дерюга. Люся *[Пучель]* сказала, что в пятницу ждут Роберта. Надо идти читать

немецкий, который, по сравнению с Зосиным, — цыпленок относительно курицы.

21/X. Я пишу лежа, потому что больна, и Зося не хочет придвинуть стол. Я проболела целую неделю, и температура была большая. Мы переживаем пушкинское время в августе. По всей вероятности, нас будут эвакуировать в Финляндию или в Эстонию. Кто ехал раньше, тот забирал с собой все, теперешние не должны брать коров. Много немецких частей уехало или уезжает, а девушки остались без работы. Части забирают с собой очень мало людей. Все юноши от 14 лет отправлены работать в Вырицу или Любань. У нас из запретной зоны уехали все немцы и увезли все снаряды. Дров теперь можно доставать сколько угодно, если знать, что мы останемся. В школе ученье идет по-старому, но никто не хочет учить уроки. На днях увезли все финские семьи из Загвоздки — это уже Гатчина. Мама купила у них по 30 р. кг ржи 14 кг.

Если бы мы знали, на чем мы поедем, куда, сколько можно будет взять с собой имущества, то могли бы все-таки приготовиться. Но мы даже не знаем средств передвижения.

26/X. Сегодня нам объявили, что мы должны быть готовы к 28. Сегодня целый день собирались, укладывали белье. Сказали, что можно брать все, но как на деле это будет? Нам надо еще взять полушубки и немного книг. Говорят, что выселяют всех, а город потом сожгут. Еще вчера мы думали, ехать или нет, а сегодня пришел немец с переводчицей и приказали быть готовыми. Вчера мы были в концерте, и публика вся была — одна шпана.

Некоторых оставляют, а других берут — не поймешь. В церкви происходило соборование. Ну-с, я хочу ложиться спать. Ведь неизвестно, когда и где придется совершать эту дань Морфею.

27/X. Сегодня целый день собирались. Игорь Николаевич помогал завязывать, а Галя и Ольга Ивановна помогали пришивать фамилию или Х. Утром Зося пошла за хлебом, а оттуда в школу попрощаться. Там она видела Гал. Кон. и физика.

Мама утром ходила в Пропаганду попросить взять нас с собой в один из городов. Ответ был отрицательный, и едем с городской *[эвакуацией]* завтра.

Хлеб Зося не получила, но Вишневский взял у нее карточки, и она *[жена Вишневского]* в 12 часов принесла пять буханок хлеба. Андрей пришел около двух часов с работы и принес колбасы. Тюков у нас очень много. После обеда мы сходили на кладбище к папе, а оттуда зашли к о. Михаилу попрощаться. Он пожелал нам всего хорошего, и мы посидели у него минут 10. Мы торопились,

так как думали, что может прийти Роберт. Зося ходила к нему 25-го, снесла ему небольшой букет огненных ноготков и попросила его прийти сегодня к нам. Кроме того, мы встретили едущего к нам Вольдемара, который ехал к нам сказать "Прощайте".

Роберт пришел все-таки. Он был в шинели и в австрийской фуражке, отчего казался весьма солидным. Он посидел у нас и поговорил с мамой. Он попросил имена всех нас написать ему и сказал Зосе, чтобы она пришла к нему утром: он даст свою фотографию и адрес в Германии, чтоб мы могли ему написать, что мы делаем, как доехали и т.д. А сегодня он обещал писать Хюберту-фареру в Нарву. Мама попросила его дать нам благословение, которое мы и получили. Мама спросила его, сколько ему лет. Он воскликнул: "О!" Но ответил, что ему 39. Но, по нашим понятиям, он выглядит необычайно молодо. А старому фареру 37 лет. Но его глаза, весь вид заставляют предполагать нечто большее.

У меня болит живот. Я буду ложится спать.

7/XI. Я пишу в комнате, в деревне Колпино, на острове. Теперь я постараюсь описать все последовательно. Вечером 27-го я пошла к сапожнику спросить, не починил ли он моих валенок? Их он не сделал, но сказал, что он слышал, что эвакуация отложена до пятого числа. Но Иг. Ник. сказал, что это неверно, а вечером пришел управляющий и сказал, что уезжать будем 29. У нас почти все было уложено и увязано, но за эти сутки все было подчищено, и все вещи запакованы. Утром Иг. Ник. стал возить на поляну вещи, т.к. было очень грязно. Часть вещей была погружена дома, и туда Зося сунула корыто, бидон, бак. Нас погрузили около восьми часов, а в погрузке в вагон помогал Иг. Ник. Он уложил нам все вещи очень компактно. Но потом к нам поместили целую семью с маленькими детьми и массой вещей. Мама попросила Иг. Ник. привезти картошки, и он привез нам три мешка перед самым отходом поезда, а сапожник принес мои валенки. Мы выехали 30-го в обед. Андрей достал чугунку, и мы ехали в тепле. Но спать было не на чем, и не было места. Ехали мы не все время, много времени стояли. Оставались довольно долго в Нарве, и там нам давали еду. Мы совершенно не знали, куда едем. Одни говорили, что в Латвию, другие — в Эстонию, третьи — в Буковину. Но мы ехали все дальше мимо болот, лесов, хуторов. Мы проезжали мимо одного лагеря, где жили люди из Котлов и других деревень, а также евреи. Мы с ужасом думали о поселении в нем. Наконец, утром мы приехали в Юрьев. Пришел пригородный поезд, и масса хорошо одетых эстонок прошла перед нами. Нам было видно много церквей, большие дома. Наш поезд встал на запасный путь, и мы, имея много времени, пошли осматривать город. Лиля, она

пошла с нами, была одета несколько по-европейски, а мы в зимних пальто, толстые, на нас было много одето, в грязных башмаках и калошах. На улице было необычайно чисто. Из одного дома вышла эстонка — мать с детьми и маленьким в коляске. У всех женщин очень модные шляпы и пальто очень короткие. Когда мы пришли, многие стали выгружаться. Мы сложили наши вещи около елок и покрыли брезентом. К вечеру стали приходить немцы и говорить, что мы должны идти в баню (это вечером, когда нету, где спать). Но они утешали, что спать будем в школе. Мы лежали у костра. Кругом ничего не было видно, только от других костров вздымались иногда массы искр. Вдруг нам закричали, что женщины должны идти в баню. Баня была ужасная. Вода очень плохо стекала, и не было мыла. У нас не было чистого белья, и мы одели старое, только побывавшее в вошебойке. Все было ужасно противно. Нас посадили в машину и повезли в школу. Но там все места были заняты. Спали все вповалку на соломе. Я нашла себе небольшое место и легла спать.

Бабушка Дуня пришла раньше нас, но по обычаю не могла занять для нас места. Мама, Зося, Матвей и Андрей ночевали на свежем воздухе у костров. На следующий день всех грузили и увозили на пристань. Стало известно, что нас везут на какой-то остров на Чудском озере. Мы все очень желали остаться в Юрьеве, но нам говорили, что мы должны приехать на место, а оттуда уже хлопотать. Но мама пошла узнать все-таки, что и как. Она нашла адрес Стребловых,

> *[Стреблов Иван Богданович (?–1948(1949)) — художник, царскосел.*
>
> *"Рисовал портреты писателей. Лучший портрет А. Толстого у его сына Никиты. Во время оккупации добрался до Эстонии, жил в Тарту, в Пайде. Заслуженный художник Эстонии. В Доме творчества писателей [в г. Пушкине] висело много портретов его работы. Все жду, когда о нем напишут, но все молчат", — сообщено В.М. Дзевиантовской.*
>
> *"В 1943–1944 гг. И.Б. Стреблов жил в Тарту с двумя сыновьями, с сыном-поэтом Павлом Ив. (род. в 1912 г.) и сыном-художником. Художника звали Воля, Вольдемар", — сообщено М.В. Боровской.]*

но они ничего не посоветовали, а послали маму, она была с Зосей, к священнику, сын которого является членом общества помощи русским беженцам. Он сказал, что мама должна пойти к коменданту в три часа. В 12 немцы сказали, что должны привезти суп.

Мы ждали его довольно долго, пока, наконец, он не приехал. Мы стояли в очереди за супом, как вдруг я увидела Мусю *[Марию Владимировну Боровскую]*. Она стояла около нас с другой девушкой. Муся спросила, как, все ли здоровы? Зося ответила, что папа умер, и заплакала. Мне тоже стало очень грустно *[от]* предстоящей жизни, езде *[так!]* и вообще от неизвестности. Мы прошли с ней к нашим узлам. Она поздоровалась с бабушкой Дуней, мамой, с Андреем. В три часа мы пошли в комендатуру с Мусей. Она рассказала нам, как они с матерью пошли пешком *[из Пушкина в Тарту, где с 1916 г. жила сестра Веры Михайловны]*, ужасно уставали и голодали. В Юрьеве им было очень трудно с едой и жилищем. Они работали в горничных, в дворниках, пока Муся не устроилась в пошивочной мастерской, где работала до обеда по болезни, а мать ее в хозяйстве на мызе. Рынка здесь нет, так что купить совершенно негде. Все ловчат, продают все тайно. В комендатуре не сказали ничего положительного. Вечером, когда мы сидели у костра, пришли Муся с Верой Михайловной. Они ушли уж совсем поздно. По всему было видно, что наши вещи не увезут раньше ночи. Мы попросились у немцев уйти в школу, где легли спать. Мама осталась у вещей. На следующее утро отходил первый пароход с баржами, и потому нас разбудили в четыре часа, и в сопровождении немцев мы отправились на пристань. Мама погрузилась только в два часа ночи и всю ночь пробыла на улице.

Было еще очень темно, трудно идти. Как только мы пришли, получили баланду и хлеб. Суп был крупяной и густой.

Через некоторое время пришла Муся и принесла кофе. До нас было еще очень далеко, и мы решили, что пойдем к Мусе на квартиру (она не пошла на работу). Они занимают небольшую комнату, где почти вся мебель или подарена или как-то смастерена. В.М. налила нам кофе и дала по кусочку хлеба с маслом, приобретенным в одном из гешефтов *[от нем. Geschäft — торговая операция, сделка]*.

Муся порассказала нам из своей прошедшей жизни, и мы, боясь опоздать на пристань, ушли. Но до нас было далеко. Через некоторое время Муся ушла к священнику. Мы не знали, грузиться нам или нет. Около нас пустой баржи не было, а другие были далеко. Но была еще глубокая большая лодка, но из нее было бы очень трудно вытаскивать вещи, а особенно картошку. Тогда мы решили носить на баржу вещи, хотя это было далеко. Чемоданы, тюки мы перетаскали довольно быстро, но картошку носить было очень трудно. В это время я увидела носилки, которые нам помогли в данном случае и в последующих. Самое отвратительное было

то, что на нас "глазели" все эти противные эстонцы. Мы были мокры, как мыши.

Целая страница — пустая, наверное, сестра хотела восстановить все последующие перипетии этого куска жизни.

11/XI. Сегодня второй день мы работаем в качестве окопщиков. Работать надо все время, но можно немного постоять. Над нами надсматривал немец довольно благородного вида. Он рассказывал об условиях своей жизни. Я прямо потрясена, мне очень жаль его. Он здесь один, семья его в Германии, и он не может писать, где он, как, чем питается. И, когда он однажды написал, что получает небольшой паек и потому голоден, его посадили в бункер. А получает он по полбуханки хлеба, кусочек масла и вечером суп на целый день при постоянной работе. Причем суп они должны варить сами после работы, вычистив картошку и протопав шесть километров. При нас он получил письмо из дома. На конверте было написано почти детским почерком. Он проговорил, что жена его имеет прекрасный почерк, но что она должна писать таким образом, чтобы отвлечь подозрения. Он спрашивал, где наш папа? Зося ответила, что на небе. Тогда он спросил, сколько лет папе и маме, и был удивлен, что мама на 10 лет старше папы. *[Должна сказать, что мама, несмотря на такую разницу в годах, выглядела значительно моложе папы. Мама была статной, красивой женщиной.]* Зося в разговоре сказала, что он хороший человек. Немец же этот ответил, что он со многими русскими работал и всегда ему это говорили. Мне он очень понравился, и в нем есть что-то такое, что напоминало папино. Он целый день работал и съел только небольшой бутерброд. Мы хоть вечером и утром бываем сыты, а он, наверное, нет. О, как мне жаль его! Но ведь как много солдат голодает.

12/XI. Сегодня утром мы не успели даже поесть, как пришел солдат и сказал, что пора идти на работу. Погода сегодня ужасная. Всю ночь и день дул сильный ветер и шел снег. Людей было совсем немного, и нас заставили таскать бревна из озера. Нам дали резиновые сапоги, и целый день мы там проработали. Там мы узнали, что <u>все</u> *[подчеркнуто сестрой]* солдаты голодают. Когда был обед, солдаты говорили друг с другом: "Обед! Для нас это вода и хлеб".

18/XI. Сегодня мы пошли на работу. Унтер дал нам номерки, но через некоторое время он пришел и сказал, что сегодня рабо-

тать не будем. Особенного дела не было. Я написала Мусе письмо, первое мы уже отправили. Мама заболела, у нее воспаление седалищного нерва, который очень болит, особенно ночью. Того немца мы больше не видели, хотя мне очень хотелось бы этого. Но немцы, с которыми нам приходится работать, в очень удрученном виде. Они голодают... Баланду нам дают очень жидкую, а масло — только на рабочих. Мы по-прежнему таскали бревна. Зося достала у Матушки Майн Рида, и один роман я уже прочла. Вечером мы, пойдя за пайком, узнали, что немцы, которые жили у нас в деревне, и вся их "компани" уезжает. Они все-таки были хорошие люди. Мы стояли в маленькой комнатушке за пайком. Отмечал унтер. Он имеет весьма симпатичную наружность и стройную, импозантную фигуру. Он был без фуражки, и его прекрасные вьющиеся черные волосы были зачесаны назад. Глаза тоже у него весьма красивы, а улыбку все находят положительно очаровательный. Он говорил, что он из деревни, но у нас и в городе таких немного. Зося говорит, что он должен напоминать "архистратига Михаила", что, я думаю, совершенно верно.

2/XII. Сегодня второе декабря. 30 ноября мы отпраздновали мамино день рождение *[так!]*. Утром мы напекли пшеничных лепешек. К обеду была сделана рисовая каша на молоке. К маминому рождению мне сшили платье из маминого халата. К нему сделали отделку из галстука, и оно получилось весьма хорошенькое. Вечером мы получили от Муси ответ, который не ждали получить ввиду различных слухов. Она пишет о своей болезни, о хлопотах, о недостатке обуви. Второго декабря мама с Зосей ездили в Võbs-у к доктору. *[Это был русский, пленный, молодой человек, который ходил всегда в сопровождении немца с ружьем (или карабином?) за спиной.]*

Его они там встретили по дороге. Он пощупал Зосе пульс и щитовидную железу *[у меня было заболевание щитовидной железы]* и сказал, что по состоянию здоровья ей надо лежать в больнице. Они зашли в комендатуру и встретили там того немца, с которым Зося познакомилась в первый день приезда. В комендатуре сказали, что в ближайшее время будет произведена эвакуация нерабочего населения. Мама очень беспокоится и отчасти поэтому так и больна. У нее распухла губа и пол-лица. Говорят, что это от простуды. Сейчас пришла Матушка и посидела, поговорив о маминой болезни, текущих обстоятельствах. Хозяин наш собирается в лес.

15/XII. Мы все работаем. Сегодня шел ужасный снег, а мы резали дерн. Мама поправилась, но теперь Зося заболевает. Сегодня

происходила какая-то перепись. Все говорят о предстоящей эвакуации. У нас новая "компани". Новые немцы очень молоды и вольного поведения. Те немцы, с которыми мы работали первые дни, нам очень понравились. Один из них назывался Гансом Клиром. Они нас утешают подарками к Рождеству. Говорят, что привезли платья, платки и что-то еще. Но мы еще не знаем, уживем ли до него? Маме шьется платье, которое после примерки выглядело очень элегантным. От Муси письма не получалось, чем мы очень опечалены. Я влачу жалкое существование. Зося, когда она на работе, разговаривает с немцами, улыбается. Я же, может, смогла бы говорить, конечно, не так, как Зося, но у меня являются всяческие вопросы: к чему? да зачем? и, кроме того, ненужная застенчивость.

Egal *[нем. — все равно, безразлично]*. Только бы вся эта катавасия минула б нас.

21/XII. Последний месяц старого года и последние дни до Рождества. Вчера мы не работали. Была ужасная погода: ветер и дождь, который, падая на землю, превращался в лед. Зося эти дни не работает по состоянию здоровья. Роберту послали письмо, но мало надежды на ответ. От Муси ничего нет. Я прочла книгу "Без семьи", которая мне очень понравилась. Я начала заниматься по-французски, что гораздо легче немецкого.

28/XII. Зося с мамой отправились вчера в Ряпино к доктору. Они давно собирались, но все откладывали. К Мусе мы, не получая писем, отправили с одной теткой, шедшей в Юрьев, письмо и сказали ей, что, если она принесет письмо ответное, то мама ей что-нибудь даст. В понедельник она пришла с письмом от Муси. Она извинялась за молчание, так как была больна, да и теперь еще нездорова. Тот человек, которого она попросила хлопотать о нас, вел дело весьма успешно, но в вознаграждение предложил Мусе сделаться его женой. И, получив отказ, он прекратил всякие действия. Теперь, если мы хотим что-либо делать, то должны собственными силами. Погода очень переменчивая. Ложишься весной, а встаешь зимой. У нас тут много болтали о подарках к Рождеству, но оно прошло, а ничего не было. И вдруг в понедельник на работу приехала телега с бельем, пальто, варежками. Выдача всего этого добра сопровождалась, конечно, ужасными криками. Я и Андрей получили по пальто, чем возбудили зависть, гнев и т.п. чувства. Андрей, как мужчина, получил белье, но я уже не смела, да и невозможно было бы, так бабы заели бы.

Рождество мы справили. Дядя Леша принес нам елочку. Мы украсили ее дождем, Зося сделала флажки, посыпали ватой, при-

крепили свечки, и елочка получилось очень миленькая. В Сочельник приготовили традиционное блюдо — винегрет, вышедший очень вкусным. Кроме того, сделали компот. В воскресенье мы угощались мятными конфетами. На маме было ее новое платье. Мы никуда не ходили и праздник провели тихо, но радостно. Муся же писала, что проводит их очень грустно. Все это я пишу утром, т.к. встали очень рано.

Привожу сохранившееся письмо сестры, почему-то не отосланное: 28–29 XII 1943.

Дорогие и милые Вера Михайловна и Муся!

Письмо ваше получили и очень рады твоей фотографии. В тот же день была у нас одна дама из Юрьева, которая вас знает, и обещала посетить вас. И еще одно хорошее событие: в понедельник нам дали одежду. Я с Андреем (он работал за Зосю) получили по мужскому пиджаку, варежки и шарфу. Кроме того, давали очень хорошее белье, дамское и мужское. Андрей получил, а я — нет. Говорят, что будут давать еще что-нибудь. Бабы, конечно, были страшно злы, почему оба получили пиджаки. Ну, да перемелется — мука будет. Вчера Зося с мамой пришли от доктора. Они ходили за 15 километров. Русский доктор сказал Зосе, что ей надо минимум движения и никаких танцев. Последнее, конечно, лишнее, т.к. мы не танцуем. Но там же, в Ряпине, они узнали, что уже у них прошла эвакуация неработающего населения и тех, у кого соотношение между рабочими и неработающими не равно. Поэтому мы думаем, что Андрей как третий работник будет работать. Но теперь стало еще хуже, т.к. на работе не позволяется сидеть. Кроме того, все девицы заняты флиртованием с немцами, отчего очень устают нервы. У нас стоит очень переменчивая погода: то мороз, то снег, то ветер и дождь.

Мы стремимся поехать в Юрьев, но это теперь очень трудно, т.к. надо иметь разрешение, достать которое почти невозможно. Мама собирается пойти в Печоры, как только кто туда пойдет. Муся, нам всем страшно жаль, что из-за нас тебе пришлось претертеть столько мытарств. [...]

1944

7/I. Русское Рождество. Сегодня мы не работаем, а вчера находились на улице. Вот уже второй день, как дует нестерпимый ветер. Утром вчера еще было ничего. Но около 10 стало переметать снег, а к обеду было невозможно идти против ветра. Наша тропа пролегала около бункера, и мы останавливались за ним отдохнуть: здесь было относительно тихо. Но комендант ревниво охранял наши рабочие часы и не позволял останавливаться. Надо было примечать, когда он уходил к другому бункеру, и пользоваться этим временем. Около часу пришел фельдфебель. Он сказал, что надо немного поработать, а потом — домой. Медлевские кончили свой бункер *[обкладывать дерном]* и пошли домой. Мы за ними. Сначала комендант не пускал нас, но потом махнул рукой. Еле дошли до дому. В придачу к этому снежному ветру еще мороз. Ветер сшибал с ног, но делать было нечего.

После обеда с Зосей пошли в церковь. К концу службы пришли Paul и Friz. Вели себя довольно прилично. Ложась спать, мы укрылись теплее, так как в избе было холодноватисто. Около двух часов ночи меня вдруг разбудил голос тети Насти: "Где-то горит. Наверное, в Шартове". По всей деревне гудел гудок, сзывающий людей. Посмотрев на огонь и помолившись о тех несчастных, я заснула опять. Дядя Леша пошел на пожар. Утром из его рассказа выяснилось, что дом был облит бензином, а другой дом был истреблен гранатами. По всей вероятности, это дело партизан. Первый дом сгорел дотла, и спасти ничего не удалось. Сгорели лошадь, жеребец, две коровы. И это все в ночь под Рождество. Утром рано Матвей пошел с мальчиками христославить *[так!]*. Возвратясь, они принесли 80 рублей, но потом пошли опять. Их еще нет.

9/II/44. Мама написала в Печоры письмо по совету Павского через Мусю.

"О. Николай Павский был настоятелем нашего Успенского собора, в 1944г. они всей семьей уехали сперва в Германию, а потом дальше", — письмо Веры Владимировны Шмидт от 18.11.97 г. из Тарту. В.В. — жительница Тарту. Родилась в Юрьеве 19 августа 1914 г. Учительница русского языка и литературы в школе. Поэт. Ее мама, Татьяна Алексеевна, работала в русском отделе городской библиотеки, и через нее мы познакомились с В. во второй половине 40-х гг.

Знаю из рассказов Веры, что она написала А.Т. Твардовскому в "Новый мир" о хранящихся у нее письмах И.А. Бунина. А.Т. свел ее с А.К. Бабореко. В своей книге "И.А. Бунин. Материалы для биографии" (Москва: Художественная литература, 1967) А. Бабореко публикует три письма И.А. Бунина Вере.

Воспоминания "Встречи в Тарту" В.В. Шмидт написала специально для Бунинского тома "Литературного наследства". Здесь же письма Бунина Вере Шмидт. (Иван Бунин. Книга вторая. Москва: Наука, 1973. С. 331–340).

Выйдя на пенсию, Вера смогла петь в церковном хоре при своем любимом храме, увлеченно работала в Кружке русских авторов — поэтов (Литературное объединение при Союзе писателей), подрабатывала уроками и переводами, писала статьи. В самые последние годы начала воспоминания об Обществе русских студентов 30-х гг. в Тарту. "Для меня теперь уже нелегко писать, особенно в это жаркое лето. Но несколько глав написала, да и то начерно" (письмо от 2.9.97 г.).

В этом письме она спрашивала совета у некоего г-на Селюгина, как поступить нам в хлопотаниях. Вчера он прислал ответ. В нем он пишет, что сначала надо подать прошение на имя префекта, предварительно найдя квартиру и работу. Неплохо, если и работодатель со своей стороны похлопочет немного. Он советует обратиться к св*[ященнику]* Павскому. Но на Павского у нас мало надежды, т.к. он очень пассивен. Муся тоже очень слаба здоровь-

ем. Следовательно, мы предоставлены собственным силам. Мама думает во вторник пойти в Võbs узнать там, нет ли какого-нибудь средства передвижения.

Теперь о пожаре. Позднее стало известным, что ранено три немца. Среди них Ганс и унтер. Сегодня Зося принесла с работы известие, что кто-то умер. Неужели Ганс? Это был очень милый и добропорядочный немец. Но мы с ним работали недолго, всего три дня, и больше его не видали. Нам очень хотелось поздравить его с Рождеством, и мы упросили Андрея снести ему поздравительную открытку. После работы он отправился.

17/I. Я очень давно не писала, это потому, что я, приходя с работы, так уставала, что не могла писать. В среду я работала одна, Зося опоздала. В среду же нам давали деньги. Мы с Зосей получили 660 руб. Деньги выдавали в избе, на краю Шартова. Там же был и шартовский унтер. Он со мной разговаривал о той ужасной ночи. Сам он тоже был немного ранен. Ганс, говорил он, будет отвезен в Германию.

Сегодня я дома. Около часа вдруг увидела в окне докторов. Они шли к нам по маминому приглашению за книгами. Они посидели у нас около получаса. Мы им дали "Чудаков" и "Екатерину".

23/I. Уже прошло два дня, как в деревне праздновали Крещение. У нас хозяйка тоже пекла и варила. Зося на работу не пошла, но я все-таки решила *[пойти]*. Было всего десять человек. Комендант очень злился и сказал, чтобы Андрей тоже ходил на работу. Для нас это большое несчастье, т.к. теперь мы не можем дома оставаться. Уже несколько дней мы ходили втроем. В пятницу была большая оттепель, которая продолжается и сейчас. Мы все вымочили ноги, и в субботу я и Андрей остались дома. Кроме того, я ходила к портнихе примерять пальто. Мама сказала, чтобы было сделано с кокеткой, что мне не очень нравится, хотя не знаю, как выйдет. В Крещение вся деревня гуляла и была пьяна. Наш хозяин два дня и две ночи гнал самогонку. Я пришла с работы, а вскоре после меня и хозяева от бабушки. И вдруг открывается дверь, и входит та русская дама из Юрьева. Она была у Муси и застала у нее довольно большое общество молодых людей.

27/I. Продолжаем работать в том же духе. Теперь приказано носить на носилках *[резаные куски дерна]*, что гораздо труднее. Все обещали дать белье и, наконец, сегодня дали. Из хороших вещей получили только пиджак на шелковом верху, безрукавку, пару мужского белья, шарф, два шлема и две пары колодок, вроде домашних туфель. А остальное — несколько тряпок на заплатки.

А вчера дали по 70 штук сахарина, 1 керосина, два кубка *[так!]* мыла и синьку. На работе все время споры, бранят Зину, ругаются. На днях дали на деньги всякой ерунды: картинок, гребень, пудру и помаду. Тете Вере не дали, и она потому очень ругалась, а на работе комендант ее чуть не побил. Он нападал также и на Любу, но ее не тронул.

Кроме того, мы имели одно событие. Целер, главный немец в Võbs'е разрешил выехать маме и Зосе в Юрьев, что и произошло вчера утром. Они забрали с собой 12 пакетов *[сахарина?]* и еду. При успешном действии они могут найти себе квартиру и работу. В противном случае они должны вернуться обратно. Целер дал им письмо в один штаб, куда их и привезли. Это оказался штаб, который заведует всеми нами, беженцами, и нашей работой. Много немцев были уже знакомы маме и Зосе, мы видели их в Юрьеве при разгрузке. Они приняли их очень любезно, были очень внимательными. Но главный немец, узнав, что в деревне осталась еще часть семьи, был страшно удивлен и сказал, что я пешком пошел бы к вашим детям. И поставил дело так, что на другой день они должны были уехать, не повидав Муси. Но стараниями другого офицера они остались на день. Видели Мусю и ее кавалера. Муся в материальном отношении живет хорошо. Они были у Павского, а он свел их к медсестре в лазарет, где требовались сиделки. Если бы они остались, то, возможно, что все бы устроилось. Но на другой день они должны были уезжать. Один офицер, с которым мы еще познакомились, когда выгружались, в очках, показывал фотографии. Фотография сына очень красива, по словам Зоси, но этот юноша имел такое грустное выражение лица. Зося спросила, почему он такой. Он показал обратную сторону, где было написано, что несчастье всей его жизни есть то, что он не может быть с Езусом, т.е. с Богом.

13/II. О, как я давно не писала. Но в общем жизнь идет по-старому. В деревне стояли штрафные солдаты. Один солдат приходил к нам, и мы давали ему супу. Все они очень плохо выглядят, и все голодные. Работа продолжается. Тут третьего дня нам стучат в окошко в половине пятого и говорят, что должны "срочно" выйти на работу. Мы думали — гадали что? куда? зачем? Может быть, эвакуация? А оказалось, что надо было работать за 15 км — выгребать воду и лед на ряпинской реке. Работа была не очень трудная, но далеко очень идти. Но день был прекрасен, думалось легко, дорога убегала вдаль. Одно время мы были очень запуганы слухами об эвакуации. Правда, в Любницах эвакуировали несколько семей, но для того, чтобы очистить квартиры для штаба. Но говорили, что не дадут подвод, но все обошлось бла-

гополучно. Но это не меняет дела. Возможно, что в недалеком будущем и нас повлекут. Мама и Андрей только что поправились от гриппа. Матвей и сейчас болен. У всех нас ужасный насморк, не напастись тряпок. Я заштопала одну кофточку, которую получила. Хотя она немного ярка, но мне очень нравится.

На работе нами заведует некто по имени Иоган-комендант, обергефрейтер. Он очень плохой человек, все время ругается. Причем он является кавалером беленькой Марии. Его все ненавидят за его "милый" характер. Солдаты его тоже не жалуют. И в противоположность ему два других немца, Карл и Эрих. Карл с золотыми зубами и золотой душой. Он никогда не кричит и всегда сам работает. Глядя на него, делается совестно неработающему. У него очень красивые добрые глаза и часто капелька под носом. Очень приятный, симпатичный немец. Даже все мальчики от него без ума. В Германии он был переплетчиком, но хотел учиться, чего не смог сделать, т.к. должен был помогать семье.

И другой немец — Эрих. Немец с глазами поэта. Я видела его еще очень давно, когда мы втыкали тросту в землю около первых бункеров *[троста, исков. — по Далю — болотное растение, камыш, растущий дудкою].* Сегодня я опять с ним работала. До сих пор он вел себя очень скромно. Он женат и имеет девочку лет семи. Живет он в Тюрингии. У него страшно красивые карие глаза с длинными и густыми ресницами. Я как-то не думала об удовольствии, какое можно испытывать, глядя в красивые глаза. Он тоже говорит, что вот уже год, как ест суп с малым количеством мяса. Он всегда очень бледен. Сегодня он немного покричал на девочек, которые, правда, совсем не хотели работать. А потом спрашивает: "Я тоже плохой человек?" Но я уверила его в обратном. Он работал стекольщиком.

К числу добрых немцев надо отнести Мартина, доброго и наивного малого.

15/II. Сегодня мы работали на горе. Я все время вспоминала вчерашний день. Его приятность и легкость. Я работала с Карлом и Эрихом. Очаровательный этот Карл. Эрих спросил, имели ли мы сад. Я начала рассказывать о том, какая чудная сирень росла в нем. *[Перед войной в Пушкине была выставка сирени, и папины сорта оказались лучшими: молодые кусты с крупными махровыми гроздьями. Папа привязывал к сирени шпагат с колокольчиком, чтобы, если захотят украсть, успеть схватить воров.]* Он никак не мог догадаться, как по-немецки она называется. В конце концов, узнали: Flieder. Он достал бумажку из-под сигарет и, написав, подал ее мне. Перед концом работы мы сидели в бункере. В разговоре оказалось, что он умеет гадать по руке. Я тоже попросила его по-

гадать. Он предсказал мне скорое замужество, доброго мужа, двойняшек-детей, жизнь до 60–70 лет. Прекрасную жизнь. Если это даже просто ерунда, то время было проведено прекрасно.

16/II. Сейчас проходили немцы по деревне. Они шли и пели свою песню "Ой-ля-ля!". Они сегодня целый день носили проволочные заграждения и, наверное, голодные. Все крестьяне увозят свои пожитки в Клавмино: хлеб, одежду, мебель. Наши хозяева уже уехали.

23/II. Все наши тюки были тщательно завязаны, упакованы, и мы ждали только подвод. Но все беженцы уже разъехались, и мы остались одни. Мама тоже пошла искать квартиру и нашла хутор около леса, хозяин — полуверец. Они нас приняли, и мы рассчитывали прожить там эту смуту. Но вдруг в Медлях получается приказ, что все рабочие и нерабочие должны ехать обратно. В тот же день были посланы солдаты с подводами искать беженцев. На другой день к нашему дому подъехало две подводы с Ейной и Ёзофом. Хотя все вещи нам удалось поместить на санки, сидеть было очень неудобно. Нас везли прямо на Võbs. Надо было ехать через лес, и немец страшно боялся. Около двух часов мы были в Võbs'е. Приют мы нашли у Швестер *[от нем. Schwester — сестра (далее — Сестра), это была русская медсестра, человек интеллигентный].* Вещи наши лежали на площади, но ночью мы их не сторожили. Вечером мы переоделись. К Сестре пришел один немец, с которым мы разговаривали о прошедшей жизни, большевизме. Довольно интеллигентный немец. Спали довольно прилично. Сегодня пришло еще много подвод из Колпина. Приехала Софья Артемьевна. Она сидела на кухне и вообще совершенно больна. Солдат позвал доктора. Доктор — это необычайно длинный господин в очках. Но физиономия его мне чрезвычайно понравилась. Когда он был, мы как раз перетаскивали вещи в холодную комнату сестры. Все беженцы должны были разместиться в домах. Говорят, что завтра мы уже должны отправиться. Но как не хочется! Куда нас везут? Какое помещение, кров будут нашим приютом? Что за работа нас ожидает? Мама думала сперва, что лучше было б, если бы мы уехали на какой-нибудь хутор в лесу, где бы нас никто не нашел. Но это больше, по-моему, фантазия. Изба, в которой мы нашли приют, принадлежала полуверцам. Один хозяин говорил по-русски, остальная семья говорит по-эстонски. Необычайно неприятно, когда говорят, а ты не понимаешь.

24/II. Софья Артемьевна еще больна. Вчера опять приходил доктор, потом пришел второй раз и принес клизму. Он очень вни-

мателен к больной. Вечером Сестра ушла, и мы не знали, что с собой делать. Зося звала гулять. Потом какой-то немец пришел и рассказывал нам о немецкой чистоте и о русском некультурье и невежестве. Причем он сопровождал все это уморительными жестами, от которых мы помирали со смеху. Через некоторое время пришел доктор справиться о здоровье больной. Он держал в руке сигары, и, подав одну "маленькому доктору", сам закурил другую. Он был очень любезен с Терези. *[При конфирмации я получила второе имя Тереза в честь молодой французской святой XIX века, канонизированной в XX.]* Он спрашивал, кем Зося хотела бы быть. Зося ответила, что имеет склонность к истории и философии. Он ответил, что для женщины более подходит кухня, дети и спорт. Он принес таблетки от болей, и мама просила дать нам таблетки от головной боли. Он пощупал Зосе пульс и железу и сказал, что неплохо.

Вообще, глядя на него, мне ассоциируется комфортабельная гостиная, уют, интеллигентное общество, интересный разговор, прекрасные дамы и элегантные мужчины. Возможно, что он именно и вращался в таком обществе. Он ушел раньше, чем другой немец. Тоже хорошая примета. Сегодня утром мы пошли прогуляться. Очаровательная погода. Голубое небо, солнце, капель, как бриллианты. И как-то хочется жить другой жизнью, более спокойной, светлой, "созидательной". По дороге мы обнаружили вербовое дерево. Зося попросила *[доктора]* сорвать несколько веточек, букет которых мы принесли домой. Одну веточку я воткнула в тетрадь на память о Võbs'е. По возвращении я занялась дневником, Зося тоже. В дверь постучали. Это оказался доктор. Он нашел, что С. Арт. выглядит лучше. Сам он собирался ехать в Ряпино и приглашал Зосю. Но это было бы неприлично. Он спросил, написала ли Зося о нем в дневнике. Он также спросил, когда мы уедем. Мы сами не знаем этого. Да, когда мы возвращались домой, мы встретили всех немцев из нашей "компани". Они были страшно рады нам. Мы им пожелали счастливого пути и тоже были рады им. У Schwester имеется одна маленькая книжечка "Классические незабудки". Там собраны четверостишия на каждый день, книжечка эта на немецком языке. Мне она необычайно нравится.

24/II. Вчера вечером мы попросили у немцев карты, и бабушка Дуня стала гадать на сегодняшний день. Нам вышла какая-то неприятность, но не дорога. Утром я стою, вытираюсь, мимо окна проходила М.И. и поманила меня пальцем. Мама вышла к ней и узнала следующее: папино кольцо находится у некоей Клавдии, очень пронырливой и хитрой особы. Она будто бы выменяла его у

крестьянки. Разумеется, мы хотели бы его получить обратно. Но каким образом? Schwester советовала пойти с немцем. Но где его достать? Из этого штаба нет подходящего, а комендатура уже уехала. Мама и Зося пошли без немца. Вчера бабушка Дуня гадала др*[угим]* немцам. Они были чрезвычайно серьезны, и мы очень смеялись над этим. Время провели мы очень весело, немцы были в большом азарте. И вчера же m-elle Терези совершила свой первый променад наедине с доктором. Мама очень беспокоилась и даже собралась идти за ними. Но мы ее отговорили. Но, по словам Зоси, все было совершенно прилично. Доктор относил клизму *[универсальное средство!]* в соседний дом. По приходе он некоторое время сидел у нас. Он говорил, что ко мне подходит имя Шарлотта, Генриетта и иронизирующе восхищался именем Тамара и вообще красотой татар: Wunderbar! Wunderbar! *[нем. — Изумительно! Изумительно!]* Это было так комично, что Зося надела очки, чтоб получше рассмотреть, это всех рассмешило. Зося спросила, как его зовут. Но доктор на променаде уже сказал его *[свое имя]* и теперь возразил, что, если б он нравился Зосе, так она бы его не забыла. Schwester говорит, что он без очков выглядит совсем молодым. Мама говорит, что на вид ему лет 25.

26/II. Сегодня утром нам сказали, что мы, наверное, уедем. Мы вытащили мешки в другую комнату, но делать больше было нечего. Мы решили посмотреть фотографии. Некоторые мы показали Шпису, весьма любезному кавалеру. Потом и доктор появился в дверях, но особого интереса он не проявил. Детям Шписа мы подарили яички *[крошечные пасхальные фарфоровые, может, даже с перегородчатой эмалью — были у нас до войны и такие яички]*, очень ему понравившиеся. Я прочла страницу немецкого яз., потом мы сходили за картошкой. Принесли около 20 кг и, когда уже шли обратно, то видели издалека, как доктор садился в машину. Между прочим, его звать Peter Putz. Да... мне как-то пришло на ум наше бедственное положение. "Мрак неизвестности", ничего определенного. Скорей бы что-нибудь положительное, определенное!

Сегодня день папиных именин. Но его уже нет.

28/II. Schwester только что уехала. Вот еще этап жизни, и жизнь здесь, у Сестры, ее некоторая оригинальность и расставание. Возможно, что мы ее больше не увидим. Шпис помогал завязывать ей мешок. Уезжает она куда-то за Печоры. Мы же собираемся каждый день ехать, но нет лошадей. Сегодня последний день масленицы, и Андрей потребовал блинов, которые уже испечены. Маленький Антоний Падуанский *[кого-то мы так окрестили*

между собой] сделался очень любезен. Вчера он дал нам с Зосей по конфетке, а сегодня принес стаканчик ликеру.

Муттер *[от нем. Mutter — мама]* сделала сейчас очередное "благодеяние". Пригласила Зину спать у нас в комнате. Вероятно, опять "ради бедственного положения". Этим происшествием страшно испортилось наше настроение. Но тут пришел Тони и, увидав у нас такой бедный свет, принес прекрасную белую свечку, потом Зосе — роман. А через некоторое время он принес бутылку ликера и угостил всех нас. Затем явился прекрасный Шпис и занялся серьезным разговором. Но доктор не приходил. Бабушка Дуня говорит, что он был как-то расстроен, замерз и чуть ли не в самую печку совал ноги. Спать мы легли довольно поздно, зато утром проснулись поздноватисто.

Что это за пятизначный номер 29875 внизу, в углу страницы? Почерк не сестры. Номер части? Что-то продлить? Какая наивность... Но все-таки — знак, код к прошлому...

29/II. Сегодня много людей уехало на машинах, но мы не поспели. По всей вероятности, поедем завтра. С Софьей Артемьевной плохо, у нее колит. Доктор был сегодня, смерил температуру и дал таблеток. Он написал записку, что она очень больна и что, может быть, ей можно лечь в больницу в Печорах. Его Gro?mutter *[нем. — бабушка]* из Голландии, и Зося стала говорить ему, что в нем в общем мало немецкого. Я же проговорила, что, может быть, ему это неприятно, возможно, что он горд своим немецким происхождением. Он смеялся. Но вообще в нем ничего особенного нет. И, как Зося сказала однажды, он выигрывает от вечернего света.

3/III/44. Ну-с, мы путешествуем на перекладных, только не в тройку, а в одну деревенскую лошадь, и не по 30 км в день, а по 10.

Рассказывая все по порядку, дело было так:

30-го утром около 9 часов уехало много на машинах, но мы не поспели. Мы очень беспокоились, так как говорили, что людей не везут, они должны идти пешком. Утром приходил доктор, но ничего нового не сказал. Да, я забыла сказать, что 29-го вечером приехала Schwester. С ней вышла путаница. Надо было ехать пленным докторам, а послали ее. Ее приезду мы были очень рады, она внесла в нашу жизнь какую-то энергию. Итак, собрали людей на площади, в том числе и нам приказали. Пошли только я и Зося. Мы взяли противогазы *[в качестве сумок]*, немного хлеба и вы-

шли. Нервы были несколько расстроены, мы плакали. Но дорога не была уж очень ужасной. Пришли мы около шести часов в "Магду", в школу. Меня ужаснула окружающая обстановка. Темное здание школы, вокруг кучами сложены вещи, костер, на котором варится еда, силуэты незнакомых людей. При всем этом мы узнали, что мама, Андрей и все остальные проехали дальше за восемь километров. Зося плакала навзрыд, я ей вторила.

Лиля, та, у которой родился ребеночек, предложила нам остаться и переночевать. Но мы думали все же идти. Сделав сотню шагов и не зная, куда идти дальше, мы поворотили обратно к школе. Нас приютили и повели в самый угол. Людей была тьма. Некуда ноги было поставить. В углу даже сесть было невозможно. Поев хлеба, мы уже стали подумывать о сне, как вдруг стали говорить, что приехали машины. Мы как можно скорее выбрались на улицу и узнали там, что мама, А.М., Б.Д., С.А. и Schwester едут в этих машинах. Их сопровождал Max, с нами работавший. Они хотели здесь же сгруживать, Зося и я уговорили их ехать дальше, как это сделали утром. Мы хотели сесть на машину, но все было так полно, что невозможно было руки просунуть. Здесь же, около машин, стоял один офицер, к которому мы обращались с вопросами: куда? как мы поедем? Он же очень старался, чтобы мы сели на машину и, несмотря на ужасный холод, отстегивая покрышку, пихал мешки и говорил с сожалением: "Alles ist voll" *[нем. — "Все полно"]*.

Он стал меня подсаживать, но т.к. мешками был завален вход, это было невозможно. И, когда мы удалялись от автомобиля, он говорил: идите zu Mutter, идите zu Mutter *[нем. — к маме]*. Мы стали ему рассказывать, что здесь едет больная женщина, с больным желудком. Зося стала припоминать, как называется болезнь ее. "Колит", — подсказал он. Оказывается, он понимает нечто в медицине. Матвей попросил хлеба, и Зося отдала ему наш. Причем все это она рассказала этому немцу, прибавив, что он маленький и не понимает, что нужно немного терпеть. Он спрашивал, есть ли у нас еда, что он мог бы принести чего-нибудь горячего. Мы сказали, что у нас всего достаточно. Было темно, холодно, и, пожелав спокойной ночи всем, мы пошли спать. Конечно, наше ложе было из ряда вон плохо. Голова была точно в тисках, ноги лежали на ногах какого-то дядьки. Я уже дремала, как вдруг услышала, что Зося с кем-то разговаривает. Оказывается, это был тот же самый немец, принесший бутерброды и сыр. Как это мило все-таки. Мы решили, что это Провидение Господне.

5/III. Боже мой! Что за жизнь! Schwester опять нет. Она только что уехала с тем, чтобы, может быть, мы ее никогда не увидим.

Мы решили остаться в Эстонии. Это было возможно только благодаря нашим финским паспортам. *[Сестра ошиблась. Паспортов у нас тогда еще не было, но в метриках была указана национальность отца — финн.]*

Сюда мы приехали три дня тому назад. Поместили нас в школе. Мы, кроме Зоси, ехали на лошади. Они шли очень медленно, зашли в один дом, там их накормили щами и пригласили вечером слушать радио. Я отправилась вместе с ними. Нас угостили чаем и сидром. У того хозяина мы встретили дяденьку, говорящего на многих языках. Он советовал остаться здесь, рассказывал о житье за границей. Но русское население должно двигаться дальше и, таким образом, Schwester и С.А. уехали от нас. Мы должны будем здесь работать у крестьян. Какова работа, мы не знаем. Зося говорит, что она чувствует некоторый ужас, здесь, в этой деревне, среди людей, язык которых не понимаешь!

Здесь я хочу прервать Дневник сестры и вписать то, что сохранилось в карандашных строчках моей крошечной записной книжечки (10,5 см х 5 см). На первой страничке: "Эта книжка подарена мне папой ко дню получения похвальной грамоты. 8.VI.40 г."

4/XI/43. *Мы на Чудском озере. Только что вышли из реки Эмбы, на которой стоит Юрьев. Сейчас хорошо. Немного качает, свежо, солнце справа ярко светит, не грея, блестя везде и особенно в одной полосе, которая движется справа от нас; это точно дорога, на которую дождь из серебра...*

На небе чайки блестят и чернеют. Я ужасно плохо перенесла качку, так тошнило, болела голова — ужас.

10/XI/43. *Сейчас семь часов, мы на берегу озера и ждем лодок, которые должны нас отвезти на тот берег, где мы должны будем работать, рыть окопы. Но пока бестолковость, и мы стоим, сидим, толчемся, чтобы согреться.*

15/XI. *Сегодня холодно, ветер, отсутствие солнца. Работа — нагружать на лошадь, пилить дрова. А сейчас мы греемся.*

16/XI. Дождь, и мы сидим в сарае, зарывшись в солому.

29/XI. Завтра мамино рождение.

8/XII. Работа далеко от дома. Страшно жарко, устала. Немцы очень хорошенькие [это были совсем мальчики].

17/XII. Хотела бы передать привет Гансу, но не хватило храбрости. У мамы потеряны кольца [обручальные, папино, и ее, мамино], будем их искать. Это очень печалит нас — перед Рожеством [такая орфография!]. Если найдем их, то многие планы будут выполнены.

24/I/44. Мы еще на острове, работали за Шартовым. Сейчас обед, сидим в избе, только что съела завтрак. Тут в комнате стены оклеены газетой, посвященной Марии Ундрер, эстонской поэтессе. Вчера нам выдали некоторые вещицы: мотыгу, поясок, стакан, пуговки.

27/I/44. Мы еще никуда не уехали, хотя в общем, так это и должно [запись обрывается].

29/II/44. Нас гонят из Võbs'a, и мы идем и идем, я устала ужасно, все тело, как отбивная котлета. Я иду и плачу: мамы нет, друзей нет, в будущем — судьба вечных жидов. Сейчас пришли в место за 40 км от Võbs'a. Здесь сидят люди, увезенные еще позавчера. Здесь большая школа, в которой на полу, в лежачем и сидячем положении [пропуск]. Я пишу так спокойно, потому что сейчас приехали машины и в них мы увидали и поговорили с мамой. Вместе тоже едет и Schwester. Это, конечно, очень счастливо. Кроме того, я поговорила сейчас с одним офицером, который утешал и в результате успокоил меня. Бог даст, и мама и мы проспим эту ночь.

1/III/44. Ночь проспала я кое-как или, вернее, почти не спала. Поздно вечером, когда я уже задремала, чей-то разговор вывел меня из сонного состояния. Какой-то немец спрашивал дочерей профессора. Я догадалась, что это мы. С большим трудом я добралась до двери. Оказалось, это тот самый немец,

который утешал нас, принес нам еды. Он принес полбуханки хлеба, из другой полбуханки были сделаны для нас по два бутерброда с сыром, потом тюбик еще сыра и два кусочка сыра настоящего. Конечно, я была очень благодарна ему и не столько за еду, как за внимание и заботливость. Он останется в памяти как вечерний незнакомец. Сегодня утром все, пришедшие вчера пешком, должны были пойти пешком, но я чувствовала себя настолько плохо, что решилась ждать лошадей. И, когда приехали лошади, я поехала с ними. Здесь очень красивый ландшафт: холмы, близко расположенные друг от друга, поросшие лесом.

2/III/44. *Утро, только что встали. Все нам говорят, что эстонцы — жестокий народ, не любящий русских, но сколько мы ни встречали эстонцев, они все очень хорошо относились к нам. Вчера, например, т.к. не было места, то хозяйка сказала, что она нас устроит. И действительно, мы спали на кровати, с пружинным матрацем, на белой простыне, на мягкой подушке, в тепле, под легким одеялом. Мы разделись и изумительно проспали ночь. Утром сегодня мама даже пришла нас будить, мы только что проснулись. Спали великолепно. За все три месяца, мне кажется, это первый раз я так спокойно спала.*

12/III. Сейчас только что передавали по радио речь погибшим героям. Сколько умирает людей ни за что, ни про что. Все время передается, что русские идут вперед, а население, которое застают в занятых местностях, расстреливают или увозят в концлагеря. И вообще совсем не чувствуешь удовольствия слушать русское радио.

13/III. Понедельник. Сегодня мне приснился странный сон. Будто бы немцы повесили Schwester за то, что бабушка ее еврейка. Ее положили в гроб, а мы все пошли искать цветов. Но могла найти только зелень. Не случилось ли с ней чего-нибудь?

Завтра будет неделя, как мы живем у этого хозяина. Сейчас никакой большой работы нет. Он занимается садоводством, но говорят, что человек он нехороший. Эти дни у меня было отвратительное настроение. Может быть, оттого, что мне нездорови-

лось. Дальнейшая перспектива жилья, несколько неприятный хозяин — все довольно непривлекательно. Кроме того, моясь в субботу в бане, я обнаружила, что на мне нет креста. Это судьба, но маме я все не могла выбрать удобного времени сказать. И сегодня мне захотелось порыться около сучков, может быть, он там упал. И, слава Богу, я все нашла: и цепочку, и крест. К сожалению, вышла очень неприятная история с маминой пропиской. Оказывается, хозяин, у которого они жили эту неделю, ездил вчера к констеблю, к которому мама ходила сегодня утром, и сказал ему, что он ждет родственников и потому прописать не может. Констебль сначала вообще не соглашался прописывать здесь, но потом сказал, что мы должны к завтрашнему числу найти квартиру и тогда возможна прописка. Маму все это очень взволновало, она даже плакала. Вчера мы ходили вечером домой *[в дом, где жила мама?]*, и я вымыла голову, а сейчас пишу и боюсь, вдруг войдет хозяйка.

14/III. Вторник. Вчера вечером мама приходила к нашему хозяину и спрашивала насчет прописки у него. В конце разговора он согласился, но с тем условием, что у него будут работать мальчик и девочка. Для кого-то другого надо будет найти другое место. Но я бы думала, что сейчас пока поступать *[на работу к другому хозяину]* не стоит: придет лето, так там отдыхать некогда будет.

Дяденька, который говорит по-немецки, сказал вчера маме, что в Валках *[железнодорожная станция Валк недалеко от Выру]* большое скопление народа и из-за болезней они не могут двигаться дальше.

23/III. Ой, как давно я не писала! Но все не было желания писать. После того, как выяснилось, что мы можем прописаться у Кютта, мама ездила к префекту в Võru просить позволения тут остаться. Там позволили, и мы на другой день ходили к констеблю получать паспорта.

День был очаровательный, настоящий весенний день. Видимость была прекрасная, и, куда ни упадет взгляд, везде солнце, лес, пригорки, деревеньки, хутора... А там виднелся дым паровоза, и было так легко в воздухе и на душе. Надо было сделать 18 километров туда и обратно.

Когда мы пришли, он обедал, и подождали немного. Мебель в квартире довольно красивая. Нам нужно было сделать отпечатки пальцев. В паспортах он записал нас русскими. В этот же день я поехала за вещами. Следующие два дня мы питались за столом хозяина, когда однажды утром он позвал есть Андрея. "Делию" я уже давно кончила и эти дни занималась чтением "Стеффи". Сна-

чала я читала с большим интересом, но потом он ослаб. У учительницы оказалось несколько немецких книг, так что Зося может не унывать. У нее, у учительницы, как выражаются, семейная драма. Ее муж отдал сердце фрау из соседнего дома, которая тоже любит его. Кроме того, он страшный пьяница, но учительница тоже его обожает. И вот на этой почве все и происходит. Да, а бабушка Дуня живет у Lehrerin *[нем. — учительница]* в качестве кухарки или хозяйки, не знаю. Во всяком случае она очень довольна и сравнивает свое теперешнее житье с владивосточным *[во Владивостоке до ареста и расстрела зятя в 1937 г.]*. А мы позавчера разбирали у учительницы картошку, за это она обещала дать яиц. Но милейшая гроссмуттер изобразила, конечно, какие-то рыцарские чувства: "Вы оскорбляете нас, говоря таким образом. Это девочки должны быть благодарны за книги, которыми вы их снабжаете". Это что же! Три часа просидеть ни за что, ни про что *[произносится это у нас так "низашто-нипрошто"]*. Положим, от нее всего можно ожидать. Мама сменяла ей *[учительнице]* занавеску, но нам кажется, что она нас объегорила немножко.

Сегодня мама поехала в Võru выкупать продукты на карточки, которые были получены еще раньше. Что из этого выйдет, не знаю. Мама занимается с Lehte *[дочь Кютта]* и с Ari русским языком и немецким. Ари учится очень хорошо и иногда приносит или печенье или что-нибудь другое. Сегодня мы узнали, что завтра я и Зося можем пойти к Паалям и там пилить дрова, чтобы что-нибудь заработать.

Наш хозяин известен под прозвищем "Белого жида", что, кажется, говорит само за себя.

В очень кратких воспоминаниях, написанных по моей просьбе, брат, Хордикайнен Матвей Александрович, дополняет: "Кютт — в переводе "охотник". По земельному наделу (гектаров 4–5) Кютт был беден, но его громадным преимуществом было то, что он был умелец и на все руки мастер. Он соорудил над амбаром ветряной двигатель из жести — тонкого железа, имевший вид цилиндра (без крыльев, как у ветряных мельниц, а некий цилиндр с захватом воздуха) и, благодаря этому "ветряку", он имел электричество, мельницу, пилу и пр. Все это помогало ему дополнительно зарабатывать, и он жил неплохо".

Кроме того, Л. Кютт, как мы бы сказали сейчас, был производителем монокультуры: он выращи-

вал раннюю клубнику и аккуратные прямоугольные корзиночки отвозил в Тарту или в Таллин уже ранним летом.

Может быть, именно эта нечастая техническая одаренность вместе с коммерческой предприимчивостью и отторгала соседей от Л. Кютта.

Вообще он не пользуется расположением округи. Я не понимаю, как можно при достаточных средствах так питаться. Положим, они, может быть, уже привыкли. Во время того, как я пишу эти строчки, приехала мама. Она привезла хлеб, мясо, горох, сахарный песок, соду, мыло, крем для лица и две книжки с картинками хороших художников.

26/III. Воскресенье. Вчера и позавчера мы пилили дрова у Пааля. В первый день были сосновые дрова, а вчера — береза и толстые. Воодушевленные каким-то заработком, мы пилили целый день и усталость не чувствовали. Ели мы у них и, кроме того, получили 17 яиц, кувшин молока в оба раза, кусок в 1,5 кг ветчины и 1,5 кг белой муки. Все-таки это нечто.

Эти дни я тоже стала заниматься историей, Петербургом, ну, и немецким. Зося читает Кнута Гамсуна и вообще занимается. Сегодня ничего особенного не делала. Здесь запрещено в воскресенье работать, и я читала Толстого "Утро помещика", "Записки Нехлюдова", "После бала". Очень хотелось бы прочитать "Детство" и "Отрочество". Вечером танцевали с Лехте школьные танцы. Смеялись, хотя весело не было. Как-то устали. Около семи часов вечера хозяин сказал, что видны огни, наверное, бомбят Тарту. Мы вышли посмотреть. Действительно, в воздухе висели красные огни. В это время пролетели самолеты. Я не была уверена, что это немецкие самолеты. Сделалось как-то жутко: все-таки умереть страшно. А сколько умирает на свете людей в теперешнее время?

Мама занимается чтением графини Клейнмихель, которая описывает Россию, Варшаву. Книга эта на немецком языке.

28/III/44. Конец этой книги довольно печален. Он охватывает период революции, и Клейнмихель не один раз говорит, сколько людей погибло, молодых прекрасных людей. Да, а сколько погибло и гибнет теперь? Я думаю, что в конце концов хороших людей совсем не останется.

Вчера передавали по радио, что те люди, которых застанет Красная Армия в занимаемых местностях, частью расстреливаются, частью увозятся куда-то, а часть посылается откапывать ми-

ны, причем нередки случаи смерти. Все это весьма похоже на правду.

Вот уже несколько дней, как я довольно усердно занимаюсь историей, немецким, Петербургом. Сегодня мама купила у хозяев картошки и свеклы. Vana ema *[эст. — бабушка]* — замечательная бабушка, ее доброта даже необычайна. То она кусок булки даст, то стакан молока и скажет: "Скорей!" Теперь Lehte посылается в кухню за ней наблюдать. Но что здесь плохо, так это то, что они не кормят собак. Завтра постараюсь описать день с утра до вечера.

30/III/44. Встаем около семи часов. Зося *[занята]* приготовлением завтрака, я делаю кровать, моюсь, а после еды занимаюсь. Мама и мы с Зосей возбуждены чтением Kleinmichel об "исчезнувшем мире". Да, это так, исчезнувший мир. Это чтение не приносит желаемого успокоения, слишком эта книга высока, аристократична — графы, князья. И на фоне той жизни наша жизнь должна казаться уж совсем чем-то мизерным. Но нет, совсем это нежелательно, я не могу представить нас в виде плебеев, о которых с пренебрежением они думали, может быть.

11/IV/44. Первая Пасха без папы. Перед Пасхой мы достали работу в деревне — пилить дрова. Два дня мы пилили, с половины девятого до семи часов вечера. Все березовые дрова и толстые. Но, к нашему удивлению, руки не очень уставали. Получили мы за это 14 яиц, килограмм манной, 550 граммов масла, кг — творогу и молока. Но мы думаем, что у Пааля нам дали лучше. Мука белая у нас была, а творог мы попросили достать учительницу. Но, когда встал вопрос печения *[кулича]*, то у нас не оказалось дрожжей. У учительницы мама достала два кг муки, но для нас этого было мало, и в пятницу, после церкви, я и Зося пошли к Лене, тоже беженка, но эстонка, спросить, нет ли у нее. Так было обещано на следующее утро. У хозяйки мама выменяла ножи на два десятка яиц, а от учительницы прислали творог, попросив тоже ножик. Ну, да ничего, хорошо, что достали.

А в пятницу утром, к 11 часам, я, Зося и Матвей пошли в лютеранскую церковь за шесть километров, немного устали, потому что шли очень быстро, боясь опоздать. В церкви было очень холодно, и мы очень замерзли еще до начала службы. Играл орган, вся церковь пела, священник в своем чёрном облачении, с белым бантом, и серебряным крестом на груди, светлость храма — все это мне довольно понравилось, если бы *[не]* публика — все молодые девушки эстонского типа. Вся служба шла на эстонском языке, так что понимали довольно плохо.

Вечером Зося с Андреем ходили к Paalu, купили яиц и молочка, и они подарили им еще ливеру. В субботу мыли у хозяев полы, и они дали нам студня и молока.

В Пасху утром мы оделись в светлые платья, привязали яички *[дореволюционные, крошечные, сантиметра в полтора, как кулончики]* и приступили к завтраку. Кулич был вкусен, но лучше всего была творожная пасха, не в форме, правда, а в компотнице.

16/IV. "Мне минуло 16 лет!" Шестнадцать лет! Сегодня же и русская Пасха. И сегодня же должен приехать один господин, чтобы нанять кого-нибудь из нас в пастушки. Он довольно благообразного вида, хотя слава о нем не блестяща. Он пришел с Александром, который был у нас как-то вечером и с которым мы беседовали до 11 часов. Александр рекомендует себя другом того человека. Но когда мы спросили, что бы он мог дать *[за работу]*, он ответил, что 100 кг зерна, 20 кг мяса и теплое платье. Мама сказала, что этого мало, и мы порешили, что мама, расспросив соседей, что и как, в среду придет к нему с окончательным решением. Дай Бог, чтобы все обошлось бы благополучно и поскорей были бы поставлены точки над i. Как-то пройдет этот год!

23/IV. В четверг приехал за мной от хозяина работник, и я поехала на новоселье. Хозяин — это брат Ирены, соперницы учительницы. Семья состоит из пяти человек и работника. В первый день я мало чего делала, хозяйка угостила конфетами. Я играла в домино с Тию и Вийве. Зато другие два дня были совершенно заполнены, и даже читать не было времени. Моя работа состоит главным образом в таскании воды для коров, соломы и сена, каждый раз по шесть больших корзин, и кормления зайчиков, кроме того, сучки таскать и другие различные работы. Встаем в пять часов, и сразу же начинается работа. Хотя работа в общем нетрудная, но к вечеру устаешь все-таки. Еда не из особенных, но сытым быть можно. Сегодня воскресенье, и утром в половине восьмого я и бабушка поехали в мейерей *[так!]*: она сдавать молоко, я — навестить домашних. Дорога была очень плохая, и ехали мы полтора часа. Vana ema сказала мне, что я должна прийти через час, так я поняла, но когда я пришла, то оказалось, что надо было в час прийти. Ну, дома я пообедала, съела печенье, которое мне дала vana ema, сделала гоголь-моголь, и мама с Зосей взялись меня проводить, но оказалось — опять рано, и уж окончательно я пошла в половине третьего, но все-таки нарвалась на еду, и меня угостили кофе.

По приезде я занялась всякими делами и вот теперь пишу. Да, между прочим, вчера принесли листовку от имени немцев и на не-

мецком языке. Главный смысл заключается в том, что Гитлер — преступник в политике, что война проиграна, что немцы потеряли сотни тысяч солдат и положение таково, что война может пойти на немецкой земле. И что выход из окончательного разорения Германии и погибании других миллионов немцев может быть в окончании войны и отречении Гитлера, и подписано "Свободная Германия". А, я забыла — от Муси получено письмо, в котором она пишет, что Тарту бомбят, что у нее обнаружен катар желудка и, по всей вероятности, ее увлечение Альбертом *[не дописано]*.

28/IV. Сейчас идет большой дождь, и потому я не могу копать грядки. Первый раз копала 25. Вчера стирала белье, кажется, что вышло ничего. Занятия мои довольно посредственные. Но зато я прочла несколько нумеров *[так!]* "Нивы". Хозяйка взялась вчера учить меня доить, но я еще ничего не понимаю. Хозяин уехал рыбу удить.

30/IV. Сегодня воскресенье, но домой я не поехала, т.к. молоко они не возили. Утром пришел так наз*[ываемый]* Федька, и до обеда мы играли в карты, причем я осталась девять раз дураком. Но было довольно весело. Мужчины довольно напились, так как Федька собирался уходить от своего хозяина, а тот, чтобы его оставить, угощал всех водкой. Мишка *[работник]* пришел вчера вечером вдрызг пьяный. В общем, я ничего за день не делала.

1/V. Сегодня Первое мая. День прекрасный, особенно по сравнению с предыдущими. Солнце и голубое небо. Сейчас не знаю, что делать, но вообще хозяева тоже склонны праздновать этот день.

7/V. Суббота. Сейчас только что пришла из бани.

В четверг я разграбляла землю в саду, как вдруг увидела, как во двор въехала телега с двумя женщинами. Оказалось, что это мама с провой *[от эст. prova — госпожа]* из мейерей. Мама приехала меня проведать. Ну, я, по обыкновению, была дика и не проявила должного восторга. Мама пробыла до трех часов. Мой угол нашла очень милым. Я просила прислать мне кое-что из белья в пятницу, когда поехал Михель. Вместе с вещами она *[мама]* прислала письмо, в котором укоряла меня в отчуждении от семьи. Ну, это, конечно, совершенно неверно, потому что я ведь "очень люблю" всех домашних. Да, в письме еще говорилось, что я не пользовалась случаем писать домой. Ну, все это надо принять к сведению. Тут недавно хозяин получил письмо от одного из солдат, которые стояли у него в доме. Ну, мне пришлось его переводить и писать ответ. Воображаю, сколько там было ошибок! Дома

все благополучно, бабушка Дуня вернулась от учительницы и необычайно растолстела. Андрей так же валяется по утрам, и его не добудиться. Мама с Матвеем разбирали два дня картошку. Я вчера была занята сортировкой семян с Михелем и все время ела горох. Сейчас хочу еще почитать немецкий язык без словаря, так как его нет.

7/V. Хочу пописать, да не знаю что. Прочла одну *[неразборчиво]*, большую часть поняла.

8/V. Сейчас прочитала несколько глав из катехизиса. И вот вспомнился кригсфарер, его обедни, проповеди. Это были прекрасные дни. Почти всегда хорошие летние или весенние дни, голубое небо, мелькавшее среди деревьев. Садовая улица, прямая, напоминавшая Пушкин, и настроение должное, конечно. Я помню, мы шли однажды с богослужения домой, когда уже не было папы. Мы разговаривали о чем-то, и мной овладело мерзкое настроение — жизнь казалась такой мелкой и глупо-противной, а вместе с этим — жизнь, другие люди, хотя бы кригсфарер, такой полный *[Духа?]* и прекрасный. Где-то он? Schwester была с ним хорошо знакома, но отзывалась о нем как-то странно. Положим, ее суждения вообще были весьма оригинальны и для меня не совсем приятные. А где она? Положим, она особа криминального свойства *[?!]*.

13/V. Суббота. Сегодня год со дня смерти папы *[папа умер 14.05.43 г.]*. Целый год мы прожили без него и сколько пережили! Теперь здесь, в Эстонии, влачим свое существование, и уже опять слышны отдаленные выстрелы. Сегодня и вчера стоят прекрасные летние, даже жаркие дни. С меня почти все время льет пот градом. Только вымыла комнату, еще надо крыльцо.

14/V. Воскресенье. Сегодня с утра я пошла домой, причем очень плохо зная дорогу. Несколько раз я останавливалась, не зная, по какой дороге идти, но все-таки добралась до дому. Погода очаровательная, все время лес, песчаная дорога и крики кукушек. Я выглядела, наверное, весьма приличной девочкой: в розовом платье, в носках и черных туфлях. Сегодня годовщина папиной смерти.

15/V. Сегодня Зосины именины. В этот день год назад она ходила к патеру... на первый день папиных похорон.

Я терплю адские муки от жары, особенно когда даю солому коровам и подкладываю дрова. Вчера я прочла роман Уэллса "Жена бродяги". Очень интересный и занимательный роман. До-

читывала я его уже здесь. Я пришла в шесть часов вечера, так что коровам солому не давала. После ужина я читала немного, а потом пришел "Герка", мальчик из Пскова.

Зося тоже приходила вчера. Она немного побледнела, так как мало ест, а работать много приходится. Она рассказывала о молодой хозяйке, жене брата хозяина, которая теперь живет у них. Она много страдает со стороны бабушки, которая все время ворчит и является семейным деспотом. *[...]*

18/V. Сегодня какой-то праздник, кажется, "Освящения полей". Сегодня второй день, как я пасу и свиней. Если бы так всегда было, то было бы неплохо, так как во время пастьбы можно читать. Занятия как-то еще не наладились. Эти дни занимались земляникой.

21/V. Воскресенье. С утра до десяти часов я пасла животных, а потом читала немецкий роман. Погода стала холодная, я все время зябну. Уже вечер. Какая-то пустота. В общем, я собой недовольна. Это главным образом оттого, что, пася скот, у меня остается время от тех чтений, которые я положила себе прочесть, а дальше книгу читать не хочется. Ну, теперь буду брать больше книг.

Так как я пишу это для себя, то должна написать о моих теперешних, шестнадцатилетних чувствах. Тот доктор, с которым мы случайно познакомились в Võbs'е, остался у меня в памяти, и воспоминания о нем возбуждает какое-то томящее, грустное, тоскующее чувство. Как я уже писала в другой тетрадке, он вызывает желание чего-то другого, другую жизнь, прекрасную и далекую. Этот период жизни в Võbs'е, вероятно, является переходной точкой нашей жизни, был полон жизни, желаний и страхов. Весь этот почтеннейший доктор, его улыбка, глаза, фигура великолепным образом стоят передо мной. Мысль о нем именно тосклива, как, положим, всегда о милом прошедшем.

Первые дни, как только мы приехали сюда, были ужасны. Все впечатления были еще так живы, а будущность темна, неизвестна... Когда мы были в Табине, то в доме, в котором мы остановились, была с нами женщина, которая пела одну песню вечером, в сумерки: "А на востоке заря догорала"...

25/V. Сегодня сажали картошку. Мама тоже приходила. Вчера разбрасывали навоз. Зосе у ее хозяев очень плохо, все время плачет и очень мало ест, нет времени сделать кровать и причесаться. Погода ужасная — дождь, ветер и холод. Читаю "Темная сила" Брешко-Брешковского — 16–19 года — Распутин.

Как только в округе узнали, что меня наняли Цено, несколько человек, эстонцев с соседних хуторов, пришли к маме и сказали ей: в этом доме ни одна пастушка (нанимают в пастухи, а работать приходится за батрачку!) не жила больше недели, и настойчиво советовали, почти требовали забрать меня. Но ведь договор, какое-то трудовое соглашение я уже подписала! И мне казалось абсолютно невозможным не исполнить своих обязательств. Я осталась.

Хозяйка была высокая худая старуха, мать Готфрида Цено. Кормила она меня впроголодь. Но чуть ли не хуже кормила она свою невестку с внуками, жену сына Вольдемара. Вольдемар получил высшее образование до войны, жил с семьей в городе. Считалось, что он все сполна получил от семьи. Теперь хутор, около 40 га, принадлежал Готфриду, и свалившаяся на них семья брата воспринималась старухой-хозяйкой, как чужие, лишние рты.

Работать я должна была без продыху, а, если наступал просвет, то vana ema заставляла меня вязать крючком кружево; самое поразительное, что у меня получались тугие, плотные узоры, так что хозяйка хвалила меня. Ни до того лета, ни после крючка я в руки не брала.

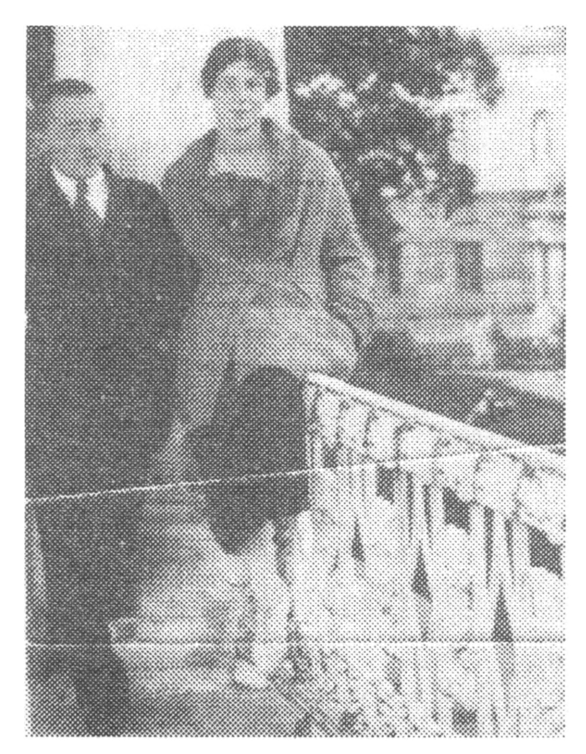
С едой постепенно приноровилась: ела картошку, которую варила свиньям, подтаскивала яйца и варила их тайком вместе с картошкой в больших котлах. Стала поспевать земляника на опушках...

Готфрид, ему было под 40, молчаливый, почтительный (или смирившийся с деспотизмом матери?) сын, был единственный полноценный работник (отец был стар и немощен) на их 40 га пашни, сенокосных полянок, болотцев, огороженных пастбищ, редкого леса... Всюду узкие гряды валунов и камней, многие жизни собиравшиеся на естественные границы этих угодий.

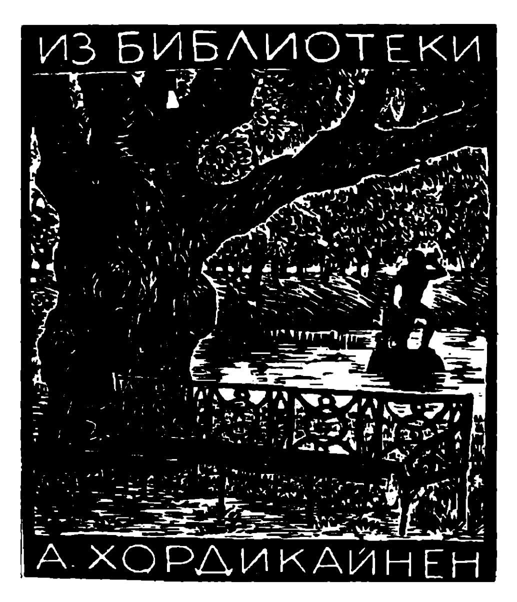
Но вот что живет в памяти: бывая в Выру по делам, Готфрид Цено привозил мне книги из библиотеки, а может быть, и брал у кого-то. Среди них был даже тонкий иллюстрированный журнал на французском языке "Le petit Parisien" ("Маленький парижанин"). В журнале было много стихов.

С.С. Высоцкая. *Конец 1900-х годов.*

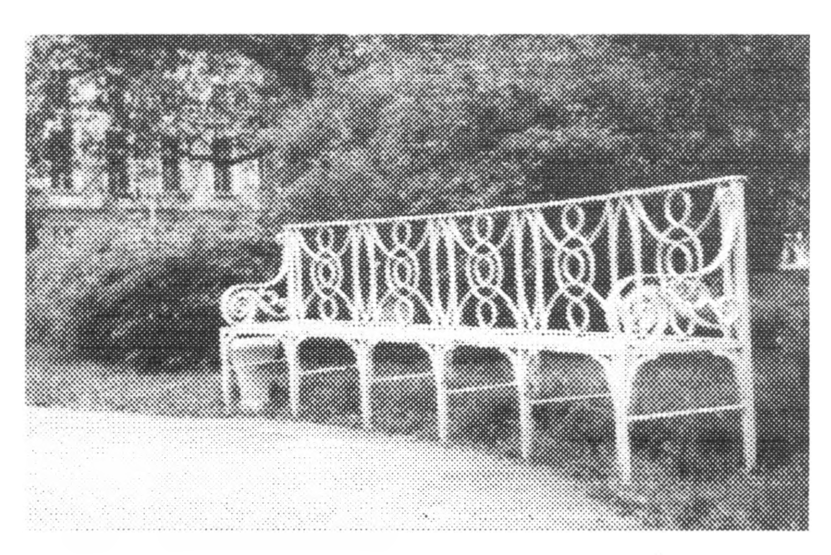
Ю.Ф. Тихомирова с приятельницами-бестужевками.
С.-Петербург, 1912.
В первом ряду слева направо: Е.В. Цинзерлинг, третья — Ю.Ф. Тихомирова.
Во втором ряду: Н.В. Педькова, пятая — С.Д. Руднева.



А.М. Хордикайнен с Е.В. Поссе.
Детское село, 1924.

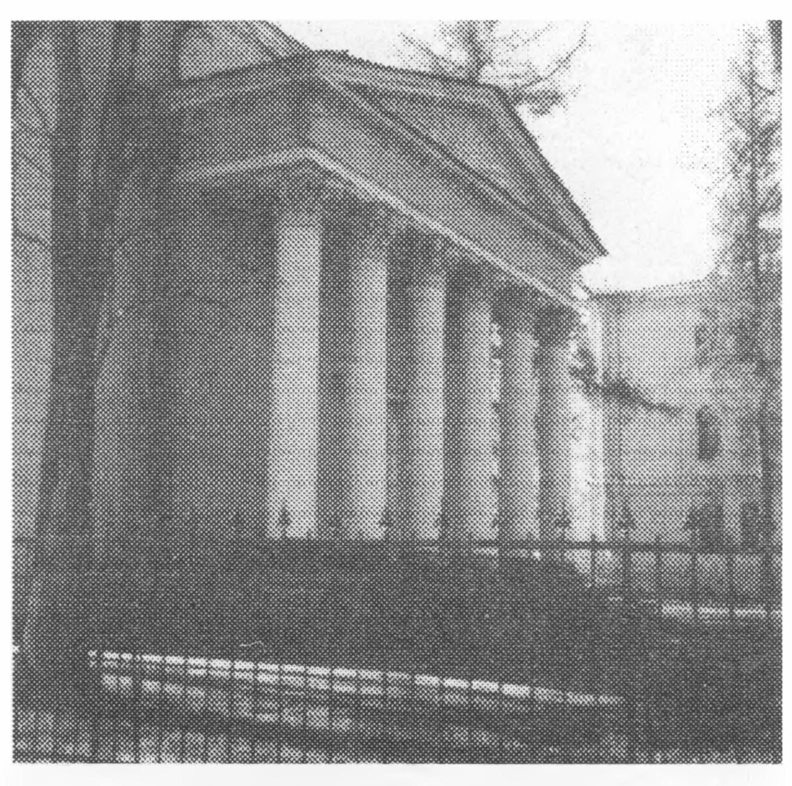


Папин экслибрис. Автор Н.К. Фандерфлит. *Конец 1920-х годов.*

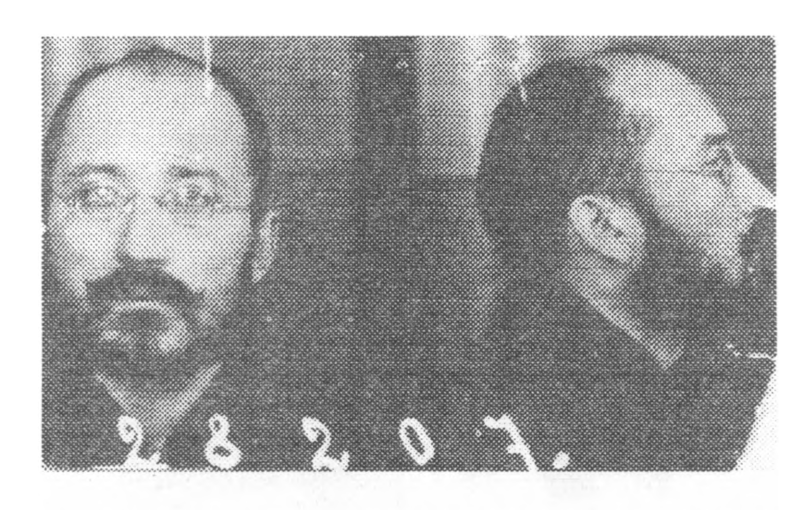


Скамья в Царскосельском парке. *Фотография 1990-х годов.*

А.М. Хордикайнен в Царскосельском парке. *Детское село, 1925.*



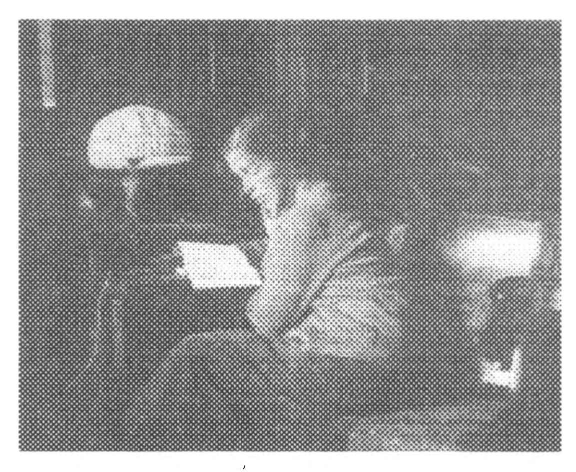
Костел в Царском Селе. *Фотография 1996 г.*



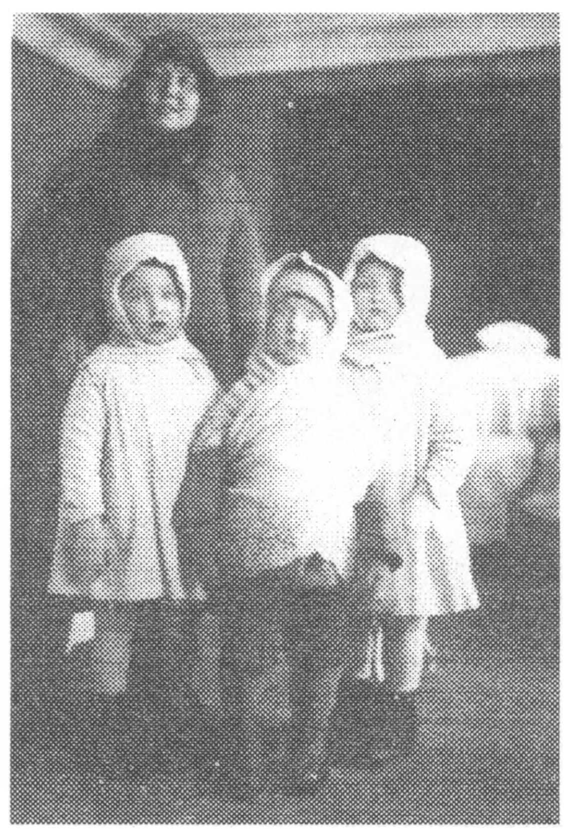
Фотографии родителей. *Ленинград, 1930.*

Их нам прислали с извещением о реабилитации родителей, как в нем сказано, «для семейного архива» из Дела № 108691 «Объединенного Госуд. Полит. Упр-я в Л-де» (сокращения в тексте!) «По обвинению гр. Святского Д.О. и других». Позже Дело родителей имеет номер 1699. Ведет следствие Шондыш, который вел Дело и Н.П. Анциферова. В Деле 108691 в одном списке арестованных с Хордикайненом и Тихомировой стоят фамилии Д.А. Золотарева, Г.А. Штерн (Гогус), которые мы слышали в детстве. Фамилия папы на третьем месте после Д.О. Святского и В.А. Козицына, мамина — последняя. Просидев с 17.III.30 больше трех месяцев в тюрьме, мама была освобождена под подписку о невыезде. Папа пробыл в одиночке девять меясцев и виновным себя не признал (см. Дело).

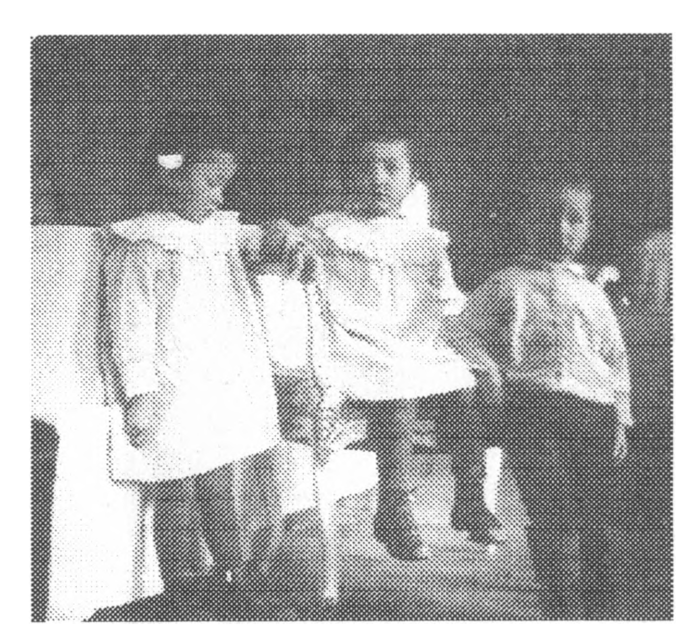
Ю.Ф. Тихомирова. *Детское село. 1930.*



Н.К. Бриммер. *Ленинград, 1931.*

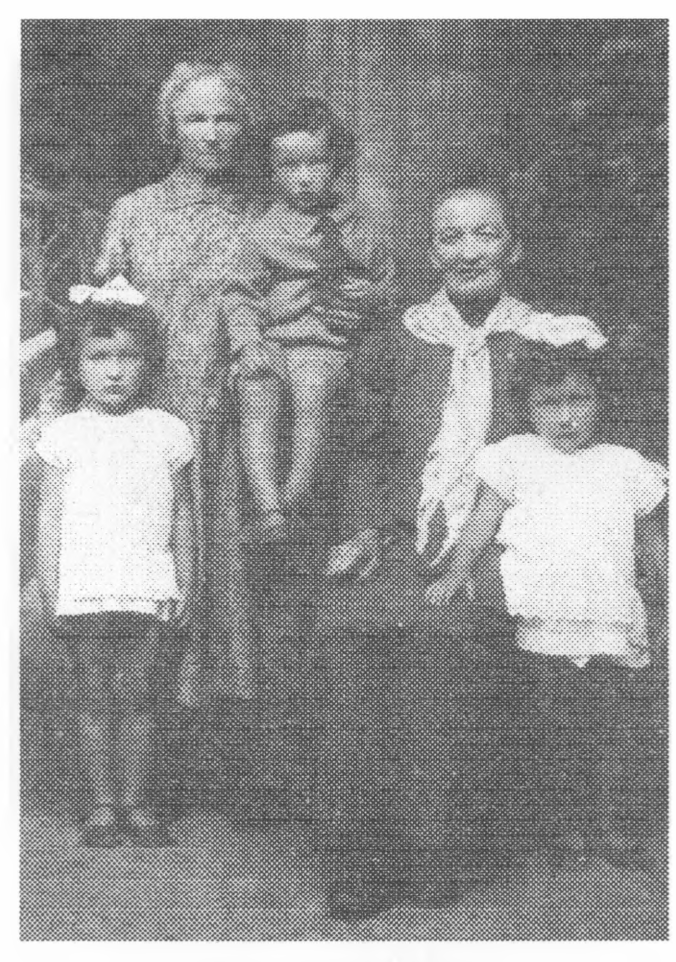


Мы с С.К. Оболикшто во время ссылки родителей. *Детское Село, 1933.*

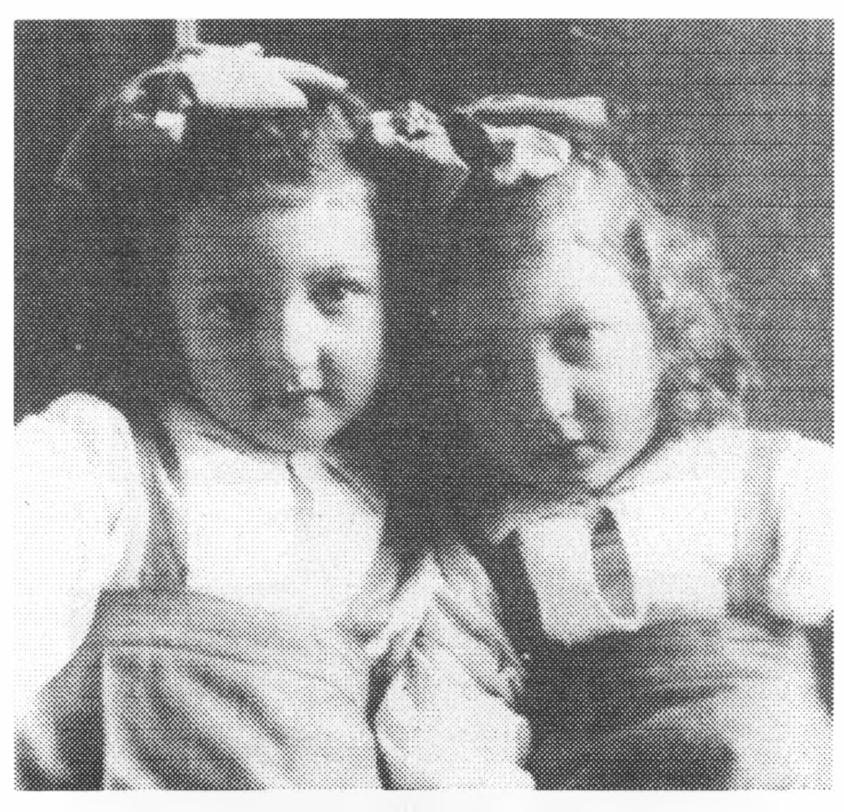


«Тихие дети». *Детское Село, 1933.*

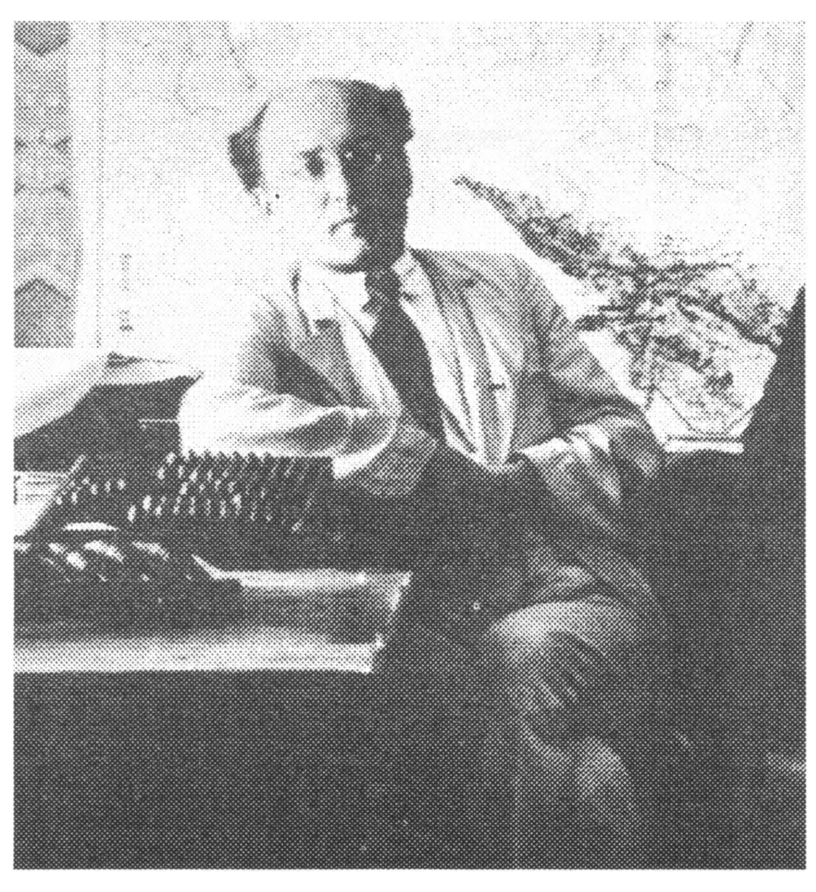
В день, когда нас навестили друзья родителей. *Детское Село, 1933.*



Фотография родителям в ссылку.
Е.Д. Тихомирова (слева) и С.С. Высоцкая с внуками. *Детское Село, 1934.*



Зося и Люся. *Детское Село, 1934.*



А.М. Хордикайнен в рабочем кабинете Гипролесхима. *Ленинград, 1939.*

Наша семья. *Детское село, 1939.*

Хордикайнен Александр Матвеевич (подписывался под статьями также *А. Х.*, *Х-н*), экономгеограф, краевед, сотр. (экономист) б. Колонизационного отд. Мурманской (Кировской) ж. д. (20-е годы — 1935). Плодовитый автор статей (несколько десятков) по различным вопросам экон. и краеведения Карелии и Кольского п-ова, преимущественно зоны Мурманской ж. д. Большое число его статей напечатано в журн. «Вестник Мурмана» и его продолжении — «Вестнике Карело-Мурманского края», «Карело-Мурманском крае» (1923 — 30-е годы), сб. «Беломорско-Балтийский комбинат» (1935), газ. «Кр. Карелия» (1925—1935) и др. Был деятельным членом Гос. Геогр. о-ва, многократно выступал с докладами в его Карело-Мурманской комис. Один из первых краеведов и экономистов, поднявших (1924) в местной печати вопрос о внимании к водному хоз. Карелии, т. е. к совокупному использованию ее водных ресурсов.

Источники: Григорьев С. В. Внутренние воды Карелии.., с. 83, 156, 237, 508, 545; воспоминания автора.

Биографические сведения о А.М. Хордикайнене.
(*Григорьев С.В.* Биографический словарь: Естествознание и техника в Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1973. С. 235.)

Семья Сидоровых. *Детское Село, 1935.*

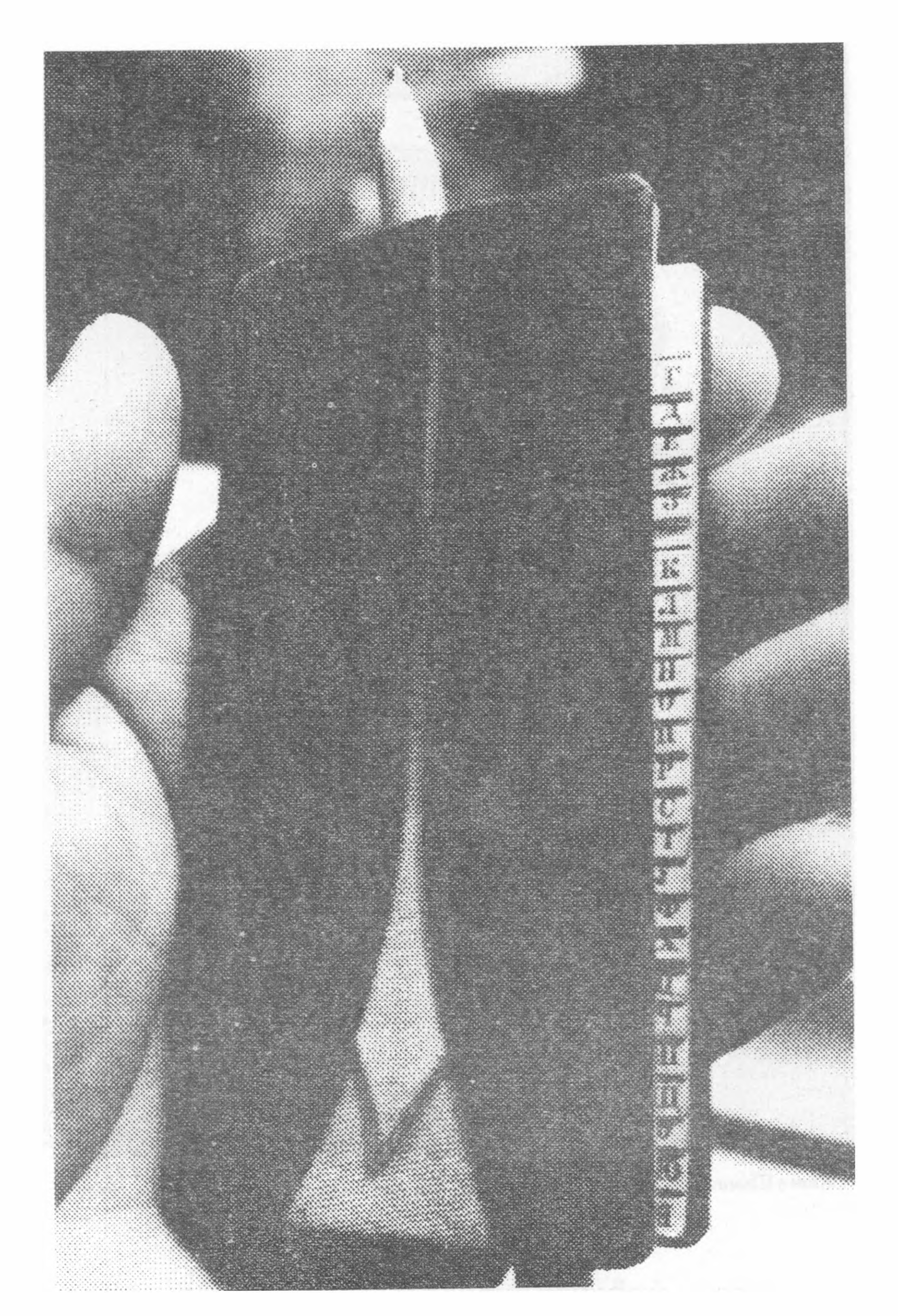
Наша семья с В.М. Базановым, маминым племянником. *Детское Село, 1940.*

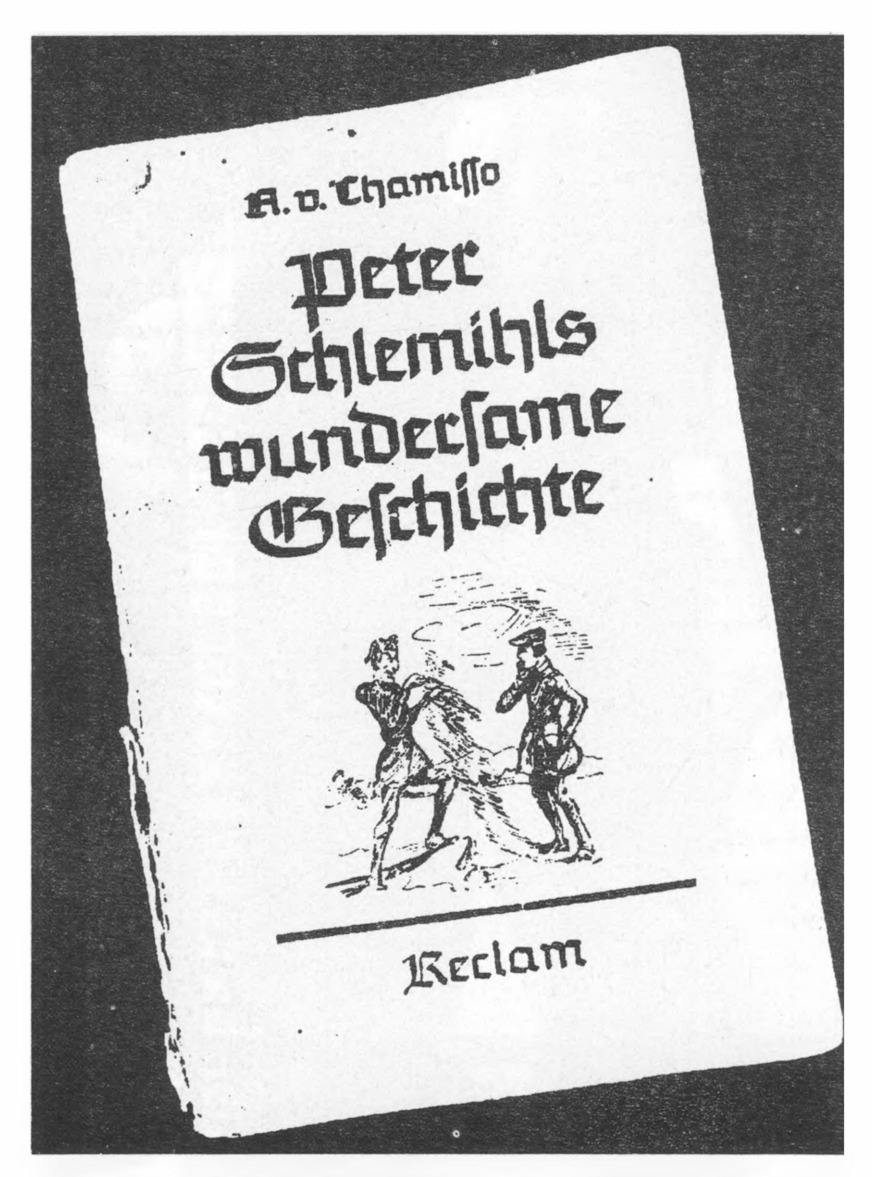
18/V

Вчера мы ходили к Марии Александровне на французский. Как только мы пришли М.А. известила нас, что Иван Михайлович Гревс умер. Это было так неожиданно! Через некоторое время приехала от них Лена. Она рассказала, что И.М. долго занимался в этот вечер и что с ним раньше случались сердечные боли и что одна из них была около 3х часов ночи. И.М. говорил, что он начинает ощущать слабость, которой раньше не было и что она для него неприятна. Мария Александровна говорила, что их дальние предки — англичане с примесью шотландской крови. Лена и после нее и мама, которая была у Гревсов 17/V, говорила, что Мария Сергеевна, как пушинка, что она очень печальна и идя она слегка покачивается. Мама говорит, что И.М. и М.С. жили ...

Страница дневника Люси Хордикайнен.

Записная книжечка Зоси Хордикайнен.





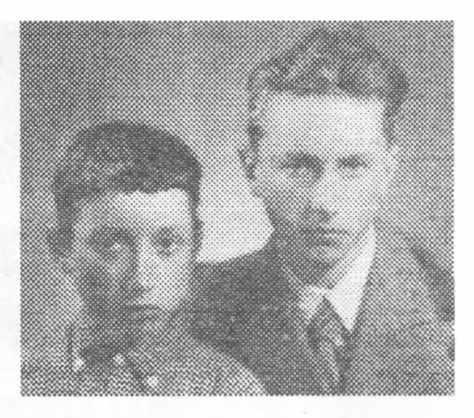
Книга Шамиссо, принесенная мне на пастбище немецким солдатом. *Эстония, 1944*.

Один из тех католических образков, о которых пишет сестра. *Гатчина, 1943*.

Ars sacra [illegible]

Wie eine Blüte
sei mein Gemüte
sowohl in Freud' als Wehe
in solcher Herzensnähe!

Андрей Хордикайнен.
Тарту, март 1945 г.

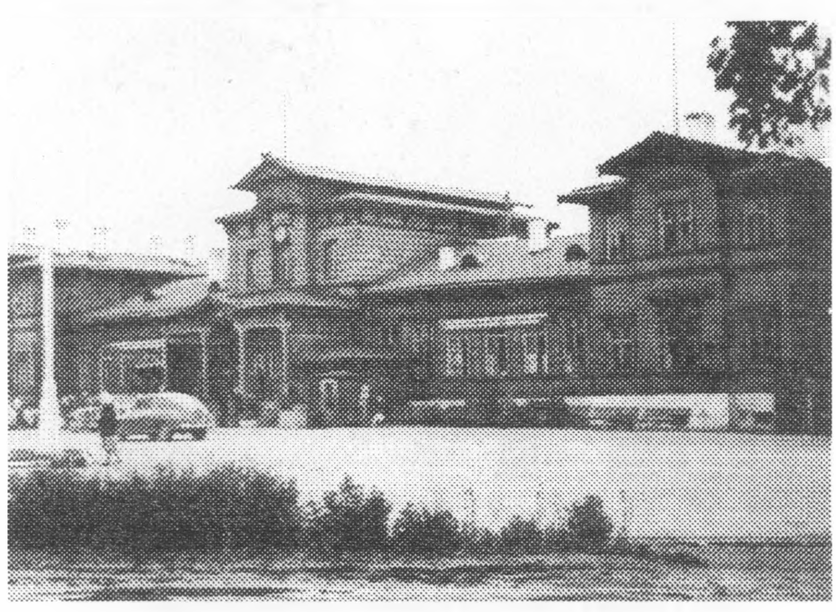


Матвей (слева) и Андрей Хордикайнены.
Тарту, 1945.

Тартуский университет. *Конец 1950-х гг.*

Люся Хордикайнен. *Тарту, 1946.*

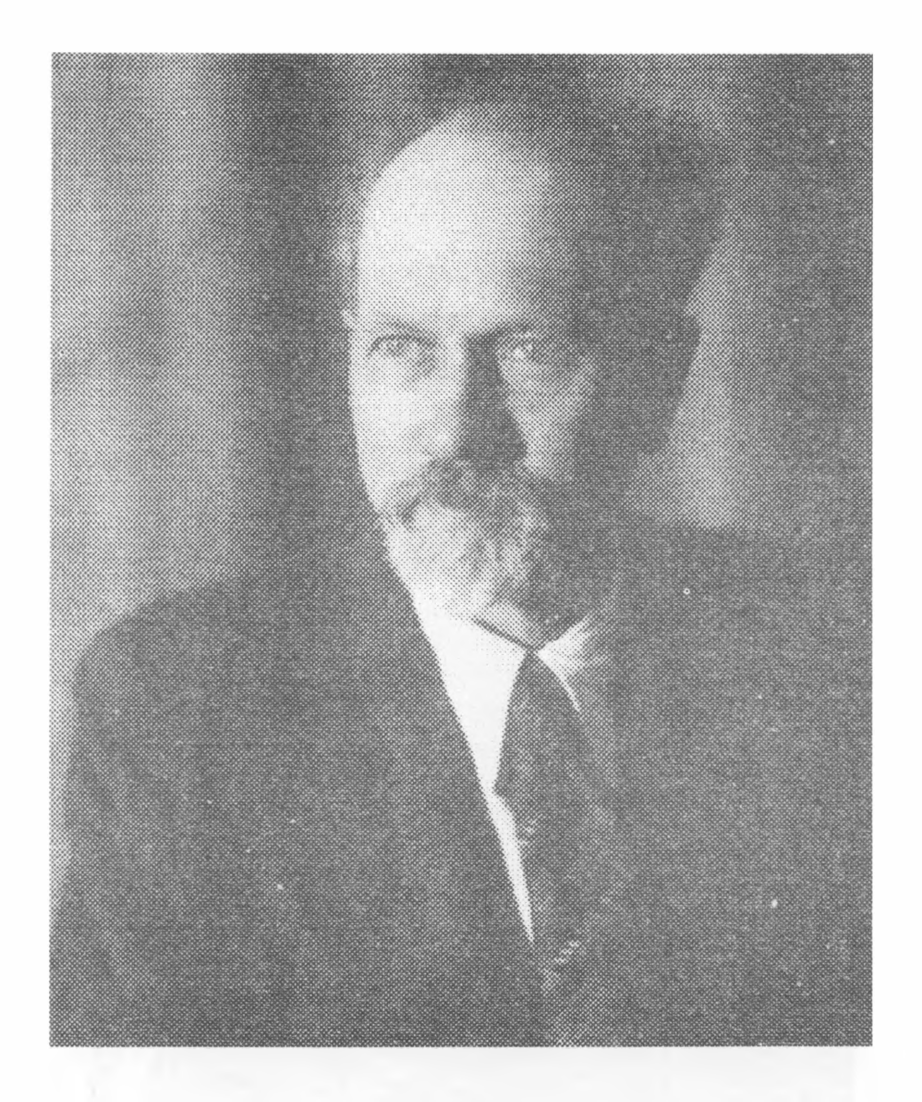
Зося Хордикайнен. *Тарту, 1946.*



Железнодорожный вокзал в Тарту. *Конец 1950-х годов.*

Ю.Ф. Тихомирова.
Тарту, конец 1940-х годов.

Здание, в котором в 1940–1950-х годах шли спектакли театра «Ванемуйне».
Тарту. Фотография 1950-х годов.



Н.П. Анциферов.

Надпись на обороте: «Милой Соничке, бывшей Зосе, на память об Н.П. Анциферове. 20 июня 1952 г.» и строки Блока, любимые Н.П.:

Сотри случайные черты
И ты увидишь:
Мир прекрасен.

Ю.Ф. Тихомирова и М.А. Хордикайнен. *Ленинград, 1964 г.*

Ю.Ф. Тихомирова. *Ленинград, 1970 г.*

Ю.А. Кривулина. *Воркута, 1973 г.*

Н.В.Педькова. *Ленинград, 1982 г.*

Н.К. Бриммер. *С.-Петербург, 1995 г.*

М.А. Хордикайнен.
С.-Петербург, 1996 г.

С.А. Нуриджанова. *Уфа, 1996 г.*

Башкирские и татарские полотенца (тастымал)
из коллекции С.А. Нуриджановой. *Уфа, 1993 г.*

На праздновании столетия со дня рождения мамы.
Слева направо: Ю.А. Кривулина, М.В. Боровская, С.А. Нуриджанова. *С.-Петербург, 30 ноября 1990 г.*

4/VI. Воскресенье. Вчера во вторую половину дня выгоняли коров, сегодня пасла их целый день. Пока ничего, не бесновались. Погода посредственная, часто капает мелкий дождик, и потому невозможно читать. Сегодня кончила "Историю культуры" Юлия Миррерта. Ради удовольствия я занимаюсь чехольцем для молитвенника и иногда беру его с собой на пастбище и два дня тому назад потеряла маленькие ножницы. Это было главным образом из-за Мури, собаки, которую мне дали для выучивания. Мури залаял на овец, они погнали в гору по отвесному склону, я за ними, бросив всю работу, позабыв их где-то. Вечером все обыскала, но напрасно. Это ввергло меня в очень неприятное настроение. На следующее утро я снова начала искать, и вдруг, о Боже! около ряда елок, где обыкновенно сидела, лежат мои ножницы. Also *[нем. — итак],* Мури ходит со мной на пастбище. Своих обязанностей он пока не понимает, ну, авось, поумнеет. Побегав, он прибегает ко мне, и я его глажу. Мури представляет собой черную собаку и, наверное, с добрым нравом. Стирала свое белье и прихожу в ужас: все ветшает и рвется. В прошлое воскресенье была Троица, хозяева пекли белый хлеб. Праздник *[Духов день]* был и в понедельник, так что мне позволено было пойти домой. Я шла прямой дорогой, что было быстрее. Хозяйка дала мне белой булки — "мамке". Я вышла в девять часов, а должна была прийти к четырем. Дома я очень много съела всякой всячины и сделала визит Зосе, меня провожал Матвей, и, когда мы подходили к дому Цено, то увидели ее, она гнала стадо домой. На ней было белое платье с моим кушаком, и, хотя она немного хромала (она ушибла ногу), но выглядела пастушкой идиллического характера. Я подождала, пока она вымыла ноги и накачала воды, и мы вошли в дом. Из сумки, которую она берет с собой, она вынула массу книг. Я взяла это себе в урок — тоже брать сумку. Бабушки не было дома, и хозяйка *[невестка, прова Вера]* накрыла на стол для Зоси и меня. Позавтракав аристократическим манером на белой скатерти и с вазой цветов, мы вышли в сад и разместились за вертящимся столиком. Вначале Sophie начала мне читать Predigt *[нем. — проповедь]* о моем поведении относительно мамы и вообще о превратном понимании добродетели. Но самое замечательное заключалось в декламировании немецких и французских стихотворений. О, я была уничтожена! Причем декламация сопровождалась, конечно, надлежащей мимикой. В половине первого я ушла от них к Kutt'y. У него очень красиво: сад, почти весь белый от цветущих вишен, и, кроме того, распустились прекрасные желтые тюльпаны. Мне кажется, что, если в раю есть цветы, так должно быть-таки тюльпаны тоже там.

7/VI. Среда. Сегодня расцвела сирень. В это лето ее очень много, как в тот год, когда была выставка. У хозяев ее тоже много, и я поставила себе букет на окно. Запах сирени чарует меня, пробуждает прекрасные минуты жизни. Уже несколько дней я пасу коров, без свиней. На большом пастбище весьма сносно, а на маленьком они порываются идти в рожь. Чехолец я уже кончила. Мама прислала мне французский учебник, очень удобный для занятий, и сочинение Лескова "Захудалый род", интересный роман-мемуары. Придя с поля, я эти дни полола на поле при помощи мотыжки. Во время работы, чтобы скоротать время, я фантазировала; довольно интересная фантази.

У меня очередная напасть — лишай на руке. Образуется маленький нарывчик, потом он высыхает, и кожа отстает. Хозяйка делала два раза лекарство из сожженной бумаги, но не помогло. В воскресенье пойду домой, так возьму ихтиоловой мази. Сегодня впервые мне разрешено было поспать днем. Интересно, как будет в дальнейшем.

18/VI/44. Воскресенье. Я давно не писала, начну по порядку. В прошлое воскресенье ходила к маме в ужасный дождь. Главным образом ходила из-за руки, так как дома лекарства нет, то я хотела пойти к Александру и у него попросить мази. С утра я не пошла, а вместе с Зосей в три часа. Зося тоже пришла, в весьма презентабельном виде: босиком, с распущенными волосами, слегка завязанными сзади, в легкой белой косынке и голубом шарфе на шее. Если к тому прибавить, что от дождя и скорой ходьбы глаза у нее блестели, а щеки очаровательно розового цвета сверкали от капель — то портрет готов. Александр был у Цено и сделал мне повязку с какой-то мазью, обещая привезти ее из Выры еще. К Майдлям *[хозяевам]* я пошла в четыре часа, хотя надо было быть в это время уже там. От мамы я взяла "Монашество" и "Негодника" Эйхендорфа. Последнюю я читала с увлечением (пока), довольно интересно, а главное — легко. "Монашество" тоже интересует, там говорится даже про св. Бернарда. Эти дни ужасная погода: льет дождь как из ведра, я вымокла до последней нитки и, конечно, читать невозможно.

25/VI/44. Воскресенье. Вчера был Иванов день, погода была плохая. Шел дождь, и большой ветер. В половине 11-го я пошла домой, к маме. Перед деревней я встретила нескольких обывателей, ехавших в церковь. На последней телеге сидели Софьюшка и Матвей. Она была весела и, смеясь, просила у меня отдать ей букетик дикого шиповника, который я нарвала еще утром и несла в подарок Андрею. Букетик был очаровательный, в нем было

больше цветов, чем листьев, но я все-таки отдала его ей. Когда они отъехали, меня это, страшно расстроив, повергло в слезы. Кроме того, больная рука играла немалую роль в сем. Мама была дома, Андрей лежал и читал какой-то роман. В саду у Кютта расцвели белые розы — это один восторг. Лехте больна и очень кашляет. В понедельник доктор придет делать прививки в школу, так я пойду к нему. Между прочим, бабушка Дуня сказала в разговоре, что она только недавно узнала, что Зося читает по-немецки и по-французски, как по-русски. Мама прибавила, что Зося в русский разговор вставляет поминутно немецкие слова, что Андрей резюмировал в виде реплики: "Зазнаваться больно стала, русский стала забывать". На обратном пути я встретила Зосю, ехавшую обратно, и положила ей в телегу одну маленькую розочку (я несла с собой целый букет). Она, испугавшись, воскликнула: "Люся! Ты уже уходишь?"

В прошлое воскресенье я ходила в Леппасаары за лекарством. Тогда же в гостях у Maidl'a был лейтенант, возвращавшийся из Германии, где справлял свою свадьбу. Обед потому был повышенного качества, и вообще все было по-праздничному. В четверг я опять ходила в Леппасаары купить для хозяев водку и папиросы, а для себя лекарства. На обратном пути я набрала букет из васильков, колокольчиков, пахучих красных цветов. Сегодня даже Федька сказал: "Ты что же, точно барыня, свою кровать цветами убираешь?" — Уже три часа. Надо переодеваться и "идти в поле" *["идти в поле" — идти пасти]*.

2/VII. Воскресенье. Сегодня прекрасный день, летний, июльский. Вчера вечером приехал опять лейтенант с каким-то другим офицером, по фигуре напоминающим немного доктора. Они вечером ходили в баню, после чего лейтенант ушел куда-то, а другой остался. Я с ним разговаривала. Он шесть лет солдат, а до этого был студентом на филологическом факультете, говорит по-французски. Спал на моей кровати, а я — на Михалевой, под утро очень кусали мухи. Сейчас мыла посуду, а теперь свободна.

Эту неделю я много ходила в Леппасаары и к маме, к доктору, с рукой. Сегодня я не знала, идти мне или нет, но хозяйке, видимо, не хотелось, чтобы я шла, ну, я и осталась. Я не знаю, почему мама не шлет мне моего белья, которое я ей посылала для стирки. Земляника уже поспела, я ею давно лакомлюсь. Теперь в поле ходят также две маленькие коровки, которые раньше ходили очень плохо, но теперь попривыкли. На французский язык у меня уходит полдня, он туго мне поддается. Историю я читаю уже во второй раз, русскую литературу прочла на днях. "Монашество" скоро кончу читать второй раз, от мамы я взяла в понедельник

немецкий роман "Девушка с деньгами". Я его прочла без перевода и почти все поняла. Теперь буду доканчивать "Негодника". Во время писания к окну подошел немец-студент и спросил меня, что я пишу и написала ли о нем. Потом понес всякую ерунду, пока, наконец, не удалился на лужок, где собралось много мужчин, несколько женщин и гармонист. Хозяйка мне предложила тоже пойти, но я отказалась. Итак, я писала, когда вошел хозяин уже довольно навеселе, сел против меня и начал примерно следующее: я понимаю, что твоя жизнь тяжела, что ты из другого общества, но вот, мол, не могу ли я пойти на луг, я могу говорить по-немецки, а то лейтенантам скучно. Что он отвечает за то, что ничего не будет плохого. Ну, я и пошла. Этот молодой все звал меня сесть поближе и звал Julia! Julia! Сначала с ним можно было разговаривать, но потом, когда он выпил не менее восьми рюмок, стал уже не особенно приятен. Все толковал мне, что хочет придти на поле поговорить, что до четырех часов он выспится и т.д. Единственное, что в нем приятно, это руки, довольно красивые и белые, и фигура. В лице ничего замечательного нет, только очки придают серьезный вид. Другой лейтенант вел себя как хороший пьяный мужик. Затем я чистила картошку к обеду, а после, в начале пятого часа, пошла на поле, взяв немецкий и "Монашество". Я не хотела идти дальше первой поляны, где бывает довольно уютно сидеть, и остановила коров пастись, сама занялась чтением. Я подняла голову, посмотрела, все ли в порядке, как со стороны леса я увидела молодого лейтенанта, который был уже совсем близко от меня. Я испугалась, и он опять начал спрашивать: "Hast du Angst von mich?" *[нем. — "Ты боишься меня?"]*. Я встала и сказала, что сейчас приду, пошла отгонять коров от леса и надеть безрукавку. Я вернулась и принуждена была сесть, желая сохранить почтительную дистанцию. Он же все время старался подвинуться ближе, говоря: "Warum bist du böse?" *[нем. — "Почему ты сердитая?"]* "Ты меня боишься?" На этот раз я ответила, что действительно его боюсь. — Разве я сделал тебе что-нибудь плохое? Я, указывая ему на руку, отвечала, что он сделал мне больно сегодня, схватив за руку, и вообще я не люблю, когда руками хватают. Ну-с, тогда прекрасный студент извинился и, протянув руку, дал честное слово, что ничего мне не сделает. Таким образом, мы беседовали о моем прекрасном занятии — пастушестве, о том, что я могу заниматься много, об Эйхендорфе (тут он начал поучать меня, что в прошлом столетии было направление романтизм, поэты которого так прекрасно описывали природу и т.д.), о Vaterland'e *[нем. — Родина, Отечество]*. Когда я спросила, что голова у него менее тяжела, чем утром, он стал говорить, что вообще вина не любит,

но шесть лет солдат, и один раз можно. Во время разговора вдруг по дороге прошли Михель и Федька. Я, показывая ему на них, сказала, что я приду домой и они меня спросят, что я делала, и что вообще это неприлично для девочки сидеть одной с мужчиной. Он возразил, что людское мнение ничего не стоит, надо быть самому достойным человеком. О Федьке отозвался весьма посредственно. Он часто выражал похвалы моей серьезности, приличности и тому подобным вещам, прибавляя, что я очень хорошая и "unverdorbenes Mädchen" *[нем. — неиспорченная девочка]*. Он обещал привезти какую-нибудь книгу из Изборска, где он находится в какой-то школе. Рассматривая "Негодника", он начал читать стихи, которые в ней есть, с подобающими интонациями. *[...]*

Прощаясь, он все говорил, что я должна дать ему один поцелуй.

Наверное, в эти же первые дни июля со мной произошел такой случай.

Я была "в поле". Стадо спокойно паслось. Я что-то читала. Вдруг из леса вышел немец. Солдат. Он подошел ко мне, и разговор начался о книгах и о том, конечно, что читать нечего. Немец спросил, буду ли я на этом месте и завтра, сказал, что принесет что-нибудь почитать. При этом он стал убеждать меня не ходить пасти одной, что это очень опасно, так как могут встретиться и среди солдат плохие люди.

На другой день он принес мне книжечку "Peter Schlemils wunderbare Geschichte mitgeteilt von Adelbert von Schamisso" — "Удивительная история Петера Шлемиля, сообщенная Адельбертом Шамиссо". Карманный формат, напечатана в Германии, в Лейпциге, в 1942 году, в издательстве "Reclam".

В конце книги (она жива у меня до сих пор) есть список книг "Немецкие поэты эпохи романтизма". Тут и Эйхендорф, которого читала сестра "Aus Leben eines Taugennichts" — "Из жизни одного бездельника").

А тот яркий солнечный день, чудо встречи с интеллигентным человеком, его рассказ о Шамиссо и его книге — так и остались в памяти на всю жизнь.

5/VII/44. Погода эти дни стоит жаркая, как полагается летом. Для меня особенно неприятны часы этого полуденного зноя. От половины 11-го до четырех, с вычетом часа на сон, я занята на огороде, работая мотыгой. Пыль от земли въедается в тело и волосы. Я теперь хожу иногда в одном платье, без штанов и рубашки, и то жарко. Вчера мама прислала мне белье, так что в воскресенье, если придут немцы, я могу надеть розовое платье. Сегодня я собирала землянику, думала ее послать маме, но потом сообразила, что по дороге она вся изльется, и отдала ее хозяйке. Вечером должны приехать немцы к хозяину насчет починки трактора. Чтобы переодеться, сначала я вымылась до пояса, а потом привела в порядок ногти, так что приобрела совсем порядочный вид. Это меня ободрило, значит, всю эту дневную грязь можно смывать и быть опять чистой.

Эти дни я думала, что было бы, если бы в то воскресенье не приехали немцы и я не беседовала бы с молодым. Его визит возродил, обновил здешнюю жизнь, хотя херр *[от нем. Herr — господин]* и не был достаточно здоров. Сегодня я набрала полевых гвоздик, которые мне всегда нравились.

10/VII/44. Вчера ходила к маме. Зося тоже была, в белой юбке и кофточке. Мы с ней через некоторое время пошли к сену, где, удобно усевшись, я начала рассказывать о немце, что ей интересно было слушать.

Не могу писать. Сейчас рубила траву для поросят, и руки немилосердно дрожат. В данный момент чувствую себя свободной телесно: я только что вымылась по пояс.

В субботу хозяйка и vana ema спрашивали меня, приедут ли немцы. Им их визита не хотелось. Мне тоже стало безразлично, тем более, что в воскресенье я хотела пойти к маме. В половине 11-го я пошла к маме. Зося была уже там. В числе различных разговоров мы выбирали фасон для платьев из матрасника по старым журналам мод. Зося советует мне ходить в майке, как она, а вечером мыться и переодеваться.

Все это время между пастьбой я полю. Сегодня полола бобы, очень много крапивы. Я не досказала про воскресенье. Когда я пришла от мамы, то у своей подушки обнаружила четыре немецкие книжки. Приезжал большой лейтенант и, думаю, он привез их от студента. В таком случае — большая любезность. Три из них я послала маме, а одну "Verlauber aus Europa" *[нем. — "Отпускник из Европы"]* читаю сама.

16/VII/44. Воскресенье. Эта неделя была какая-то неспокойная, особенно четверг. У водопоя я встретилась с другим пасту-

хом, бык которого направился к моим коровам. Я много бегала за ним, два раза даже упала, но все напрасно. Тогда мальчик говорит мне, чтоб я шла, бык потом придет. Но он не уходил, а продолжал лезть к коровам. Мы стали снова отгонять быка, но ничего не вышло. Я ему *[пастуху]* стала говорить, что пойду домой и, когда коровы войдут в конюшню, можно будет отогнать быка. Так и сделали. Но у водопоя он сказал, что надо идти дальше, и начал кричать: "Карло! Карло!" Вскоре появился Карло, работник у Салю, и, вооружившись деревцом, как в Испании во время боя быков, отогнал быка. Я была спасена.

Затем часто шли дожди, и я промокала до нитки, не имея, конечно, возможности читать. Кроме дождя, помехой занятиям служит земляника. Ее в лесу очень много, и мне все хочется ее есть, что отнимает время. Вчера вечером я съела стакана три, набрав в кулек, а потом сев в укромное место и предавшись чревоугодию.

Вечером всю эту неделю я мылась. Ой, как хочется спать, но сегодня обещала придти Зося, надо ее подождать.

*[Числа нет]***VII/44.** Четверг. Пишу на поле, так как дома совсем нет времени, да и устаю к вечеру. Не писала уже полторы недели — порядочно. В то воскресенье, когда я ждала Зосю, она пришла. Я играла в карты с Михелем и Федькой, как вдруг увидела ее у калитки. Я бросилась к ней, и, закрыв ворота, мы прошли в амбар, где играли. Сыграв два кона, я повела ее в комнату. Она была очень удивлена состоянием наволочки и простыни, они порядочно разорваны. Зося пробыла около часа у меня, а потом мы пошли пособирать ягод. Она говорила, что я очень глупа, что их не ем, так как они скоро кончатся, и, кроме того, они очень полезны. Ей весьма понравился лес, особенно мох. Я домой пришла в половине четвертого и вскоре пошла в поле, для занятий взяв немецкую книжку "Отель Лимберг", которую мне принесла Зося.

Везде косят и сушат сено. В четверг и пятницу мы тоже им занимались, главным образом поднимая на возы, что весьма нелегко. Михель говорит, что его хватит еще на неделю. В субботу я мыла пол в комнате и рубила траву поросятам. Это очень неприятная работа, потому что на руках образуются мозоли, да и жарко притом. Вечером ходили в баню. Во вторую половину дня я набрала земляники, надеясь в воскресенье пойти к маме. Домой я пришла ровно к десяти и, получив разрешение хозяйки идти к маме, пошла. Небо было серо-синее, и только в стороне клочок голубой. Я шла очень быстро: вышла в половине одиннадцатого, пришла в половине двенадцатого. Андрей лежал и читал, мама тоже была в комнате. Зося еще не приходила. У мамы оказалось много книг от учительницы, и я удивилась, почему они мне их не

присылали. Вскоре прибежала Лехте, говоря, что идет Зося. Софьюшка принесла целую корзиночку черники. Мама стала ее расспрашивать, как ее дела. Она занималась сеном, отчего у нее страшно болела голова и сердце, и вообще она очень уставала. В конце концов, договорилась она, что иногда плакала. "Почему же?" — спросила я. А она ответила, что сейчас она может работать, а пройдет год ... кто знает. Но, кажется, сено у них кончается. Зося рассказала Андрею и Матвею, как идти за черникой, и они пошли, и больше я их в тот день не видела. *[...]*

В воскресенье дома я съела много черники и вообще всякой всячины. Под конец, когда мне надо было уже уходить, vana ema принесла блюдечко меду. Это она могла сделать только за отсутствием Lehte, так как она следит за каждым шагом доброй старушки. Вообще, vana ema очень добра к нам, а Lehte — это семейный ревизор. На этой неделе во вторник я стирала белье, а вчера, в среду, занималась сеном. Вечером коров пасли Тило и Вийве, а я работала на сене. Днем, еще до обеда, я полола морковь и имела возможность поесть черной смородины. Вот это так великолепие! Эти ягоды единственно и примирили меня со вчерашней вечерней работой. Кроме того, недавно я обнаружила в лесу заросли малины. Они расположены довольно в укромном месте, так что я надеюсь их дождаться.

30/VII/44. Воскресенье. Сегодня я домой пошла поздно, в 11 часов, а мне очень хотелось пойти к маме. Когда я хотела сесть завтракать, то вдруг пошла носом кровь, и я провозилась до половины 12-го. Уже выходя из дому, я увидела приехавшего Михеля, он возил хозяина в Ласву *[волостной центр]*. Федька тоже вышел. "Ну, Федька, запоем "Волга! Волга!", да и марш!" "Как? Что такое, Михель?" — подбежала я к нему. Оказывается, только то, что в пятницу, якобы, должны эвакуироваться беженцы из России и пленные. Я пустилась скорей домой. Местами даже бежала. Уже перед самым домом Кютта я увидела проходящих немцев с лошадьми. Дома ничего об этом не знали, вернее, слышали только. Зося принесла много черники. Мы пошли посидеть в сад. Разговор главным образом был об упаковке мешков и расчете хозяев. Vana ema позвала нас есть ягоды. Я согласилась с удовольствием, так как, хотя у Майдлей я их ела раза три, но всегда в неспокойном состоянии. Vana ema собирала их в корзинки, так как Людвиг хотел завтра ехать везти их в Verro. Я ела их очень много, под конец у меня заболели зубы, тогда мы пошли обедать. Обед состоял из картошки, винегрета и ягод с молоком и сахаром. Причем хлеба у нас не было, и хозяйка была настолько любезна, что принесла нам его и большую чашку молока. А Зося принесла

три кусочка шпига, так что с собой в поле я взяла бутерброд и два яблока, которые дал мне Андрей. В три часа мы проводили Зосю домой, она была очень мила сегодня, причем на прощанье мы должны были *[?!]* поцеловаться. Вскоре я тоже отправилась домой, захватив черники для девочек. Выходя на дорогу, мы должны были остановиться, потому что мимо проезжала машина с немцами. Один немец был страшно похож на маминого цальмейстера. Я обернулась к маме: "Ты видела?" Мама сначала не нашлась что ответить, а потом воскликнула: "Ну да, он очень похож на ... цальмейстера в мастерской!" Я думаю, что это он и был, наверное.

Кашель у меня все продолжается, и даже не лучше. Конец той недели занималась сеном, я два вечера не ходила в поле. В пятницу сразу же после утренней еды я пошла в поле на сено. Приехал брат мужа Ирены, и потому работалось быстро. Домой мы поехали около часа. Ехали на возу с сеном прова, хозяин за кучера, я и этот господин. Солнце на безоблачном небе пронизывало лес, тени от деревьев падали на дорогу, лошадь быстро бежала к дому. Так приятно было сидеть, слегка покачиваясь, в теплых, но не жарких лучах солнца. А Михель трусит на Мире верхом, напоминая, я думаю, Дон-Кихота в своем поношенном изрядно костюме и с опущенной головой.

Погода эти дни стоит посредственная. Серое-серое небо, без единого просвета. Такая погода и в душе навевает серость. Невольно встают те же самые вопросы: куда? как? что будет? И ничего нет. Зося в утешение говорит, что мы ведь не трехлетние дети. А вот что будет делать молодая прова с тремя маленькими детьми и в такой ужасной семье? И притом — не мы первые, не мы — последние.

Коровы отошли сейчас в кусты, и я пошла, чтобы их оттуда вытребовать. Там я обнаружила спелую малину и занялась ею. Но ту малину в лесу, о которой я мечтала, мне, наверное, не придется есть. Но я не должна обижаться. Все это время я имела кроват (кто знает, буду ли я спать и на чем?), табуретку в виде столика для книг, два букета цветов и, главное, час сна днем. Я писала Мусе, что это блаженный час, и это правда. Прав был и папа, который заставлял нас спать днем. Ну-с, буду собираться домой, хотя и не знаю, сколько сейчас времени.

31/VII/44. Понедельник. С утра погода была та же серая, но сейчас, к обеду, небо прояснилось, светит солнце, и небольшие перистые облака дополняют отрадный вид небосклона. Утром, около восьми часов, пришла мама, ее послал Кютт, чтобы переговорить с хозяином, что для меня было весьма приятно. У меня не было достаточной храбрости. Материал он дать не может, а на

остальное сделает расчет и хочет отвезти меня завтра домой, так как уже вышло повеление в пятницу, к семи часам, быть в Гуссарах *[ж/д станция]*, но сам хозяин *[сказал, что]* вообще три волости тоже назначены на эвакуацию. Хозяева собираются, но как, наверное, это тяжело оставить дома, засеянные поля, скот, постройки. Ведь у них все это дедовское и прадедовское. Во дворе растут две старые липы, сейчас в цвету, испуская чудное благоухание. Сколько они видели на своем веку? И что предстоит им дальше?

После поля я занималась немного рублением травы, а так больше ничего не делала. Нанесла визит смородине, но совсем не ощущала большого воодушевления, может быть потому, что вчера съела много. Затем собрала вещи и хотела лечь спать, но мухи не дали заснуть. Меню обеда совсем не изменилось, кусочки мяса были также миниатюрны.

Сейчас мимо меня двигается несколько телег с имуществом и скотом. Печальная картина, и в контраст ей как идиллически, мирно и прекрасно выглядит моя поляна. Она расположена в рамке соснового и елового леса, и лишь с одной стороны видны высокие белоствольные березы. И всюду глядит голубое небо, солнце пронизывает ветви елей и золотит стволы сосен... Мое лирическое настроение было прервано погоней за коровами, которые, без сомнения, также хорошо понимают природу и потому решили прогуляться в лес, что для них запрещено. Итак, мир прекрасен, как сегодняшний вечер, но что несет он нам? Только не мир. Но всякое плохое имеет свое хорошее.

Таким образом, эта жизнь должна уже отойти в прошедшее. На смену идет другая — откуда? Вообще, глупый вопрос: будь что будет. Но об этом времени, если буду жива, то, наверное, буду вспоминать с удовольствием. Уже вечер, и в душу закрадывается щемящая тоска. Ведь это последний вечер.

2/VIII/44. Среда. Вчера утром я все же пошла в поле, так как хозяин собирался отвезти меня в обед. Пришла я в десять часов, совсем наготове распрощаться и ехать к маме. В кухню вошел хозяин и сказал, что сегодня, наверное, не поедем, потому что эвакуация отменена. Хозяйка пошла еще раз позвонить по телефону, сказала, что да, верно. Я пошла копать картошку и, накопав ведро, стала ее чистить. Потом спала час и до обеда имела возможность пойти поесть ягод. В половине четвертого пошла в поле. Несколько минут спустя все коровы вдруг побежали в лес и, главное, все в разные стороны. Я — за ними, пытаясь их вывести в поле. Потом я решила пойти за овцами, боясь, что они могут тоже куда-нибудь убежать. Приведя их, я пошла посмотреть, где коро-

вы. Их нет. Началось беганье по лесу, но их нигде не было. Я уж совсем потеряла надежду, как вдруг увидела коров в одной из низинок. Я была счастлива, но недолго. Маленькой коровки не было и там. Где она? Леса она не знает, а стоит где-нибудь между деревьями, а лес велик. Я страшно хотела пить, во рту все было сухо и, чтобы немного утолить жажду, решила поесть малины. И, о Боже! В малиннике я увидела вдруг Мину. Боже, благодарю тебя! Со мной сделалась чуть ли не истерика. Остаток вечера я читала историю.

Дома я увидела на дверях какой-то белый листок и спросила Михеля, что это такое. Он сказал, что сегодня в 10 часов должны будут приехать немцы. Я таким образом должна буду убраться на сеновал... Эти дни мучительно болит голова, особенно сегодня. Каждый миг отдается во лбу, а кашлять прямо-таки ужасно. А сегодня как раз мне надо много бегать, так как в стадо будут ходить еще две молодые коровки, которых сегодня привел какой-то старик.

4/VIII/44. Пятница. Позавчера немцы не приехали, хотя все для них было готово. Мне пришлось убраться из комнаты и переселиться на сеновал. Там поставили Михелеву кровать, хозяйка дала мне второе одеяло. С вечера было очень приятно, тепло, мягко, легко, но утром сделалось холодно, и я проснулась рано. Кроме того, меня разбудили крики людей, рев коров на дворе. Часто слышались крепкие ругательства, а сама речь могла принадлежать только чисто русскому народу, скобарям. Я никак не могла понять, что все это значит. Потом вдруг послышался немецкий разговор немца с женщиной. Вскоре пришла хозяйка будить меня. Я быстро соскочила по лестнице вниз и увидела Михеля. Он накануне уехал на мельницу в пять часов утра, и до половины десятого вечера его все еще не было. Мы с Федькой боялись, что его могли по дороге схватить немцы или партизаны. Но оказалось, что там было просто мало воды, а народу много. На дворе стояли телеги с имуществом, около них суетились женщины, коровы бродили по двору. Михель сказал, что это беженцы из Старого Изборска. Немцев я увидела только двух, лейтенанта и солдата. По приходе из стада я рубила траву, спала положенное время, а после обеда собирала смородину в саду. За обедом Михель рассказывал, что женщина помоложе — переводчица, является возлюбленной лейтенанта, а та, что постарше, у них за прислугу. Все эти русские из-под Пскова вот уже пять месяцев и до этой эвакуации жили в лагере, ничего не делая. Ребятишки одеты очень бедно. Вечером приехала жена священника за ягодами, и я еще должна их собирать. Михель что-то говорил, что родители одного пастуха из

России, Герки, получили записку, что они должны явиться в Ласву для эвакуации в воскресенье. Получила ли мама сей приказ?

Вчера вечером было очень холодно, ветер прямо свирепствовал. Красную кофту я потеряла по дороге, бегавши за коровами, оставшись в одном макинтоше. Небо было все в тучах, только на западе виднелась небольшая полоска светлого неба. Но, благодаря ветру, она все время увеличивалась, пока, наконец, не показалось солнце. Его теплые лучи оживили мои малиновые руки с синими пятнышками. Мне стало даже смешно, как сразу все повеселело.

О солнце, солнце, тебе пою!
О солнце, солнце, тебя хвалю!
Не уходи и будь со мной,
Но дай мне жизнь, тепло, покой!

Голова немного перестала болеть, чему я очень рада, но кашель и насморк продолжаются. Книг интересных нет. "Отель" я читать уже кончила, а французский язык — нет силы воли.

5/VIII/44. Суббота. Сегодня рубила траву, а потом стирала белье. Спала очень мало. Молодая женщина является теперь темой обеденных разговоров. В комнате поставлены две кровати, для немца и для нее. Оба застланы тканевыми *[домоткаными]* одеялами. Должность главного заменяет *[исполняет?]* какой-то пожилой офицер. Он нашел где-то работу — полку капусты и приказал всем идти туда. Клавдия сказала, что не пойдет. Тогда пришел сам немец с другой переводчицей. Она *[Клавдия]* в это время ела. Немец орал как исступленный и для устрашения вынул револьвер. Затем потребовал от хозяина *[запись обрывается]*...

17/VIII/44. Четверг. Конец той недели прошел весьма необычно. В среду вечером я пасла на лугу у водопоя, как вдруг подошли двое молодых людей ко мне. Я была в одной майке. Они спрашивали, нет ли здесь речки или озера, но таковых здесь, к сожалению, не имеется. Они мне очень понравились, особенно тем, что выглядели и говорили совершенно культурно. Вечером, до сна, я ходила в лагерь, куда меня приглашала одна женщина познакомиться с ее детьми. Девушка оказалась весьма хорошенькой, и мы с ней немного погуляли. Один из мальчиков оказался ее братом. На следующий день я пасла до 12 часов, так как хозяйка не приходила все. (Теперь меня провожали и встречали, молодые коровы очень плохо ходили.) После еды я пошла набрать листьев и стала их рубить поросятам, причем Михель куда-то уходил с узлом, но не сказал мне, куда. Когда я рубила, он пришел обратно, и оказа-

лось, он носил еду бабушке и детям в лес. Вещи они тоже все перевезли туда же. Мне хотелось поскорее срубить траву и, вместо сна, пойти в лагерь. Все время были слышны выстрелы, затем стали раздаваться совсем близко. Я решила пойти к хозяину с тем, чтобы попросить перевезти мои вещи и продукты домой. Сама-то я могла уйти позднее. Но Майдля ответил, что идти я, конечно, могу, но лошади он дать не может, потому что их отбирают немцы. Во время нашего разговора снаряды упали совсем близко. Вот мое положеньице! Нести чемодан, портфель и пальто под обстрелом. Хозяин повел лошадь вон, хозяйка схватила узел и побежала в лес, крича, чтобы я тоже шла. Снаряды летели чуть ли не над головой, меня разобрал страх, и, схватив свои манатки, я побежала за хозяйкой. В "лесу" под крышей из листьев ольхи сидела бабушка, Тию, Вийве, Ирена и Арно. Я решила идти домой. Надела два платья, туфли с калошами, два мешка через плечо и, взяв пальто, пошла. Хозяин напоследок сказал, что, если мама уже уехала, так я сейчас же шла к ним бы назад. Ах, так! и он не мог мне сказать это раньше. Перекрестившись, я пошла чуть ли не бегом. Вышла я к клеверу и, поднявшись наверх, увидела дядьку с телегой. Я просила подвезти мне вещи, но он замахал руками и поехал. Но впереди показался другой воз, но около него шли немцы. Я подумала, что все равно, может быть, я вижу их в первый и последний раз, и потому закричала им, чтоб они подождали, а сама побежала. Каково было мое удивление, когда в одном из них я узнала "Сивенького". Я попросила положить мои вещи на телегу и получила в ответ: "Los!" Сивенький с сердитым лицом начал говорить, что раньше никто не понимал по-немецки, а вдруг все стали. Я ответила ему, что говорю очень плохо и потому стыжусь разговаривать, а над моими ошибками они могут смеяться, а я этого не люблю. У котлов в низине я сняла мои манатки и пошла дальше. По дороге ехали немецкие машины, крестьяне со своими возами, шли коровы и овцы. Я спрашивала у некоторых, эвакуировано ли Тюютсмяэ или нет. Отвечали, что нет. Наконец я у Кютта. Мама очень обрадовалась мне, но меня поразило спокойствие у них, будто ничего *[как ни в чем]* не бывало. Когда я сказала, что нам, может быть, придется эвакуироваться да еще и пешком, возможно, мама с бабушкой Дуней накинулись на меня: куда мы пойдем, идти некуда и как? Хозяина дома не было, он со всем семейством и Андреем находился в лесу. Я пошла в сад сшибать себе яблок. По дороге беспрерывно шли машины на Verro. Я услышала, как лает Пати, и пошла посмотреть, кто там. Оказалось, сын старосты принес прочитать приказ из Ласвы, что мы должны эвакуироваться. Куда, как, когда — неизвестно. Я тоже пошла к Зосе ска-

зать, чтоб она скорее пошла домой. Цено дома не было, мне пришлось его ждать, но все же он не послал за ней на поле, говоря, что не знает, где она пасет. Дома Андрей был уже пришедши. До известия об эвакуации я не была склонна к лесу, но теперь это был естественный выход. Но Людвиг *[Кютт]* говорил, что время еще есть, можно оставаться на местах. Но я все же вечером пошла вместе с Андреем, чтобы узнать, где что находится. Шли мы порядочно, а пришли в лес, по которому шла дорога, и в недалеком расстоянии от которой находились дома и речка, так что были слышны голоса. От дороги мы поднялись немного вверх, и там в полутьме стояли две нагруженные телеги и привязанные лошади. Говорить надо было шепотом. Мы должны были подождать, пока придет Людвиг, и тогда идти домой. Солнце уже садилось, как вдруг он появился. Но надо было идти поить лошадей. Людвиг в разорванной куртке и штанах, со шляпой на голове, с небритым лицом и вытаращенными глазами вглубь леса, будто бы он хотел проникнуть дальше взором — не идут ли внизу люди, повел лошадей. Самолеты все время летали и изредка строчили из пулемета. В восемь часов мы пошли домой — Зоси еще не было, но вскоре она пришла. Мы спали на одной кровати. Утром до девяти часов мы прибирали вещи в комнате, так как все было разбросано, мешки выпотрошены для отборки более ценных вещей. Около девяти часов я с Зосей пошли к Майдлям за остатками моих вещей. Я зашла в "лес", но там никого не было, моего чемодана тоже. Один Паука сидел на старом пепелище. Поднимаясь в гору у Майдлевского дома, около леса мы увидели костер, а над ним ведро, наверное, с картошкой. Обернувшись на сие чудо, мы очень удивились при виде мужчины, выходящего из леса. Он склонился над ведром, вероятно, пробуя свое кушанье. "Михель, это Вы?" — крикнула я. Незнакомец что-то промычал, а мы, смеясь, пошли дальше. У дома Салю стояли обозы, мы направились туда. Это были беженцы из Изборска, готовые к отходу.

К нам подошла золовка Степаниды и сказала, что мой чемодан в маленьком домике, внизу. Но сначала мы решили посмотреть, не осталось ли чего в бочке в сарае. Оказалось, что все *[цело]*, кроме красной кофты и макинтоша, которые я забыла спрятать. Чемодан мы тоже нашли. В доме оставались веревки, которые мне обещал Арно, мы их взяли тоже. Кроме того, Зося решила, что надо снести кур домой, и мальчик стал нам помогать ловить их. Поймали троих. Домой мы пришли около трех часов. Немцы все уходили. Когда начинали стрелять, они останавливались. Один раз к нам во двор въехала грузовая машина с немцами. Зося вынесла им картошки. Матвей принес огурцов, а я — хлеб.

Они сказали, что через два часа здесь будут русские. Действительно, недалеко слышались выстрелы и бомбардировка. Мы побежали сказать это маме и сочли за лучшее идти в лес. Переодевшись в шерстяные платья, взяв по двум заплечным мешкам и чемоданчику, мы втроем пошли. На перекрестке дорог немецкий жандарм спросил нас, куда мы идем. Зося сказала, что в лес к знакомым. "Но ведь русские идут с той же стороны и будут здесь через два часа", — ответил он нам. Мы были очень взволнованы. Зося посылала Матвея к Андрею, чтобы сказать эти новости, но Матвей не знал дороги. Тогда побежала я. Впереди, в лесу, все время бомбили, летали самолеты, свистели снаряды. Кютты сидели в бункере. Я убеждала Андрея идти со мной домой, но он не хотел, да и меня не пускал. Но при воспоминании Зосиного взволнованного лица, беспокойства там, дома, я решила идти. Дома еще все было благополучно. Немцев становилось все меньше, и шли они уже пешком, медленно, устало. Напротив нас горел склад снарядов, и огонь сквозь деревья казался веселым, милым. Один немец зашел к нам попить. Зося, подавая ему воду и яблоки, сказала с улыбкой:

— Мы не можем вас любить, но и ненавидеть тоже. Вы много сделали нам плохого. Но я желаю вам всего хорошего как человеку.

Он поднял лицо от ковша и улыбнулся извиняюще *[так!]*, с болью. Куда он шел, он сам не знал. Около девяти часов немцев уже не было, и мы пошли ужинать. Мы выбегали раза три из-за стола: очень близко падали снаряды. Вдруг мы увидели приехавшего хозяина с лошадьми и возом. Пока они возились с прятаньем лошадей, мы уже кончили ужин и собирались идти спать. Вдруг мы услышали шум шагов на крыльце, и в комнату вошло несколько человек. Мама вышла к ним, и я слышала ее восклицания. Это были русские, "наши". Запыленные, грязные, в староармейских мундирах, они пожимали нам руки и спрашивали, давно ли ушли немцы. Они ушли, последние, бредущие солдаты, часполтора тому назад. Они *[наши солдаты]* были нам рады, а мы в тот момент — несравненно. С их приходом эвакуация отпадет, по крайней мере, сейчас. Мне хотелось очень спать, но также их видеть и говорить.

Почти полторы страницы, а ведь записи шли в каждой клеточке, оставлены чистыми. Как и в других подобных случаях, сестра, видимо, хотела восстановить все события следующих 10 дней.

27/VIII/44. Воскресенье. Уже 16 дней, как я живу у Кютта. Эти дни были весьма неприятны. Оказывается, что, вместе с Андреем, почти работает и мама. Она полет траву, таскает листья для коров. Бабушка Дуня моет посуду и иногда подметает пол в комнатах хозяев. Меня стали посылать пасти коров. Пастбище — это что-то ужасное. Небольшое, кругом посеян хлеб, и совершенно нет травы. Коровы привыкли к большому и хорошему полю (хозяин взял их с мызы), все время бегают в разные стороны, и таким образом мне нет времени не только сидеть, но и стоять. Я несколько раз даже плакала. Когда я их не пасла, я должна была выполоть хоть один ряд земляники. У хозяев есть другое пастбище в километре от дома. Но дорога проходит через усадьбу хозяев, которые не хотят пропускать стадо, но Андрей очень настаивал на хождении туда, и четыре дня тому назад сделали первую пробу. Дорогой пришлось все время бежать, но зато там паслись коровы хорошо. После решили, что коров на обед не гнать, а оставаться целый день. Я пасла там уже два дня, и только в первый день под вечер Пихо пытался несколько раз убежать домой, так что я очень устала. А вообще целый день можно заниматься чем угодно. Я читала "Анну Каренину" и кончила первый том. Единственное плохо — это ноги, так как очень колко ходить.

Сейчас пришла Зося от Цено с букетом цветов, и мы стали собирать маме завтрак (она пасла за меня в это время). Мы уже собирались идти, как Адель *[жена Кютта]* говорит, что надо доить коров. Тут вышло небольшое неудовольствие. Она думала, вероятно, что я должна всех четырех доить, ну, а я этого не могу. Адель пошла тоже. Доилось с горем пополам, коровы пытались бегать. Хозяйка ушла, а мы принялись обсуждать существующее положение. Исходным пунктом были две, считаемые нашими, коровы. Но, предположим, мы ликвидируем их? Все равно я должна буду помогать по хозяйству. Таким образом, надо мириться со всем и продолжать в том же духе. Когда мы шли домой, Зося немножко всплакнула, все время она была весьма пессимистично настроена. Дома мы пообедали вкусно, а потом я пошла проводить Зосю к Цено. К сожалению, она пришла поздноватисто: стадо уже было угнано в поле.

17/IX/44. Воскресенье. Вот уже с 28 числа (августа) я живу в русской семье в качестве работницы. Особенной работы нет. Иногда я хожу в поле с коровами, одно время убирали жито, затем пшеницу. Как-то приезжали пленные немцы вывозить навоз в поле. Много пришлось готовить, в тот день прибегала Зосина корова, и я ходила к ней. Пленные все говорят, что их кормят хорошо: 600 гр. хлеба, 200 гр. крупы, 13 гр. масла и сахара на день. Ту не-

делю всю шел дождь, а сейчас хорошая погода, с небольшим морозцем утром. По вечерам иногда прилетают немецкие самолеты, и однажды вечером очень сильно стреляли зенитки.

27/IX/44. Среда. Я опять живу у мамы, вот уже четвертый день. Все это произошло следующим образом: в пятницу приезжал Маримяки, чтоб выдать продукты Тане на еду. Евдоким спросил и на меня, за мою работу там. Маримяки ответил, что на все работы по хозяйству он сам будет присылать рабочих, а если Евдокиму нужны рабочие самому, то пускай он сам и платит. Все это Таня мне сказала после бани. Я не была особенно удивлена этим, но дальнейшая перспектива житья у Кютта мало радовала. Но вскоре я пошла спать, придумывая план действий на завтра. Дело в том, что мне очень хотелось увидеть Хайно, для этого надо было пробыть некоторую часть дня у Тани. Поэтому я решила так: утром сходить к Зосе и рассказать ей все, затем от нее опять к Тане за вещами и, таким образом, к часам 11 придти к маме и от нее вместе с Зосей к часам трем к Массарам, чтобы дочитать одну главу, которой мне оставалось немного. Уже лежа я слышала разговор Тани с Евдокимом насчет моей платы. Они собирались еще предложить одного маленького поросенка, которого мы могли бы продать.

Утром я встала около семи часов, причесалась и читала "Разведчика", как услышала, что меня кто-то зовет. Я вошла в столовую и увидела там Зосю. Я думала, что она прибежала с поля, но оказалось, что она отпросилась под предлогом копать картошку. Я ей разъяснила всю ситуацию (пришлось объясняться по-немецки, так как около нас вертелись дети), и мы решили пойти сейчас же к маме. Зося тоже ничего катастрофического не находит в этом *[в необходимости жить у Кютта]*, тем более что в понедельник мама должна была поехать в Верро насчет квартиры и гимназии, и, кроме того, можно копать картошку. Мы пришли, мама еще не вставала. Зося переоделась в шерстяное платье, которое очень хорошо на ней сидит теперь. После обеда Зося поспала с полчаса, а затем мы отправились. Меня очень занимал вопрос, придет он или нет. Таня нянчилась с Тамарой, напевая ей что-то из "Онегина". Потом она стала вспоминать, как уже Онегин писал Татьяне, когда она была замужем. В это время постучали в балконную дверь. Все-таки я выиграла пари сама с собой! Таня засмеялась и говорит: "Вот мы про любовь говорили? А здесь у нас молодой человек ходит завлекать нашу барышню". Мне было порядком неловко. Он принес нормы на зерно и хотел видеть Эдуарда *[Евдокима?]*. Он хотел идти, но Таня попросила подождать его дома. Говорили о гимназии и о квартире. Он говорит, что ес-

ли бы мог пойти сам в Верро, то, наверняка, нашел бы квартиру. На всякий случай дал два адреса к своим знакомым. Он четыре дня копал картошку и вообще работал в это лето больше отца. Я спросила его, что ведь эдак целый день надо работать целый год. Он говорит, что это верно.

Затем ему надо отнести извещение о норме в соседнюю усадьбу, а затем Хайно обещался вернуться обратно. Он принес с собой гимн на эстонском языке, который прочел вслух. Таня была в очень веселом расположении духа, даже пела.

Когда стало темнеть, я пошла домой. Хайно пошел тоже, так как хотел пойти к Евдокиму на поле. Записав, как меня зовут и дав мне бумажку со своим именем, мы распрощались, и я побежала домой.

В Дневнике лежит вырванный из маленькой записной книжки листок, на одной стороне которого по-эстонски написано Heino Raudvassar, Tüütsmäe, Lasva p-al, Võru, Eesti; на другой — то же порусски. Написано карандашом, русская запись почти стерлась.

Не найдя адресата, вернулось письмо, посланное Андреевой крестной.

Андреева крестная — Наталия Васильевна Педькова (1891(92) – умерла в начале 1980-х гг.) — мамин большой друг с Бестужевских курсов. Окончила романо-германское отделение. До войны работала в Доме занимательной науки в Ленинграде, после войны — редактором научной литературы.

И Н.В., и мама были членами "Гептахора". "Гептахор" — кружок из семи девушек (от греч. επτά — семь, χορός — хор, хоровод), увлеченных античностью и идеями А. Дункан вернуть танцу естественность движений в ритме музыки, развить в себе способность выразить музыку в жестах, в движениях тела. Он образовался к лету 1913 г. В "Гептахор" входили С.Д. Руднева, И.В. Тревер, К.В. Тревер, Е.В. Цинзерлинг, Н.Э. Энман, Н.В. Педькова и мама.

Юля Тихомирова, учившаяся в Рыбинске в гимназии на казенный счет, (бабушка Дуня была вдова и

жила тем, что держала нахлебников), была принята этим кругом блистательных петербурженок, талантливых, полных энергии. Мать Стени Рудневой, Варвара Дмитриевна Руднева, урожденная Фон-Дервиз — ее отец есть на картине Репина "Торжественное заседание Государственного совета" в Русском музее — дала нашей маме деньги на поездку в Грецию в 1914г.

После революции "Гептахор" получил название "Государственная студия музыкального движения "Гептахор". Мама работала заведующей этой студии в 1923–1928 гг. Стефанида Дмитриевна в письме к нам, детям Ю. Ф. (11.01.1985 г.), писала, что мама была их "гептахорским солнышком".

Стефанида Дмитриевна Руднева (1890–1989) осталась верна увлечению молодости и всю жизнь посвятила созданию метода музыкального движения, чтобы можно было научить человека двигаться под музыку, суметь выразить ее. С.Д. основала целое направление в эстетическом воспитании.

В понедельник мы копали картошку, так как мама находит неудобным ходить к другим людям, когда у Людвига есть, что делать. Мама приехала поздно вечером. Результаты ее путешествия были следующие. В отделе народного образования ей сказали, что пока еще только записано шесть человек, из коих нас четверо. Но, как сказала заведующая, детей школьного возраста в Верро находится сорок человек, которые еще не учтены, и за ответом, будет ли гимназия или нет, надо придти пятого сентября *[описка — октября]*. Насчет квартиры дело обстоит следующим образом: все говорят, что квартиру найти можно, тем более, что все эстонское правительство, находившиеся сейчас в Верро, уезжает в Таллин. Когда мама шла по улице, то ей встретился один мужчина, которого мама признала за русского, и разговорилась с ним. Он советовал ехать в Юрьев и дал адрес к своему приятелю, начальнику промсоюза, который должен через пять дней приехать в Юрьев.

Во вторник мы тоже с обеда копали картошку. В среду Людвиг ездил сдавать норму, а мы вечером с Андреем пилили дрова. В четверг учительница позвала Людвига, Андрея и меня помогать молотить. С восьми часов утра я и была там занята. До завтрака накладывала возы, а после возилась на соломе. Это не лучше ада. Жарко, пот течет по грязному лицу, неимоверная пыль, да и тяже-

ло вдобавок. Белая кофточка превратилась в черную. Учительница обещала дать овсяной муки для поросенка за этот день. В среду вечером я еще была у Зоси. Она была дома, и мы с ней обсуждали мамино недавнее "идефикс" *[от фр. idée fixe — навязчивая мысль]*. Она прочла в газете, что граждане гор. Пушкина собрали на постройку самолета 16 тысяч. И вот у мамы явилась мысль послать в Пушкин тысячу рублей от нас четверых с вопросом, не можем ли мы вернуться в Пушкин. По ее проекту, мы можем спать, где угодно, конечно, придется голодать и первое время (сколько примерно?) не учиться. Но зато мы будем дома. Это кажется тем более странно, что мама прекрасно знакома с существующим положением вещей. Конечно, если будет массовая эвакуация русского населения на родину, то мамин проект будет сам воплощен, но самим стремиться его воплотить, я думаю, недостаточно разумно. По этому же вопросу было немало столкновений и дома. В пятницу был дождь, картошку не копали, но я и Андрей пилили дрова. После обеда ездили в лес вдвоем, чтобы напилить дров на два воза. Вообще Андрей эту неделю возил много дров.

Вчера, в субботу, целый день копали картошку. Утром мама уехала в Верро и вечером не возвращалась. Может быть, поехала в Юрьев.

1/X/44. Воскресенье. Сейчас уже вечер. В первый раз зажгли электричество, и я пишу. Утром до девяти часов возилась с приборкой комнат, а потом писала дневник. Около одиннадцати часов я сделала визит яблоням, и мне удалось сорвать пять прекрасных яблок. Одно я дала бабушке Дуне, два снесла Зосе и два оставила себе. Потом собралась к Зосе. Она только что пришла из стада, и поговорить мне с ней не удалось. Придти она тоже не знала, сможет ли. Я обещала придти к ней после обеда. Дома я еще пописала, потом пошла прогнать чужую корову из сада и там увидала двух мужиков русских, которые приехали за поросятами. Я их повела к Тане. Я посидела у них, разговаривая о том о сем. Потом решила сходить к Зосе, а от нее к Тане за чемоданчиком в слабой надежде увидеть Хайно.

Зося имеет очень удрученный *[удручающий?]* внешний вид. Старые портки, чулки с заплатами, пиджак, весь облохматившийся и местами рваный, — вот ее наряд. Руки тоже грязные, но вымытые. Она при мне расчесывала волосы. Печальное существование скрашивает немецкий роман, очень интересный, как говорит Зося. Поговорили о доме, о будущем, о прошедшем. От Зоси я ушла, когда солнце было близко к горизонту. Я была уверена, что Хайно не увижу. Я быстро взошла на крыльцо, открыла дверь и на обычном месте увидела прекраснейшего. Я села на диван, пря-

мо около печки. Хайно сообщил, что теперь будет работать секретарем в Ласве. Затем, в случае нашего отъезда, (слух, что все эвакуированные должны возвращаться на родину, кажется верным) просил написать ему и на прощанье пожелал или счастливого отъезда, или хорошего оставанья.

Кроме того, обещался придти в воскресенье. Да, я забыла. В случае нашего отъезда он сказал, что может помочь деньгами. Таня говорит, что он очень интересный и хороший молодой человек, но руки подавать не умеет.

После его ухода я покушала немного у Тани пирога с молоком и посидела, пока Таня подоит коров — она хотела дать мне молока. От них я ушла, когда было совсем темно. Дома все было в порядке, но мамы еще не было.

8/X/44. Воскресенье. Эту всю неделю копала картошку. В понедельник до обеда, но потом пилили дрова. В тот же день приехала vana ema, чему все домашние были очень рады. И, начиная со вторника до четверга включительно, копали картошку безостановочно. В четверг вечером я ходила к Зосе, мама хотела, чтоб она пришла домой обсудить все дела, именно все, что мама узнала в Юрьеве. Но у Цено молотьба, и потому Зося не могла придти. Между прочим она спросила меня, не принесла ли я ей хлеба? Но я так торопилась, что совсем забыла это. В пятницу я копала у Палувеера, так как он хотел починить маме туфли, но за неимением времени не делал этого. Был очень ветреный день и холодный. Я замерзла до мозга костей, и мне казалось, не дождаться вечера. Но пришел обед, а за ним и вечер. Мама в тот день ходила в Тири требовать заработанный хлеб. Но по дороге встретила прову , которая шла в Ласву, а так как маме тоже надо туда, то они пошли вместе. Прова платить не отказывается, но говорит, что хлеба у нее сейчас нет, хотя недавно только она отдала 1000 кг нормы. В Ласве мама хотела, чтоб нам дали свои виды на жительство, т.е. зарегистрировали наши метрики. В Ласве маме дали письмо из Ленинграда, оказалось — от бывшей домработницы тети Наташи. Она пишет, что Нат*[алия]* Кон*[стантиновна]* жила до сих пор в Иркутске, но теперь она собирается приехать в Ленинград. У нее тоже большое несчастье: умер Евгений Сергеевич, еще в 41 году. Отчего, она не пишет. Вера Петровна жива, мальчики тоже. В субботу я решила сделать себе отдых и ничего почти не делала (у Людвига). С утра штопала красную кофту, потом читала, причем все это в атмосфере порядочного холода. После обеда я пошла к Тане за вторым чемоданчиком. У Тани хозяева уже приехали и ведут себя "петушками". Но в Ласве Евдокиму сказали, чтобы он подождал две недели, а тогда "судьба эстонского народа решит-

ся". Маму же полицейский офицер, регистрировавший метрики, спросил два раза, в котором году мы были эвакуированы. По-видимому, это тоже имеет значение. С Таней я довольно долго разговаривала. Они не знают, что им делать. У них, у хозяев, им делать нечего, а другую квартиру негде найти. Хоть в Россию уезжай. Она рассказала, что была в среду на "толоке", до вечера копали картошку, а потом был ужин и танцы. Там же была и сестра Heino, за которой он сам пришел после. По выражению Тани, выглядел он настоящим джентльменом. Несколько раз жал Тане руку и спрашивал о нас. Таня говорила ему, что я приду в воскресенье, наверное, и все расскажу. Она еще не знала, что это будет невозможно.

Вторая половина дня. С двенадцати часов мы работали у учительницы. Было человек пятнадцать. Эта копка продолжалась до вечера, затем все пошли вымыть руки и ужинать.

Длинный стол украшали три бутылки вина, кроме того, был суп вроде щей, мясо, соленые огурцы, пирог, молоко. За столом я узнала, что одна из женщин является матерью Heino.

Ну, муттерхен *[от нем. Mutterchen — мамочка]* весьма простецкого вида, и ОН напоминает ее очень отдаленно. Сегодняшнее воскресенье не оправдало моих надежд, и мне не суждено было повидать Н... Эпоха воскресных сумерек у Тани, в большой, по-воскресному прибранной комнате, прошла безвозвратно. Мне как-то жаль всего этого, грустно.

Этот Heino мне очень нравится; когда он смеется, в нем есть что-то, похожее на Севу.

Ну, завтра собираюсь пойти к Тане, чтоб узнать о результатах Евдокимова путешествия в Верро, так попрошу передать ему всяческие поклоны и пожелания скорого выздоровления руки (он проткнул вилами левую кисть руки).

15/X/44. Воскресенье. Сегодня мне немного нездоровится. Болит горло, и вообще расслабленность в теле. Может быть, оттого, что вчера на сарайном чердаке чистила табаки и, возможно, простудилась. Мама с Андреем уехали в четверг, я их возила на ст. Гусары. При мне они сели на товарный поезд, шедший на Валк. Понедельник и вторник мама была больна, а мы в этот день пилили дрова с Андреем. Андрей был в своем обычном настроении, ругался, называя меня своими мерзкими, гадкими словами. Я пошла и пожаловалась маме, и она его хорошо поругала. В эти же дни хозяева уезжали за сеном, и мы имели возможность посшибать яблок. Андрей вооружился длинным шестом, которым срубливают сучки, и наши старания были увенчаны успехом. Эти яблоки мы оставили для маминого путешествия. Во вторник я ходи-

ла к Тане узнать от Евдокима результаты его хождения в Верро. Они копали картошку у соседнего хозяина. Я довольно долго с ними разговаривала о нашей колеблющейся жизни.

Прощаясь, я просила передать привет Heino. Таня звала меня придти в воскресенье, и тут она прибавила с улыбкой: "Приходи, и я ему скажу, что ты тоже будешь". — "Ну, хорошо", — ответила я и быстрей, чтобы согреться, побежала домой. Мне было весело. С горы открывался вид на далекие горизонты, леса, где уже желтые, где пестрые осенью. В среду мама собиралась. Хозяйка принесла Андрею прекрасные рукавицы и моток шерсти. Они взяли с собой четыре пакета.

В эти дни стоит прекрасная осенняя погода, с голубым небом, теплым солнцем и пестрыми деревьями. Было бы так приятно пройтись прогуляться, о чем-нибудь думая. Но, к сожалению, совсем нет времени. Читаю я только по вечерам при электрическом свете. Недавно кончила читать "Святой холм" Габриэля Шевалье. Это про католический колледж для мальчиков, где описываются некоторые шаловливые мальчики и даются характеристики преподавателей — священников. Теперь я читаю "В чужой стране". Очень интересная книга на немецком языке.

19/X/44. Четверг. Написав последние строчки той страницы, я легла на кровать, чувствуя себя нехорошо, и стала читать немецкий роман. У меня был жар, и я ждала Зосиного прихода побеседовать с ней. Мы решили, что после обеда я пойду к Зосе, а потом к Тане. И вдруг в комнату легко вошла Зося в своей форменной светло-зеленой юбке. Она вынула два яйца и, давая их мне, изъявила страшное желание вкусить лепешек. Бабушка Дуня как раз сделала их. У Зоси vana ema заболела, не ест, и Готфрид ездил за доктором. Матвей еще не приходил. После обеда я с Зосей пошли к ней. Стадо было уже в поле, и Вальтер с детьми — пастухами. Зося читала мне французское стихотворение, которое, к сожалению, я не поняла. Мы говорили, как там дела у мамы, Зося меня проводила немного.

Таня копала картошку у соседа. Евдоким говорил, что, может быть, поедет в Россию. Пришел Heino, но разговор не клеился, он все-таки говорит очень мало по-немецки. Понедельник и вторник я лежала. Утром приходила Таня, и мы с ней долго беседовали. Евдоким ушел в Печоры, чтобы сесть на поезд и поехать в Россию посмотреть.

Эти два дня я долго не забуду. Я читала тот роман, что дала мне Зося. Мама его уже прочла. Все это область тонких чувств, интеллигентных людей, конечно, красивых, умных и добрых, и сцепление романтических случайностей. Очень занимательный,

увлекательный роман, к сожалению только, не имеющий конца. Кроме того *[?]*, я читала его по-немецки. Сейчас несколько угрустненное состояние: мне сделались столь знакомыми персонажи романа, что больше не читать о них, не знать о них очень неприятно. Да, милые личности! Ну, может быть, образ Труды Корстен, ее брата Хейнца Ритланда, мисс Maud и обоих Стельбергов найдут свои воплощения в других романах, которые я буду иметь счастье прочитать.

Утром я лежала и раздумывала, как появиться на работе, как дверь дома открылась и показался ... Андрей. Он пришел со станции Непово.

26/X/44. Много произошло с тех пор, как я написала последние строки. Сейчас я не могу писать, меня возмущает Андрей. Боже, что это за свинья, гадливая, грязная, мужицкая свинья. Ругается самыми отборными словами, посылает к ..... Я думаю, что вообще с ним в Юрьеве жизнь будет один стыд, один позор. Едем мы в поезде, он затевает перебранку с пожилой эстонкой, и, когда солдат ему говорит, чтоб он перестал, молод еще, это его не смущает, он продолжает огрызаться.

27/X/44. Пятница. В тот день, как пришел Андрей, я с ним ходила к Майдлям спросить, когда они смогут дать хлеба. Шел меленький дождь, и прогулка была не из приятных. Ну, прова обещала в пятницу все приготовить (мы собирались в субботу уезжать). Вечером ходили к Зосе и к Тане рассказать об Андреевом путешествии. В четверг я пасла коров и читала еще раз ту книгу. В пятницу собирались молотить, но машина была занята у Палувеера. Утром мы пололи землянику, а после обеда я собирала мешок в дорогу. В субботу молотили. Я принимала солому, но на этот раз было лучше, чем у учительницы: я имела передышки. После обеда было совсем хорошо: я относила солому от машины и клала ее в кучу. На обед была картошка с соусом, на второе — кисель с пончиками. На ужин — суп с клецками и молоко с булкой (картофельной). До ужина все ходили в баню: и мужчины, и женщины.

В воскресенье утром Андрей сходил за лошадью, и около восьми часов я, Андрей, vana ema и прова отправились. Они должны были завезти нас на Гусары, а сами отправились в Ласву, в церковь. Когда мы приехали, поездов еще не было. Один старый железнодорожник посоветовал, как пойти к неповскому мосту, примерно один километр, так как там поезда всегда замедляют ход. Пройдя с полпути, мы увидели, что поезд уже остановился. Мы пошли обратно. Там оказалось, пришел поезд из Печор, на

который мы и устроились. Нам удалось засунуть вещи и довольно удобно сесть самим. Минут через 15 мы были в Верро. Там был поезд, шедший на Печоры. Мы заняли пролетку *[тамбур?]* у одного из последних вагонов и немного погодя отправились. День был прекрасный, с нами были пирожки, вечер еще далеко, поезд шел без остановок.

В Печорах мы долгое время не знали, какой поезд пойдет на Тарту, но, наконец, устроились, опять в одной из пролеток. Поезд останавливался на каждой остановке. К пяти часам делалось все холоднее. На одной из остановок нам сказали, что наш вагон дальше не пойдет. В нашем составе было два паровоза, и наш вагон относился к первому. Наш вагон паровоз отвез за дальнюю стрелку. Мы не успели выскочить. До второго паровоза было с полкилометра, которые нам пришлось сделать почти бегом да еще с этими тяжелыми мешками. Открытая платформа была вся занята эстонцами и была настолько высока, что сами мы без помощи сверху не могли кинуть вещи. Сначала никто из сидевших не помог нам, но потом все-таки протянули руки. Было около семи часов, и довольно холодно. Кроме того, чулки у меня сползли, и ветер продувал все тело. Только поздним вечером мы прибыли в Тарту, и Андрей повел меня в зал ожидания. Там было уже много народа. Андрей сел, вытянув ноги, так что люди должны были долго всматриваться, чтобы переступить их. Не только спать, но и сидеть было очень неудобно, ноги замерзли. И мы с нетерпением ждали утра. Но был сильный туман, и рассвет наступал очень медленно. Наконец мы решили с Андреем идти. Вещи мы занесли к одной женщине, а потом отправились к маме. Мамы не было дома, она пошла в квартирное отделение с шести часов утра. Андрей пошел к ней, чтоб взять ключ от комнаты. Я этим временем посидела в кухне другой квартиры. Вскоре пришел Андрей. Пришла мама. Оказалось, что теперь квартиры дают не по ордерам, как раньше, а надо сговариваться с домоуправами о найденной квартире. Это значительно ухудшает дело. Немного погодя мама ушла на работу *[в Тарту мама устроилась счетоводом в 4-ю дистанцию пути Эстонской железной дороги]*, а мы сходили за оставшимися вещами. Вечером мама ходила к домоуправу насчет квартиры, и мы решили взять Мусину комнату с тем, чтобы в дальнейшем обменять ее на большую. Мы собирались уезжать утром, после того, как Андрей сходил бы на рынок купить масло для мамы.

Андрей повел меня на вокзал самыми многолюдными улицами, что было весьма неприятно. На вокзале говорили, что есть поезд на Печоры, но не знали который. Но часов в 11 отошли мы

от Юрьева и доехали довольно благополучно до станции Орава, где наш поезд пошел на погрузку и раньше, чем в четыре часа утра, не намеревался идти дальше. И, таким образом, с шести часов вечера и примерно до десяти мы провели под открытом небом. Я силилась заснуть, но ноги отчаянно замерзли, и всюду проникал ветер. Тут пришел начальник станции и сказал, что имеется один вагон Петсери–Псков. Мы с Андреем взобрались первыми и стали в стороне. Начальником вагона был назначен один из молодых людей, которые ехали на Родину.

Он и еще один другой очень мне понравились, так как имели весьма интеллигентный вид. В вагоне горела свеча. В половине второго мы были в Печорах. Остаток ночи провели в комнате ожидания, а утром в половине пятого мы на ходу сели в поезд, шедший в Верро. Мы дрожали от холода, как если бы нас вытащили из воды. Когда мы выехали, на небе были еще звезды, но постепенно они стали меркнуть — нарождался морозный, ясный, поздний осенний день. Мы приближались к Гусарам. Там поезд замедляет ход, и надо спрыгивать на ходу, чего я не делала еще и чего очень боюсь. Но в противном случае, не спрыгнув здесь, я принуждена была бы доехать до Верро и сделать до дому 14 километров. Андрей кричит: "Спрыгивай!" Я еще медлю, но затем решаюсь и, о чудо! Я благополучно стою на земле, и поезд проходит дальше. По дороге мы с Андреем решаем, что если Людвиг даст лошадь, то надо съездить к Майдлям. Дома все было благополучно, только на нашей кровати спали двое солдат, пришедшие к Людвигу.

У Майдлей уже все было приготовлено. По приезде домой мы все перевесили: оказалось — три пуда ржи, один пуд пшеницы, один пуд ячменя, один килограмм шерсти и семь килограммов баранины. Вечером того же дня я ходила к Зосе сказать, чтобы она пришла домой, так как на следующий день Людвиг собирался ехать в Верро, и мы думали Зосе поехать с ним, чтобы пойти к военному коменданту попросить машину. Зося была в саду. После получения разрешения всех глав дома она была свободна, и мы, прежде чем идти домой, зашли к винокуру купить водки. Но в данный момент ее у них не было, и нам сказали зайти в субботу и в воскресенье. На следующий день Зося с утра ушла в Верро. После обеда я ходила к Тане спросить, как у них дела. Евдоким уже вернулся из своей поездки в Россию, и они поговаривают о возвращении домой. Хозяйка была дома, и Таня спросила, что может она мне дать. После переливания из пустого в порожнее (довольно длительного) она сказала, что пуда три ржи. Но когда, этого я ничего не знаю. Вечером я пришла довольно поздно, а Зо-

си еще не было дома. Я уже легла, когда она вошла. Ну, машина — это дело собственной ловкости. Самое главное: Зося встретила в Верро Лялю, мамину приятельницу. После множества плутаний по Эстонии она попала в Верро. Она желает проехать в Гатчину, но задержка в транспорте даже для нее, жены офицера. Муж ее лежит в лазарете в Ленинграде. Что можно нам посоветовать, она не знает.

Утром в пятницу Зося ушла, собиралась придти как можно скорее. Но вернулась она только поздно вечером с Цено, который привез ее вознаграждение. Он помог втащить мешки в дом, и мы быстро перетаскали свеклу. Он уже отъехал, как вдруг вернулся и спросил "Наполеона". Я не брала эту книгу у Тани, а цела ли она была у них, я не знала. Зося сказала, что ее мы упаковали, но что потом принесем. Она была днем у Тани и видела Евдокима. В четверг он был в Верро у начальника НКВД, который ему сказал, что на следующей неделе будет производиться эвакуация русского населения обратно на родину. Мы решили, что Зосе и Андрею надо пойти в Верро и в случае каких-либо известий кто-нибудь из них поехал бы в Юрьев, а другой бы вернулся домой. В отделе им сказали, что по желанию они могут ехать, могут — нет.

В воскресенье пришел Людвиг к нам в комнату, он думал, что мы должны уезжать. Бабушка Дуня спросила его насчет поросенка, но он сказал, что у него своих много. Учительница ничего не имела против, и мы порешили, что к Рождеству она отдаст нам мяса в размере его теперешнего веса — 43 кг.

Но теперь во весь рост встал вопрос о размеле зерна. Утром я и Андрей ходили за водкой, так как там было много народа, мы сказали, что придем через час, и отправились на мельницу. Учительница говорила, что там могут взять смолоть пшеницу. Но ничего подобного: Vesi ei ole *[эст. — Нет воды]*. На обратном пути мы зашли к Тане поболтать и от нее опять за водкой. Он дал нам только один литр, а, если нам надобно еще, сказал придти на другой день вечером.

Андрей ходил к Палувееру попросить лошадь, но тот сказал, что ему самому надо. Учительская лошадь уехала на мельницу за 50 км. Вечером в воскресенье пришел солдат по поводу машины. Он уверяет, что обязательно привезет ее, но только после праздников, числа 9–10. Это довольно поздно, но у нас еще не смолот хлеб. В понедельник я стирала белье, а Андрей ходил в лес заготавливать дрова. Во вторник был праздник Лютера, и хозяева не работали. Андрей ходил утром в Ласву попросить лошадь съездить на мельницу, но ему ответили, что он сам должен договариваться об этом. Вечером бабушка Дуня ходила к учительнице по-

просить содействия сыскать лошадь. И договорились следующим образом: мы дадим бутылку водки ее мужу, и тогда он, наверное, даст лошадь. Таким образом, Андрей и Матвей уехали на мельницу. Смелют ли они или нет — вопрос колоссальный.

О Боже! Никак все? Мне хотелось описать все по порядку и не верилось, что достанет на это терпения. Однако, это верно. По сей день все. Ах, я забыла маленький эпизод: сегодня вечером, во время причесывания, я увидела птичку на подоконнике. Она проскакала по всему карнизу двух окон. Это — весть. Но какая?

7/XI/44. Вторник. В прошедшую среду пришла *[?!]* Зося из Юрьева. Я в это время как раз вынимала картошку из печки. После обеда мы пошли к Цено за Зосиным материалом. Vana ema, увидев меня, сказала, почему пришли двое. Тогда я решила пройти к Тане с тем, чтобы у нее дождаться Зоси. Она вскоре пришла и принесла материю, довольно хорошенькую.

С этой материей связана небольшая история. При найме меня на сезон было заранее обговорено, что я должна получить за свою работу, и написан письменный договор. Полагался и кусок красивой домотканой шерстяной материи в клетку. Что-то приблизительное было показано. Но при расплате хозяйка вручила мне невзрачную, лежалую ткань. Я ее не взяла, переубедить vana em'у не смогла и... пошла искать защиты в волость. Хотела поговорить с начальником и спросила: "Где я могу видеть Seltsimees'a"? Меня не сразу поняли, потому что по-эстонски это слово означает "товарищ". Не помню, как развивались события, все же, наверное, с участием "товарища", но ясно, что, увидев нас вдвоем, хозяйка предположила, что сестру я взяла для подмоги. Моя настойчивость была вознаграждена: я получила прелестную серо-голубую материю с узенькой голубой, более глубокого оттенка, клеткой.

В четверг я занималась штопкой, потом стали обедать. В это время пришла Лехте и принесла два письма, одно из Канска, другое — от мамы. Зося начала читать письмо тети Нади. В первых же строках она пишет, что потеряла "любимого Севочку" еще в 42 г. третьего апреля в Ленинграде. С бабушкой Дуней сделалась истерика и вообще расстройство чувств. Без сомнения, это

[смерть Севы] очень жаль. Сева ведь был очень красивый, умный и скромный юноша. Но в Ленинграде погибло очень много людей, и было бы чудом, если бы он остался в живых, хотя для него и для нас это было бы несравненно прекраснее. Но мы тоже умрем, и все увидимся вновь.

Живо письмо, которое мама написала нам в те дни.

11.XI.44.

Дети, родные, любимые, дорогие!

Вас нет до сих пор. Передать мою тоску, тревогу я не в силах. Я решила ехать, чтоб узнать, что с Вами! Если на счастье вы приедете без меня, то вот вам мои наказы:

1) школа работает, это бывшая 5-ая школа на улице Линна, подробнее адрес узнаете у мальчика напротив, его фамилия Малвыгин. В школе обратитесь к учительнице Антонине Алексеевне Боровской;

2) карточки на хлеб и прочие продукты прикреплены к лавке на Нарвской улице № дома 111. Продавщиц в лавке зовут Анна Федоровна и Наталия Федоровна. В этом же доме помещается квартира, которую я нашла. Ордер еще не получила. Управляющий гр. Ветла.

В пятницу Матвей ходил к Андрею сказать, чтобы он остался дожидать лошади до воскресенья, когда можно было бы поехать на хозяйской. Зося же ходила в Верро опять насчет машины и вернулась только поздно вечером. Но опять ничего положительного. Чтобы поехать на гражданской машине, надо иметь около 40 литров бензина, и, кроме того, надо, чтобы вещи были привезены в Verro, это является наиболее трудным. В субботу Зося мыла полы. Но, к сожалению, они еще не высохли, как пришли солдаты и очень наследили, так как с утра шел дождь. Андрей вернулся поздно вечером в пятницу, его подвезли мужики из соседней деревни. В субботу была баня, мы все хорошо вымылись. Во время ужина приехало несколько машин с шоферами, знакомых Людвига. Двое из них сидели в нашей комнате, и мы очень весело беседовали, совершенно притом прилично. Даже бабушка Дуня вышла из своей апатии (она заболела с пятницы и потому не ходила в баню и лежала в постели).

Потом вдруг пришел лейтенант с чрезвычайно несимпатичным лицом и начал рассказывать о беременных женщинах. Мы были принуждены уйти в другую комнату и запереть дверь. Те два

солдата тоже ушли. Офицерик продолжал сидеть и беседовать с бабушкой Дуней. У них был примерно такой разговор:

— Это что, твои дочки?

— Да нет, внучки.

— Куда же они убежали?

— Да вот там сидят, — показывает рукой по направлению нашей комнаты.

— Как их звать?

— Люся и Зося.

Лейтенант кричит:

— Лю-ся! Зо-ся! Идите сюда, чего вы испугались? — Потом обращаясь к бабушке Дуне:

— Чего же они сбежали?

— Да не понравилось что-нибудь, наверное.

И все это таким невинным тоном, что мы еле сидим. Диви бы человек-то был бы приличный, а то какой-то развратник, и у него и в речи было "две девчонки"...

Слово "девчонка" воспринималось нами как совершенно нелитературное, вульгарное. Дома мы его не слышали.

25/XI/44. Суббота. Сегодня первый день ходили в школу в Тарту. В классе 16 человек, из них, кроме нас, только трое из России. Девочки одеты хорошо, но пустенькие. Мальчишек шесть человек, и все невзрачные. По всем предметам проходят все то, что мы уже знали. Мы поступили в восьмой класс, хотя были записаны в седьмой.

В Тарту мы приехали в среду утром, а выехали во вторник, ночью заночевали в 15 км от города, в деревне. Из Выру ходило очень мало машин на Тарту, и мы просидели с 10 до 22-х часов. Последнее время мы находились в доме напротив КПП *[контрольно-пропускного пункта].* В сарае лежали наши вещи, а мы днем обитались в будке регулировщиков, которые были очень к нам любезны. Проходили машины, но все на Валк. На другой день, как мы приехали, была машина, эстонская, которая забрала часть вещей и бабушку Дуню с Андреем. Матвея Зося отвезла еще в понедельник на поезде. С едой было не особенно хорошо. Зося ходила в город искать машин, находила, сговаривалась, ей обещали..., но машин не приходило. Андрей вернулся в воскресенье от мамы, по дороге, на улице, он случайно познакомился с одной русской дамой из Ленинграда, которая сказала ему, что одна пустая машина поедет на днях в Тарту. Она обещала похлопотать с

тем, чтобы мы пришли бы ей попилить дрова. Я с Зосей пошли. Пропилили мы около двух часов, потом она позвала нас кушать. Она положила нам в тарелки какой-то белой каши, и, когда мы стали пробовать, то, о Боже! — это оказалось рисовой кашей. Она положила туда порядочно масла, так что получилось великолепно. Затем она подала нам чаю с патокой и печеньем. Все время мы с ней разговаривали. На прощанье она дала нам буханку хлеба и бутылку молока для Андрея (он был немного нездоров). Когда мы уходили, было уже семь часов. Софьюшка сказала ей, что мы будем долго помнить это воскресенье и День артиллерии — 19 ноября. Придя в будку, мы посидели немного, а потом пошли спать в эстонский дом. Кто-нибудь стучался в окно, затем следовало "алло", мы отвечали, что это мы, и нам отпирали дверь. Зато спать там было очень удобно. Тепло, относительно мягко и покойно. Рано утром мы уходили от них и опять шли к регулировщикам. На другой день Зося ходила к этой Даме *[так!]* опять, и она сказала, что машина скоро будет. Андрей ходил к Кютту спросить, как насчет коровы. Людвиг ответил, что корову, возможно, будут считать государственной, и он ничего не хотел нам за нее давать. Андрей говорит, что надо ехать маме самой.

Прерву на этом месте Дневник сестры и перепишу сюда письмо мамы Л. Кютту.

12.XI.1944

Г. Тарту

Многоуважаемый Людвиг Кютт!

Пишу Вам вот по какому поводу: мне очень жаль, что наше взаимно такое дружественное житье у Вас в течение семи месяцев заканчивается неприятным недоразумением из-за коровы. По словам Андрея, Вы Мусту записали на свое имя и не хотите ее отдать нам. Я этого не понимаю. У меня не возникало никакого сомнения в том, что корова числится за моими детьми, и никто из Вашей семьи ни разу не намекнул, что Вы смотрите на это дело иначе и хотите просто оставить корову себе. В один из приездов Андрея Вы предлагали ему 2000 руб. за Мусту, но ведь это стоимость всего четырех гусей по рыночным ценам Тарту или 25 килограмм коровьего мяса. Я всегда считала, что Вы справедливый человек и не захотите и не сможете обидеть детей, да к тому же еще без отца. Моя зарплата — 300 р. в месяц. Я надеялась, что эта корова послана мне судьбой, чтоб скоротать еще зиму и иметь какие-нибудь средства на отъезд в Россию. А Вы, имея одну дочь и прекрасное благоустроенное хозяйство, считаете справедливым отнять у детей ко-

рову? Или Вы считаете, что мы не расплатились с Вами за кров и пищу и картофель, которую Вы нам давали? Я-то думаю, мы с Вами в этом случае в полном расчете: мы расквитались работой вдвоем с Андреем, да и Люся ведь тоже помогала хотя бы копать картошку. Я была здесь в юридической консультации, и мне сказали, что я имею все права на корову и должна в Верро обратиться к соответствующим организациям и они нас рассудят. Я вовсе не хочу доводить дело до суда, но хотела бы, чтобы Вы сами его решили по справедливости. Если бы Вы мне не помешали, я, еще будучи в деревне, выяснила в волости относительно Мусты, а Вы сказали, что ничего делать не нужно, и записали корову на себя. На каком основании? Ведь всякий знает, что у Вас не было черной коровы [must, эст. — черный], а мы ни от кого не делали секрета, что взяли корову, отбившуюся от немецкого обоза.

Это письмо я пошлю с Андреем и одновременно буду просить Вас, если Вы хотите оставить корову за собой, рассчитать ее стоимость по примерной рыночной цене, с удержанием стоимости корма за два месяца. Если же Вы не хотите оставить ее за собой, то напишите записку в волость, что корову передаете мне, служащей 4-й дистанции службы пути Эстонской железной дороги. Нужно, чтоб у коровы был документ.

Стоимость коровы можно оплатить не деньгами только, но и продуктами, хотя бы свиным мясом и пр.

Если приедет один из братьев Тимнер, выдайте ему, пожалуйста, семь мешков картошки. Pr[ova] Яска мне оставила здесь свою, хотя и не такую отборную, как моя.

Большой привет милой Адели, Лехтекене [ласкательное к Лехте] и бабушке. Я очень надеюсь, Людвиг, что все у нас с Вами урегулируется, и мне не придется самой приезжать в Верро.

С искренним уважением
Ю. Тихомирова.

Думаю, что это письмо — не черновик, письмо было сложено в восьмую часть, сгибы чуть-чуть истерты. Могу себе представить, что Л. Кютт, прочитав письмо, вернул его Андрею. Так оно сохранилось в бумагах...

К сожалению, машины той не пришло. Во вторник Зося пошла опять в город. Я и Андрей сидели в сарае, так как накануне

вечером нам отказали в будке, потому что один из начальников посетил наших патронов и запретил посторонним в ней находиться. Я услышала приближение машин и выглянула, желая узнать, откуда. Она была из Верро. Я стала наблюдать и вдруг заметила, как сержант махнул солдату, чтобы сказать нам, что машина идет в Тарту. Я выбежала. Сначала шофер не хотел нас брать, говоря, что мы долго провозимся с погрузкой и что мало вина. Тогда я предложила другую бутылку водки, и они остались. Андрей был немного нездоров и таскал с неохотой. Самое плохое было то, что борт у машины не открывался, и приходилось очень высоко поднимать пакеты. Особенно тяжело было с мукой и картошкой.

Сначала они *[шоферы]* не хотели брать дров, но, пока они закусывали, мы их погрузили. Зоси еще не было видно, и я оставила ей буханку хлеба, в случае, если ей придется ехать на поезде. Но перед самым отъездом я увидела ее, она узнала машину и побежала. Таким образом, мы погрузили все, даже дрова и маленькую печку с трубами. Мы поехали. Машина шла довольно медленно. Кроме того, шофер и солдат заходили несколько раз на хутора и в результате напились вдрызг. В одной деревне было, наверное, собрание, и масса молодых людей стала наседать на машину. Их присутствие грозило нашим вещам, и, кроме того, машина должна была идти пять километров назад, что было уже никуда не годно. Мы и еще четыре пассажира, четыре женщины, принялись кричать на них, чтобы они вылезали. Потом стали будить начальника, который пьяным спал у нас в машине. Машина остановилась, между шофером и русским дядькой началась драка. Наконец, эстонцы были выторгнуты *[так!]*, и мы продолжали свой путь по направлению Тарту. Переночевав ночь, мы утром приехали в город. Выгрузили вещи и стали прибирать в комнатах.

10/XII. Вот уже около трех недель живем в Тарту, и жизнь наша представляет *[собою]* также одни заботы о дровах, о выкупании хлеба по карточкам, о стирке белья и учении уроков. Теперь мы ходим в первую смену. Отметок не получали, особенно физик строгий, остальные учителя ничего. Зосю выбрали в учком — все-таки большая честь. Я с Матвеем ходили в кино смотреть "Два солдата". Кинофильм не из блестящих. Зося с Андреем ездили недавно насчет коровы в деревню, и Андрей выменял там шпику и денег на дрожжи. Теперь он собирается еще раз съездить, но не знаем, как будет с документами. В то воскресенье мама работала, но зато имела свободную среду. В среду она стирала, а потом мы ходили в баню, и все хорошо вымылись. В четверг и в пятницу я и Зося тоже стирали белье, а в субботу прибирались.

Однажды мы ходили спиливать обуглившиеся деревья и принесли семь штук.

Вчера с утра было холодно, и я впервые надела свое зимнее пальто. Зося говорит, что оно сидит неплохо, да мне не верится.

Не знаю, как-то нечего больше писать, все одно и то же. Я подумала, что можно было бы написать письмо Heino, который тогда просил это сделать.

18/XII. Понедельник. Вчера мы ходили в церковь, была заупокойная по Севе. Андрей ездил в Выру менять дрожжи и вернулся только в субботу вечером. Он захватил собой 10 пачек дрожжей, но сменял только пять. Денег он выручил все и еще привез мяса. Вчера вечером я с Андреем ездили спилить два столба и благополучно привезли их домой, так как выпал снег и мы достали санки. К Рождеству мы уже сделали два раза печенье, правда, не очень сладкое. Сегодня нам раздали сочинения на тему "Наш город". Мое с Зосиным самые лучшие.

24/XII/44. Воскресенье. Сегодня мы учимся, зато завтра, в Рождество, не будем. Вчера Зося не ходила в школу, так как утром ходила в баню (ее долго не было; было много народа), а потом ходила узнавать, не будет ли церкви. Ей сказали, что сегодня она будет в шесть, девять и в одиннадцать. Мы встали рано и отправились на Gottesdienst *[нем. — месса]*, служба проходила на квартире священника, и присутствовало, кроме нас, четверых, еще три сестры *[монахини]*. К семи часам мы были уже дома. Священник — довольно пожилой человек, похож на францисканского монаха. У него небольшая бородка и бритая голова. Читает он, как бы бормоча слова. Тот священник, который был раньше, француз, уехал в другое место.

Сегодня предполагается контрольная по физике, и мы очень боимся: очень уж строгий учитель. В пятницу мы ходили в концерт на шесть часов. Но, к сожалению, зал был почти пуст, так как объявление было напечатано в газете за два часа до начала и никто не знал этого. Но концерт был прекрасный. Особенно хорошо пел один молодой человек "Не счесть алмазов" и итальянскую песню по-итальянски. Перед нами сидела молодая девушка, немного похожая на доктора. Да, музыка очень приятная вещь...

Вечер. Сделали елку, которую я украшала. К сожалению, имелись только вата и золотой дождь. Кроме того, я повесила несколько печенинок. Но все же получилась неплохая. В воскресенье мы проснулись в половине девятого, а в церковь надо было идти к десяти. Мы с Андреем пошли попилить дров, а мама растопила плиту, чтобы сготовить кофе. К завтраку было, кроме булочек и

хлеба, сыр и масло. Вышли мы без четверти 10. Богослужение происходило в церкви, в правой часовенке *[в правом приделе]*. Сначала было всего несколько человек, но потом, к часам 11, пришло еще. Мы, наверное, прослушали две службы, одну тихую, а вторую — с пением. Даже органист играл на маленькой фисгармонии. Монахиня раздала многим людям книжечки с песнопением, и я тоже пела, хотя было написано по-эстонски. Священник говорил проповедь сначала по-эстонски, а потом — по-польски. Кончилась служба около часа, и Андрей сразу же пошел покупать билеты в театр на вторник. Мы же пошли домой. Обед был с гусем, картошка с капустой и соусом да еще мама сделала нечто вроде крема. До вечера делали уроки. Андрей купил билеты за пять рублей.

26/XII. Вторник. Сегодня в школе у нас было две контрольных, по алгебре и латинскому. Латинский язык даже не знаю, как и вышел. Андрей уже оделся к концерту, Матвей собирается. С Матвеем было долго не решено, пойдет он или нет, но потом мама сказала, что он тоже пойдет, хотя нам этого особенно не хотелось.

28/XII/44. Ну-с, на концерте были. Народу было больше, чем в тот раз. Heino Otto пел даже второй раз итальянскую песню. Когда мы шли домой, светила луна. Было совершенно светло, развалины выступали своими причудливыми силуэтами на белесоголубом небе. Вода в лужах, замерзшая к вечеру, блестела и сверкала, как зеркало. Мы шли по дороге, там было не так скользко. Бабушка Дуня сделала лепешек, так что ужин был неплохой. Вчера мы с Зосей ходили в библиотеку. Я взяла для себя немецкий роман Ульштина. Теперь я его читаю, и, кажется, интересно.

1945

1/I/45. Понедельник. Сегодня уже новый год. Вчера мы ходили исповедоваться. Мы думали, что надо придти к 10 часам, а, оказывается, служба началась в 11. Было порядком холодно. К началу службы пришел органист, и мы опять пели. Домой вернулись к часу. Священник предупредил, что служба будет еще в четыре часа — благодарственная за окончание года. Мы втроем сходили, кроме Андрея, и снесли белой муки сестрам в качестве презента. Вечером мы читали, а за ужином пили чай с печеньем и сахаром. 30-го числа нам выдали отметки. У меня, кажется, лучше всех, так как нет троек. У Зоси тоже есть одна — по физике. Было только два урока, а потом акт и небольшой праздник в честь елки. Но так как не было пианиста, то не было и танцев. С девочками расстались мы весьма дружественно. Нина приглашала приходить слушать патефон. Вечером мы ходили в баню, народа было мало, и мы быстро вымылись.

Сегодня, к сожалению, утром произошел небольшой скандал. Андрею показалось, что ему положили меньше печенинок, чем остальным. Так как раскладывала Зося, то его упрек обращался к ней. Она заплакала. Потом мама тоже разнервничалась и тоже заплакала, осыпая нас упреками в нелюбви к ней и между нами. Таким образом, утро нового года и понедельника было испорчено. Андрей собирается сегодня ехать в Выру сменять гребешков. Разрешение на проезд у него есть, только как он это все обделает. Больше не могу писать, хочется читать.

Случайно сохранился вот такой документ:

Эстонская ССР
Исполнительный комитет
Совета Депутатов Трудящихся
города Тарту
№3608 16 октября 1944.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано ученице Хордикайнен Софье Александровне от Исполкома гор. Тарту в том, что она имеет право проезда из Выруского уезда вол. Ласва, село Тюютсмяэ в город Тарту для поступления в местное училище.

/Круглая печать/ *Зав. общ. отд.*
/подпись/

Удостоверение прокомпостировано.
Видимо, подобное удостоверение получил и Андрей.

2/II/45. Вторник. Зося с утра пошла к зубному врачу, а я принялась прибирать в комнате. Вчера вечером я прочла в детской книге "Игрушечка" такие слова под рубрикой "Основы жизни": "Лучшая утренняя молитва та, в которой мы просим, чтобы ни одно мгновение этого дня не прошло бесполезно, и лучшая благодарность перед обедом заключается в сознании, что мы честно заслужили нашу пищу". Руководствуясь сим правилом, я постаралась сделать все как можно скорее, но хорошо. Затем я решила сходить в библиотеку сменять книги. "Одноэтажную Америку" я прочла сегодня утром до конца, а немецкий роман кончила еще вчера. Обе книжки мне понравились. Но, к сожалению, моим планам не суждено было сбыться. Библиотеки я не нашла.

4/II/45. Вчера я вторично ходила в библиотеку и сменяла *[книги]*. Домой шла через рынок. Наверное, по случаю первой хорошей зимней дороги было много народа на лошадях с продуктами. На четверг нам всем приснились плохие сны. Но за день ничего плохого не произошло. Мама вернулась позднее обыкновенного. У них на работе было несколько неприятно. Двух работниц взяли на ... X *[?]*. Мама боится дальнейших репрессий. Андрей еще не приехал. Сегодня великая оттепель. Весь снег, падавший беспрерывно два дня, начал таять. Мы набрали воды, так как хотим завтра стирать белье.

9/I/45. Все эти дни падал снег, так что установилась хорошая дорога. Андрей приехал четвертого вечером. Зосины боты он продал за 900 руб, кроме того, привез мяса — 15 кг. Седьмого числа он опять уехал. Пятого и шестого мы стирали. В воскресенье мама работала. На ужин бабушка Дуня сделала котлеты в честь Рождества. Андрей привез, кроме всего прочего, письмо от Доната *[Донат Михайлович Базанов — мамин племянник, живет в Бобруйске]*. Вчера мы ему написали. Утром ходили смотреть туфли, подходящих не нашли. Все какие-то черные и очень неизящные. На рынке масса русских. Завтра уже в школу, Зосе очень этого хотелось. За это время я читала "Мертвые души" и рассказы Чехова. Да, самое главное и забыла написать: я остригла в субботу волосы. Получилось посредственно, но когда-нибудь надо было бы решиться.

14/I/45. Воскресенье. Вчера, возвращаясь из школы, мы решили посмотреть на вывешенном номере эстонской газеты, нет ли концерта сегодня или завтра. Оказалось, что есть в семь часов. Мы с Софьюшкой припустились и, придя домой, решили, что пойдем. Мама была дома, это был ее выходной за воскресенье. Поужинали и пошли. Дорогой обсуждали, из чего нам можно сделать шапочки, так как мама обнаружила шляпную мастерскую. Билетов у нас не было, и потому пришлось купить за одиннадцать рублей. Народу в этот раз было много: полный зал. Это был сборный концерт. Выступали певцы, один рассказчик и балетные номера. Пел Heino Otto. Маме он тоже нравится. Но вчера на меня музыка не произвела того впечатления, как в первый раз. Может быть, оттого, что мало было симфонических номеров, которые так действуют на душу. Около девяти часов мы были дома.

В этот день Зося была некоторым образом учительницей во втором классе. Ее попросила заведующая учебной частью. Она говорит, что ребятки восхитительные, и все хотели знать имя и отчество Зоси. Сегодня мы хотели пойти в церковь, но маме не хотелось готовить суп, и потому я осталась, а пошла одна Зося. Она пришла к обеду и принесла несколько образков и противогаз из-под муки. Она рассказала, что патер сказал после службы, чтобы дети постарше пришли бы к нему, он займется катехизисом. Затем она узнала от него, что он был знаком с кригсфарером, что будто бы он был ранен в Нарве и переехал в Раквере и успел заблаговременно уехать на пароходах. Что он также знал патера в Ленинграде. Как это странно. Священник сказал, что придет к нам во вторник для занятий, наверное, Законом Божиим. Кажется, что учитель по физике собирается уходить от нас, и его будет заменять директор. Если это случится, то будет очень скверно.

Теперешний учитель очень толково и хорошо объясняет, а директор всегда пускается в отвлеченные разговоры. Мама думает, чтобы мы попросили его, в случае, если он уйдет, давать нам урок в неделю. Согласится ли он или нет?

Эти дни мы были заняты обсуждением вопроса, сшить ли нам какие-нибудь платья или нет. Кажется, что надо, но из чего? Сначала мама думала из хорошей старинной материи, но теперь нам кажется, что из нее не стоит, так как она слишком хороша. И вот мы решили сделать из двух наших шерстяных кому-нибудь, а другому из бурдовой *[так!]* материи. Эти дни я очень мало читала, а по-немецки так вообще ничего. Зося принесла книжку, но она с плохим концом. Завтра я постараюсь ее сменить.

16/II/45. Вторник. Вечер, только что поужинали. Сегодня утром приходил к нам священник заниматься катехизисом. Он объяснил нам значение ружанца и как надо по нему молиться. Затем говорил о церкви. Он принес две книжечки на русском языке. После урока, как было условлено, мы позавтракали или пообедали. Для этого была стоплена печка и спечены булочки, а также скипечен чай. Зося попросила его остаться. Мы условились что он придет в среду на следующей неделе.

В школе сегодня записывали, что кому нужно: платье, белье, калоши. Кажется, школа должна представить смету, но вряд ли из этого что выйдет. Сегодня был прекрасный день. Довольно морозно, и солнце, золотящее раненый город. Возвращаясь со школы, увидели молодой месяц справа — это хорошо. Андрей с Матвеем все так же безобразничают. По утрам орут, гогочут, дерутся. Это что-то ужасное. Сегодня мы видели сына Белоусовой *[нашей учительницы по литературе]*: мальчик прямо комильфо. А Андрей? Воплощенное неряшество, разгильдяйство. Ну, ладно. Конец.

21/II/45. Воскресенье. Утро. Сейчас нарочно встала, чтобы пописать. В другие дни нет совсем времени. Вчера, в субботу, я пошла к восьми часам в баню, чтобы раньше вымыться. Но баня открылась только к одиннадцати часам, и я освободилась без десяти двенадцать. В этот день надо было писать сочинение на тему "Мое любимое занятие", которое я еще вчера написала. В баню приходил также учитель физики, но потом ушел. Между прочим, его урока не было в пятницу. В тот же день мама принесла полученное письмо от Нат*[алии]* Конст*[антиновны]*. Очень хорошее, умное и доброе письмо. Она собирается приехать в Ленинград, но не знает "как пройдет по тем же улицам и войдет в дом одна". И как устроится жизнь с мальчиками. Нат. Конст. говорит, что душа ее как бы обрастает коростой, что собственно ее, ее личного Я,

все меньше, и остается только забота о жизни и всякие житейские дела. Нам надо обязательно написать ей письмо, да не знаю, когда.

Андрею и Матвею дали вчера печенье и конфеты. Печенье изумительное, оно тает положительно на языке. Нам его давать не будут. Относительно Андрея: тут как-то мы пришли в школу и всех звали в зал. Директор говорил, что ребята по-прежнему плохо себя ведут. Андрей был в числе тех, имена которых зачитывались перед всей школой. И вообще неизвестно, что с ним делать. Дома также все кричит, поет, ругается.

В понедельник мы ходили вечером в кино на "Кутузова". Фильм шел очень неудачно: иногда совсем не было слышно голосов. Кроме того, публика вела себя ужасно: солдаты разговаривали, ребята кричали. Но лица Наполеона, Кутузова, Багратиона очень хороши, и артисты вообще все хорошо играли. Но Зося сказала, что после этого фильма ей ни на какой другой не хочется идти. Сегодня я пойду к одиннадцати часам в церковь, а вечером мы собираемся пойти на оперу Бизе "Кармен". Билеты купили у мамы на работе. Андрей, кажется, не пойдет, так билет мы думаем отдать Нине.

Вечер. Сейчас только что пришли с театра. Оперы сегодня не было, так как нет электричества, и она перенесена на пятницу. Один господин очень приветливо нам объяснил, когда это будет — пятница по пальцам. Завтра начинается стирка, и мы решили, что кто-нибудь из нас не пойдет в школу, а именно — Зося.

28/I/45. Воскресенье. В пятницу мы опять ходили в театр, и опять не было "Кармен". Сказали, что во вторник. Утром в пятницу мы ходили пилить дрова к священнику. Погода стоит морозная, и в доме у нас тоже мороз. В субботу писали сочинение о Печорине, у меня оно долго не получалось. Дома у нас каждый день происходят скандалы из-за поведения мальчиков. Они совсем не хотят считаться с соблюдением тишины. "Поют", но такими голосами, что слышно на улице. Раньше мы говорили об этом маме, но теперь я постараюсь на это обращать "нуль внимания, пуд презрения".

Мне часто вспоминается доктор в Võbs'e. А так как из всего надо извлекать выводы, то мне предстоит злоупотребить его именем для собственного совершенства *[самосовершенствования!]*. Как это удастся, не знаю. Сегодня мы собираемся пойти в церковь. Священник приходил в среду, и мы занимались. Я еще не написала, что приезжали хозяева и забрали кровать и стол из нашей комнаты и из кухни. Так что наша комната совсем изменила свой вид. Кровать дали лавочницы, но она очень высокая.

30/I/45. Вторник. Вчера мама не работала и занималась устройством мебели. Она достала стол, этажерку, мягкий стул. Наша комната опять стала иметь приличный вид. Чулочница уже связала перчатки, теперь у каждого по паре. Зосе дали вчера талон на получение обуви. В воскресенье мы с Зосей и Матвеем ходили в кино на "Джунгли". Это американский фильм в красках. Очень глубокий по смыслу и прекрасно выполненный. Мы думаем пойти второй раз в конце недели. Говорят, что сегодня опять может не быть "Кармен" из-за неимения топлива. Вчера раздали сочинение о Печорине, у меня четверка. Сегодня будет контрольная по алгебре, и он собирался дать каждому отдельный билет. Да, в воскресенье бабушка Дуня купила дров, довольно порядочно. Теперь только топить.

2/II/45. Пятница. Сегодня мы хотели пойти второй раз на "Джунгли". Вчера приходил хозяин сказать, что сегодня приедет за шкапом. Вот уже несколько раз Зося собирается поговорить с физиком, но все не решается. Уж очень у него вид замечательный. Сегодня оттепель, совсем тепло, и снег тает. Вчера мы купили керосин за водку.

7/II/45. Среда. Сегодня опять был священник. Занимались после обеда. На днях получили письмо от бабушки Мани. *[Оболикшто Мария Сильвестровна (1877–1964) — сестра нашей бабушки С.С. Высоцкой.]* Они живы, понемногу здоровы. Я написала им ответное письмо. Мы с Зосей решили каждый день прогуливаться. Сейчас читаем Мамина-Сибиряка. В воскресенье ходили в церковь, а около двух часов пришла мамина знакомая "Олечка" Куликова. Она занимается изучением живописи, вообще она художница. Она собиралась сделать нам какие-нибудь шапочки. Эта Олечка имеет очень интеллигентный вид. А вечером мы отправились в театр. Наше терпение увенчалось успехом. Театр был натоплен и освещен электричеством. Музыка оперы исполнена была, без сомнения, прекрасно. Но, насчет игры артистов, так не очень. Кармен все время держала руки на бедрах, а у Хозе была уж очень непрезентабельная фигура и голос не очень-то страстный. Но в общем не так уж плохо. Перед выходом проверяли документы, и мы просидели не меньше часа. Наиболее мне понравилась песня "Тореадор, смелее в бой!" и танцы. Андрей тогда не ходил, а купил себе билет на завтра. В понедельник у нас был осмотр. При взвешивании во мне оказалось 57 кг. Ну, все.

11/II/45. Воскресенье. В церковь сегодня не ходила, так как хотела поштопать и поучить уроки. Мама работает, а вчера была свободна. В пятницу контрольной по физике не было, он не при-

шел. Учителя по математике нашли, он преподает в одиннадцатом классе. Завтра обещал сказать, что будет стоить, когда и как. В мастерской нам шили платья из матрасника, примеряли их, и ко вторнику будут готовы. Вчера ходили вечером в концерт. Мы уже слышали его раньше, но все-таки понравился. Есть еще билеты на завтра. Будет концерт двух роялей. Ссор дома, кажется, меньше, но иногда случаются. Андрей запаршивел чесоткой. Недавно нам делали уколы против тифа.

20/II/45. Вторник. Живем по-старому. Андрей эти дни занимается билетами, покупал и перепродавал, выручая немного денег. В пятницу была контрольная работа по физике. Все были разделены на группы. Мне четыре, а Зосе пять с минусом. Вообще в классе одиннадцать двоек, три четверки и две пятерки. Этот учитель — довольно оригинальный человек. Зося, наблюдая за ним, говорит, что его серьезность напускная и что иногда у него бывает в глазах какая-то усмешка. Однажды он пришел в очень элегантном виде, как и всегда, впрочем. Зося в это время прогуливалась с Калугиной, последняя, увидев его входящим, подтолкнула Зосю, и она воскликнула: "О!". Физик посмотрел на нее весьма удивленно. Эти дни я читала о средних веках Грубе и письма Толстого. Очень приятная книга. Я мыла пол, так как Зося разнервничалась из-за непослушания Матвея. В пятницу и субботу мы стирали. Вечером ходили в концерт. Исполняли Листа. Концерт понравился. Мама купила билеты на пятницу на "Кармен".

22/II/45. Четверг. Сегодня у нас была физика. Физик изумительно объясняет и делает очень интересным урок. Сегодня он говорил о строении молекулы, мне даже захотелось что-нибудь об этом почитать. В школе должны сделать к завтра газету, и никто не хочет ничего делать. Одна Софьюшка за всех отдувается.

26/II/45. Понедельник. Сейчас прекрасная погода, светит яркое солнце, и на небе появляются голубые просветы. Недавно оно освещало всю комнату, и все было светлым и ярким. С крыш капает. Сегодня писали сочинение "Наш школьный акт 23 февраля". Шестым уроком была физика. Все ребята говорили, что он не придет, будто бы заболел. Латинский урок был свободен (учитель болел). Я сидела и читала Гамсуна. В это время вошла Ванькова и сказала, что видела, как вошел "он", учитель. Зося на уроке не присутствовала, так как пошла вместе с директором в университетскую библиотеку отобрать книг для школы. Она могла бы пойти домой, но желание его *[учителя физики]* увидеть заставило ее придти в школу. Сейчас она пошла за билетами. Вчера я чита-

ла, наверное, до двух часов, и совсем не хотелось спать. Правда, книга была интересная — "Деятельность Станиславского".

4/III/45. Воскресенье. Я только что пришла из церкви. Зося не ходила, а Андрей пошел в театр. Матвей прислуживал. Сегодня опять чудесная погода после недавних бурь. Солнце светит, и снег подтаивает. *[...]* Я читаю Гамсуна, скорее в принудительном порядке. Скоро кончу "Мистерии". "Пан" и "Виктория" понравились больше всего. На последнем уроке физики мы только писали, так как ему трудно говорить. Тогда же произошел следующий инцидент: опоздало несколько мальчиков и Антонова. Он был рассержен, хотя наружно это выразилось только закушением губы. Завтра его урока не будет, очень досадно.

7/III/45. Среда. Сегодня ходили к священнику заниматься. Он немного нездоров. В комнате довольно прилично. Несколько полок книг, среди них проповеди по-немецки, один том Достоевского. Вчера вечером было скверное настроение, оно, правда, несколько оправдалось, так как заболела мама. Доктор говорит, что острый бронхит. Достали Вильконсинову мазь, она черная, и Андрей стал арабом. Да, у священника мы видели портрет теперешнего папы Пия XII. Он раньше был нунцием в Германии и вообще — дипломат.

10/III/45. Суббота. Уже вечер. Мы пришли из театра. Ходили во второй раз на концерт вальсов. Концерт оживил в моей памяти неделю в Võbs'е и доктора. Я помню, как он пришел как-то к больной Софье Артемовне и, сильно нагнувшись к ней, щупал ее пульс. Я сидела и старалась как можно лучше оттиснуть в памяти его образ. И эти засыпания вечером с мольбой не уезжать, а остаться и еще раз увидеть его высокую худощавую фигуру... Эти воспоминания у меня вызвались еще тем, что перед нами сидел молодой человек, имевший что-то общее с ним, даже такие же очки. Но только у него в лице не было так интеллигентно, умно и приятно. Что прошло, то не воротишь. Все, что прошло, то будет мило.

Из домашних происшествий важно то, что заболела мама. Доктор говорит, что это бронхит. У мамы слабость, температура и боль в сердце. Вообще, положение неважно.

13/III. Среда. Сегодня совсем весна, тепло, солнце, настроение и даже мокрые ноги. Сейчас шесть часов, а совершенно светло. Прочла Станиславского, а еще нужно прочесть Метерлинка и характеристики. Вчера на восьмичасовой сеанс ходили в кино и смотрели "Большой вальс". Но прежних восторгов он не возбу-

дил, во-первых, потому что тогда это был первый в своем роде, а, во-вторых, мы насмотрелись их, и они не кажутся нам такими чудесными. Сегодня день бабушки Дуниных именин, и потому вечером будут блины.

20/III/45. Вторник. Сегодня у нас предполагается контрольная по физике. Вчера вечером ходили на концерт, исполняли Бетховена, Моцарта и Шостаковича. Концерт исполнялся квартетом и на меня особенного впечатления не произвел. А утром мы ходили в церковь по случаю праздника Святого Иосифа. Андрей причащался, а мы исповедовались еще в понедельник. Недавно мы получили три письма от Наталии Конст. Для нас с Зосей она прислала отдельно. В воскресенье мы написали ей по три листа письма, так как она хотела знать, как мы живем, как наши дела. В воскресенье я мыла голову дождевой водой. Волосы стали пушистые и мягкие. Зося мне сделала вчера эстонский чуб и уверяет, что он мне идет.

25/III/45. Воскресенье. Сегодня Вербное воскресенье и Благовещенье. Утром ходили в церковь. Народу было очень много. Матвей прислуживал. Вечером хочу почитать Евангелие. *[...]* На столе стоит букет вербы.

В школе сказали, что мы можем пойти в Ратушу прослушать доклад о Павлове. Хотя могли пойти все, начиная с восьмого класса, но пошли из нашего я, Зося и Нина, которую нам удалось с трудом завлечь, из восьмого один Панфилов, из десятого несколько девочек, которые пошли главным образом потому, что им рекомендовал это сделать физик. По этой же причине и мы пошли, и, конечно, жалеть не пришлось. Доклад делал профессор из Москвы. Он сказал о биографии Павлова и о его деятельности. Вообще было интересно, когда он объяснял о значении сна и летаргии в строении мозга. Он говорил, что человек рождается свободным и что возможности развития природных богатств человеческого мозга неисчерпаемы, нужно только правильное и разумное воспитание его. Присутствовали почти все учителя и другие люди. Андрей в ночь на субботу уехал в деревню чего-нибудь достать. У него, кажется, все тройки. Сейчас недавно только ушли от нас две дамы. Одна была знакомая Муси, а другая — та, которая приезжала к нам зимой, когда мы жили на острове. Она сильно изменилась с тех пор, сын у нее сидит сейчас в Таллине.

Все эти дни службы будут происходить в восемь часов, так тоже надо будет сходить.

27/III/45. Вторник. Сейчас мы собираемся пойти в кино на "Музыкальную историю". Андрей приехал вчера вечером в две-

надцать часов, привез крупы и 60обов, которые ему дала хозяйка. На этот раз она расщедрилась. Зося уже написала для мамы хорошенькое стихотворение, а я не знаю, что мне сделать. Вчера я сделала для себя платочек и выпила. Сейчас, может, успею подрубить второй.

30/III/45. Пятница. Сегодня утром и вчера ходили в церковь. Сегодняшняя служба была очень торжественна и скорбно-печальна. Священник был в черной ризе. Распятие было закрыто в фиолетовую материю, и только потом его открыли. Затем большое распятие положили на пол, и, начиная со священника, все мы его поцеловали. Завтра мы тоже пойдем в церковь. Вообще я думаю, что надо сделаться лучше, добрее. Бабушка Дуня пекла сегодня куличи. Вышли неплохо. Один кулич мы думаем преподнести священнику.

В среду, когда мы ходили к священнику заниматься, то встретили физика, он шел очень быстро с горы. На нем была шляпа, совершенный денди.

Погода за последнее время сильно изменилась. Вместо солнца — туман или дождь. У меня все время мокрые ноги. Река сделалась большая и поднялась. Мост у Оа *[понтонный]* разрушили, и нам приходится ходить здешним.

Самое ужасное в нашем бытии сейчас — это пилка дров. Надо пилить березу, а пила совсем не идет. Утром мы уже пилили, а еще надо идти пилить под вечер.

31/III/45. Суббота. Недавно пришли мы из церкви. Сегодня причащались. Я пришла домой с самыми благими намерениями: не сердиться, быть хорошей девочкой. Андрею понадобилась одежная щетка, а он ее не находил, стал кричать, ругаться, и это после исповеди! Конечно, такое поведение не способствует спокойствию. Потом он начал кидать зажженные спички в Матвея, а этот полез драться и ругался самыми ужасными словами. Ужасно невоспитанный, хулиганский этот Андрей, несмотря на его "доброе сердце".

2/IV/45. Понедельник. Утро. Идет дождь. Сейчас пойдем в школу.

8/IV/45. Воскресенье. Это неделя принесла несколько неприятных открытий: 1 — я не понимаю задач по геометрии, 2 — по физике, 3 — получила тройку по военному делу. Тут как-то он задал, и мы не решили, так le maître *[фр. — учитель]* просто ответил, что "это хуже для нас". Мы с Зосей решали, да ничего не вы-

ходит. Белоусова сказала, что Арбеков *[учитель по математике]* и физик согласились дать всему классу дополнительные уроки.

Сегодня в церковь мы не ходили, так как должны были идти убирать город. Уборкой занимался весь город. Зося плохо себя чувствовала и потому ушла раньше. А все мы кончили около двух. В пятницу приходила Олечка и принесла Зосе берет из зеленого бархата. Она его сделала "по моде", и он идет Зосе. Олечка говорит, что у них плохо с питанием, что ей, может быть, придется бросить институт. Вчера мы ходили на концерт эстонской национальной музыки. Пел Heino Otto и тот артист, который играл Хозе. Он пел песню "Kallis Mari" *[эст.— "Дорогая Мари"]*. Ну, и, безусловно, был мил балет "на лоне природы".

В среду мы ходили к священнику. Священник нам оставил на дверях записку, что он в церкви и что мы должны, придя, его позвать. Он был оживлен, рад, так как работник должен был начать чинить колокольню. Мы у него пробыли недолго, и это посещение мне понравилось.

12/IV/45. Четверг. Десятого числа мы ходили в кино и смотрели "Воздушного извозчика". Не особенно понравилось. У Зоси новая шляпа *[берет]*, к ней очень идет. Я сегодня не в настроении писать, хотя это необходимо, так как, о, злая судьба!, вчера нам сказали, что Глеб Александрович Бихеле уезжает в Москву. Для нас это означает только то, что жизнь потеряет какой-либо интерес, станет серой, без вторников и пятниц. Скверно! Сегодня сказали, что он уезжает в командировку на две-три недели и что его будет заменять седой, старый учитель. Но у меня как-то пусто, и нет волнения на душе. Софьюшке же это доставляет много огорчений. Ведь это был единственный учитель и единственный предмет, который мы изучали по-настоящему. Вчера я решила с горя почитать Марлитт "В доме коммерции советника".

Теперь я напишу о Пасхе, а то у меня там ничего не написано. Вечером в субботу я с Зосей пошли отнести патеру кулич и яйца, но его не было дома. Тогда Зося пошла в дом сестер, а я решила пройтись по тротуару. Но по тротуару невдалеке шел господин, и я при взгляде на него поняла, что это физик. Боясь встретиться с ним, я быстро вошла во двор, и вскоре он прошел мимо меня. Рот у него был полуоткрыт, лицо слегка покраснело. Он был в шляпе и в русских сапогах. Шел он очень быстро. Была весенняя, полувечерняя погода.

15/IV/45. Воскресенье. Сегодня мы исповедовались, но того молитвенного настроения, как в прошлый раз, не было. Но все-таки я желаю "исправиться". Сегодня в школе концерт, и мы ду-

маем пойти. А во вторник будет концерт в Ванемуйне *[оперный театр в Тарту]*. Вчера я кончила Марлитт, очень понравилось, а также прочла книжечку Бокля. Стараюсь читать по-французски, кажется, лучше идет. Сегодня справляются наши с Зосей рождения, и потому пекли пирог из белой муки и сделали суп с мясом. За столом Зося сказала, что ей мясной суп кажется каким-то аристократизмом, и мы вспомнили, как в Пушкине ели лепешки из кашки, заваруху, вроде воды, соусы из крапивы и подорожника. И тогда нам это казалось естественным. Однажды мы с папой ходили на кладбище и по дороге встретили полянку с клевером. Мы были рады, что сможем так много принести ее *[кашки]* домой. И тут нам повстречался Allemand *[фр. — немец]* с собакой. Он заговорил с нами и спросил, для чего мы ее собираем. Все, что прошло, потеряло свои шипы и стало мягким и розовым; все, что сейчас, туманно и нерельефно, еще непонятно, будущее далеко и неизвестно. В восьми километрах от города есть семья, которая могла бы взять нас на лето *[в работницы]*. Не знаю, когда мы кончим уроки, вообще занятия.

Вчера сообщили по радио, что умер Рузвельт от излияния крови в мозг. Говорят, что на ведение войны это не может отразиться, но на условиях Мира — возможно. Сегодня мне еще надо писать письмо Нат. Конст.

20/IV/45. Пятница. Вчера мы ходили к учителю заниматься задачами. К священнику тоже вчера ходили. Так что вышли в половине пятого, а пришли домой около девяти. Керосин кончается. Во вторник ходили в концерт, дирижировал другой и гораздо хуже. А тот, блондин, сидел на балконе и очень вяло аплодировал. Сейчас кончила читать Гладстона. Уже несколько дней я не читала по-немецки. В воскресенье пойдем в кино на "Мушкетеров". Настроения никакого. Скучно и противно.

23/IV/45. Понедельник. Сегодня ходили заниматься алгеброй, и опять день разбит. В субботу и сегодня я не ходила в школу, а стирала белье. Вчера было четыре года, как умерла бабушка *[мама отца]*, утром я с мамой и Матвеем ходили в церковь. На "Мушкетеров" ходили мы в пятницу, очень понравились, и я много смеялась. Говорят, что бои идут уже на улицах Берлина. Фронты уже очень подошли друг к другу. В газетах стараются рассеять нелепые слухи и надежды. Недавно напечатали критику на статьи Эренбурга. Последний назвал Германию сплошной шайкой; так тут говорится, что мы ничего не сделаем людям, не принимавшим никакого участия в борьбе. Читателей все время разуверяют относительно надежд немцев возбудить недоверие среди союзников.

Недоверие это может, якобы, произойти на почве того, что на западном фронте англичане не встречают никакого сопротивления, а на восточном фронте концентрируют все свои силы. В среду я должна писать сочинение о Герцене и не знаю, что писать.

1/V/45. Вторник. *[...]* В воскресенье мы учились во вторую смену, а вечером с шести часов был акт и вечер, посвященный 1 Мая. *[...]* После выступлений девочки танцевали, но ведь мы не умеем, так что сделалось грустно и от музыки, от всего, и мы вскоре ушли домой. Эти дни мы хлопочем о пропуске в Таллин, чтоб самим подать прошение о переводе без экзаменов. Директор не согласился здесь дать свою санкцию. Мы думаем поехать завтра с тем, чтобы пробыть там до пяти часов и вернуться обратно. Если б мы имели где-нибудь там ночлег, тогда могли бы остаться там подольше и получше осмотреть город. Не знаю, как вся эта затея обойдется.

Суть "затеи" состояла в том, что мы хотели как можно раньше освободиться от школы, быть переведенными без экзаменов или сдать экзамены досрочно. Мы спешили устроиться куда-нибудь на хутор пастухами-работницами. Мы оказались в Таллине вечером, в темноте. Но министерство просвещения нашли. Привратник, сторож ли нам открыл. Все мы ему рассказали. Он позвонил министру профессору Нууту домой, и министр разрешил нам переночевать у него в кабинете на диване, большом, черном, кожаном. Утром мы встретились с ним. Осталось впечатление от безукоризненной приветливой вежливости, удивительного внимания к нам. По-моему, сам профессор принес нам что-то золотистое на тарелке: булка с маслом, маленькие пирожки. Нас напоили кофием.

На свое прошение мы получили разрешение перевести нас в следующий класс без экзаменов.

Физик не приехал, а без него мы ничего не знаем. Вообще он нужен нам как вдохновитель. В субботу мы ходили в концерт. Исполняли увертюру к “Севильскому цирюльнику”, из “Травиаты”, пролог к “Паяцам” и балет из “Лакме”. Зося ходила второй раз на “Мушкетеров”, а я читала тем временем “В добрый час, Вернер!”.

Наши войска взяли Берлин и соединились с войсками союзников.

Немцы предлагали капитулировать Америке и Англии, но последние не согласились, говоря, что только перед всеми союзниками. Сейчас почитаю газету и буду тогда писать дальше. Ну вот прочла, что Муссолини, Паволини, Карло Скорца и любовница Муссолини Клара Петачи казнены 29 апреля. И малое, и многое сказано этим.

Маме сшили юбку и две блузки. Зосе подогнули пальто.

9/V/45. Среда. МИР.

Мы сидели и занимались, когда пришла бабушка Дуня и стала поздравлять нас с Миром. Это что-то неестественное, необычайное — МИР. Мы оделись и пошли погулять. На площади было так много народа. Сегодня и погода мирная, довоенная. Солнце и небо, ясное, голубое. Я смотрю на улицу, и земля мне кажется темной. Хотя ум восторгается и убеждает сердце ликовать, мне все-таки досадно, что у на́с нет какой-либо подруги, приятельницы, с которой можно было бы поговорить, поделиться этой радостью, столько лет казавшейся неисполнимой. Как часто в Пушкине, в Гатчине, на острове, в Тюютсмяэ мы, просыпаясь, думали, а что, если сегодня объявят мир. И мы думали, что бы мы стали делать, когда нам бы сказали: "Сегодня мир!" Мне казалось, что я должна начать прыгать. А сегодня я иду гулять и все-таки думаю, что мне осталось повторять. Мир — как это необыкновенно! С сегодняшнего дня можно начать жить, надеяться, иметь что-то твердое под ногами.

Краткое послесловие

В июле 1945 года утонул Андрей.

Весной 47-го мы с сестрой окончили школу в Тарту, и пути наши разошлись.

Сестра о себе.

В 1952 году окончила географический факультет Ленинградского государственного университета. С 1955 по 1962 — геолог Амакинской экспедиции Якутского Геологического Управления (поселок Нюрба).

В 1968 году защитила кандидатскую диссертацию на тему "Геоморфология нижнего течения р. Лены в связи с поисками рассыпных и коренных месторождений алмазов". В Ленинграде с конца 1962 года. С 1962 по 1983 — сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского геологического института (ВСЕГЕИ).

Сын 1958 года рождения — Николай Кривулин.

После окончания филологического факультета ЛГУ я два года работала в Тартуском университете, преподавала русский язык эстонцам. С 1954 по 1957 г. училась в аспирантуре у своего Учителя по студенческим годам Б.А. Ларина. В августе 57-го приехала с мужем в Уфу работать в Башкирский университет. В январе 59 года родился сын Арсен. Девяти месяцев он заболел туберкулезом, пришлось оставить работу и искать такую, при которой я смогла бы большую часть дня быть дома. С августа 61-го проработала 25 лет учительницей русского языка и литературы в школе рабочей молодежи № 26. В январе 62-го родился сын Сергей.

В школе много внимания и времени уделяла эстетическому воспитанию учащихся.

Незаметно из всего, что покупала себе в радость и для сил, чтобы жить, составилась коллекция народного прикладного искусства. Началась она, как оказалось, с богородской игрушки "Кукушка и Петух", которую купила в Москве по пути из Ленинграда в Уфу с эмблемой VI Фестиваля молодежи и студентов.

Писала в газеты. За статьи по проблемам развития башкирского народного прикладного искусства была принята в 1964 году в Союз журналистов СССР. Печаталась в “Советской культуре” по этому же кругу тем.

В марте 98-го в трех залах Уфимской художественной галереи состоялась выставка моей коллекции.

Брат Матвей в 1955 г. окончил Горный институт в Ленинграде. Гидрогеолог. Работал в Казахстане: Джартас, Джезгазган. Кандидат геолого-минералогических наук, ведущий гидрогеолог во Всесоюзном научно-исследовательском институте гидрогеологии и инженерной геологии (ВСЕГИНГЕО), пос. Зеленый Московской области. Имеет дочь и сына.

Последние 11 лет своей жизни мама жила в Ленинграде у сестры. Все годы, до самой смерти в 1979 году, мы с мамой часто, несколько раз в месяц, писали друг другу. Все письма маменьки сестре в Якутию, мне — в Уфу целы.

В заключение хочу сказать большое спасибо сыну Сергею, который подвиг меня на работу с сохранившимся архивом, годы был моим истинным вдохновителем и первым читателем многих кусков Дневника; поблагодарить сестру и брата, особенно сестру, за моральную и материальную поддержку в опубликовании Дневника.

Без делового участия сыновей Дневник не увидел бы свет.

Спасибо сыну Арсену: сотрудники его предприятия Ольга Новикова и Владимир Штейн выполнили всю основную работу по компьютерному набору текста.

Окончательную верстку для сдачи рукописи в издательство осуществил Николай Кривулин.

Спасибо всем друзьям, всем моим помощникам, кто поддерживал во мне волю выполнить этот долг благодарной памяти перед родителями.

Софья Нуриджанова

22 июля 1998 г.
Уфа

СОДЕРЖАНИЕ

Библиотека журнала "Новый Часовой"

Литературно-художественное издание

ЖИЗНЬ В ОККУПАЦИИ

Пушкин • Гатчина • Эстония

Дневник Люси Хордикайнен

Над книгой работали:

Г.Чередниченко (зав. редакцией)

Е.Миллер (вычитка, подготовка оригинала-макета)

Е.Соловьева (оформление обложки)

Н.Петров (обработка иллюстраций)

Лицензия ЛР № 04050 от 15.08.96.

Подписано в печать с оригинала-макета 21.01.99. Ф-т 60x84/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8,6 + 1,86 илл. Уч.-изд. л. 8,76 + 1,6 илл. Тираж 500 экз. Заказ № 21

Редакция оперативной подготовки учебно-методических и научных изданий
Издательства С.-Петербургского университета.
199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Центр оперативной полиграфии С.-Петербургского университета.
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 6.

Как часто в Пушкине, в Гатчине, на острове, в Тюютсмяэ мы, просыпаясь, думали, а что, если сегодня объявят мир. И мы думали, что бы мы стали делать, когда нам бы сказали: «Сегодня мир!» Мне казалось, что я должна начать прыгать. А сегодня я иду гулять и все-таки думаю, что мне осталось повторять. Мир — как это необыкновенно!